

Натаниель ГОТОРН

КНИГА ЧУДЕС

Иллюстрации Уолтера Крейна

**Натаниель Готорн
Книга чудес**

Предисловие

Автор давно и неколебимо убежден, что классические мифы – если не все, то многие из них – вполне доступны пониманию детей и, обработанные соответствующим образом, могут послужить для них в качестве поучительного чтения. С этим намерением он переработал десяток античных легенд и ныне предлагает плод своих трудов вниманию публики. Бесспорно, что для достижения поставленной цели ему потребовалась изрядная свобода обращения с материалом, как бесспорно и то, что, несмотря на все ухищрения, никакие временные наслоения и обстоятельства совершенно не отразятся на самих мифах, в чем удостоверится каждый, кто рискнет отлить их в новой форме, переплавив в горниле собственной интеллектуальности. Такой человек вскоре убедится, что те изменения, которые неизбежно меняют облик почти всего сущего, никак их не затронут и они в своей сути останутся прежними.

Поэтому автор не признает себя виновным за то якобы святотатство, какому он, идя порой на поводу своего воображения, подверг форму, в которую были отлиты эти легенды во времена глубокой античности, два или три тысячелетия назад. Ни одна эпоха не может заявить свое бесспорное авторское право на эти бессмертные творения. Да и вообще, такое впечатление, что их

никто никогда не творил, а потому автор нисколько не сомневается, что, пока существует человечество, они не потеряют своей значимости, хотя; именно в силу их несокрушимости, каждая эпоха законным образом будет наделять их особыми, свойственными лишь этой эпохе, манерами и сантиментами, и насыщать своей моралью. Возможно, в нынешнем виде они несколько утратили свой классический стиль (или автор в силу своей невнимательности не сумел сохранить его) и приобрели кое-какие готические или романтические черты.

Занимаясь этим приятным трудом – а это и в самом деле был приятный, хотя, с учетом жаркой погоды, нелегкий литературный труд, – автор не всегда находил уместным переделывать либо упрощать текст, дабы приспособить его к детскому восприятию. Нет, автор в общем и целом никак не влиял на развитие темы, позволяя ей свободно воспарять к высотам духа, если к тому намечалась тенденция и если он сам был достаточно увлечен, чтобы следовать ей, не прилагая к тому особых усилий. Дети обладают бесценной восприимчивостью ко всему глубокому и высокому, что бы то ни было – воображение или чувство, и не утрачивают этой восприимчивости, пока высокое облечено в простую форму. Если что

и сбивает их с толку, то только искусственная сложность.

Ленокс, 15 июля 1851 г.

Голова Горгоны

Терраса Тэнглвуда. Предисловие к «Голове Горгоны»

В одно прекрасное осеннее утро на террасе помещичьего дома Тэнглвуд собралась веселая компания детей с высоким юношей во главе. Малыши решили отправиться в лес за орехами, а потому с нетерпением ожидали минуты, когда туман над верхушками холмов наконец рассеется, чтобы дать солнцу излить зной бабьего лета на поля, леса и пастбища. Все обещало чудесный, радующий взоры день, хотя густая мгла полностью заволакивала долину, над которой на пологом холме стоял дом.

Белая завеса тумана, начинавшаяся менее чем в ста ярдах^[1] от дома, совершенно скрывала все предметы, за исключением возвышавшихся кое-где красновато-желтых вершущек деревьев, которые, как и кромка туманной завесы, уже были озарены лучами солнца. В четырех или пяти милях к югу высилась окутанная облаками вершина Моньюмент Маунтин^[2], а далее, милях в пятнадцати в том же направлении неясно вырисовывался еще более грандиозный голубой купол Таконика^[2] почти такой же призрачный, как и то море мглы, которое его окружало. Ближайшие холмы, окаймлявшие долину, тонули в клубах тумана и, казалось, были испещрены клочьями облаков. Мглистые волны, почти скрывавшие поверхность земли, делали окружающий мир призрачным и фантастическим.

Вскоре как всегда веселая и жизнерадостная детвора покинула террасу: одни принялись бегать по усыпанной мелким гравием аллее, другие резвились на влажной от росы лужайке. Я затруднился бы точно определить, сколько их всего было: во всяком случае, не менее девяти-десяти и не более двенадцати мальчиков и девочек самой разнообразной наружности, роста и возраста. Большинство из них приходились друг другу родными или двоюродными братьями и

сестрами, а несколько были приглашены семейством Прингл навестить детвору Тэнглвуда и насладиться прекрасной погодой. Я не решаюсь сказать вам, как их звали, и даже вообще дать им какие-либо имена, как это обыкновенно делается, так как слишком хорошо знаю, что иногда авторы терпят большие неприятности, случайно давая имена живых людей героям своих произведений. Поэтому я назову их так: Мальва, Барвинок, Черника, Маргаритка, Резеда, Астра, Подорожник и Лютик, хотя, несомненно, такие имена более подходят собранию фей, чем обыкновенным детям.

Не следует думать, что родители или родственники этих детей позволяли им бродить по лесам и полям без всякого присмотра. О нет! Еще в самом начале своей книги, как вы, вероятно, помните, я упомянул о некоем высоком юноше. Его имя (я, пожалуй, сообщу вам его настоящее имя, так как он очень гордится историями, которые вам предстоит прочитать) было Юстес Брайт. Он учился в Уильям-колледже и, так как к этому времени ему было уже около восемнадцати лет, пользовался большим уважением Барвинка, Одуванчика, Черники, Резеды, Астры и остальных детей, достигших только половины или даже трети этого возраста. Слабость зрения, которую некоторые учащиеся считают наилучшим доказательством их усердия в науках, задержала молодого человека в Тэнглвуде на одну или две недели после начала занятий, хотя, говоря откровенно, я редко у кого встречал глаза лучше, чем у Юстеса Брайта.

Этот стройный и бледный, как и все школьники Америки, юноша отличался здоровым и таким добродушным видом, что могло показаться, будто он приделал крылышки к своим непромокаемым сапогам из толстой кожи, незаменимым при ходьбе через ручьи и болота, которые он очень любил. На молодом человеке была полотняная блуза и мягкая суконная шляпа, наряд дополняли синие очки, которые Брайт носил, по-видимому, не столько из-за слабости зрения, сколько для придания себе важности. Во всяком случае, он мог отлично обходиться без них, что и доказала маленькая проказница Черника. Улучив минуту, когда Юстес сидел на

ступеньках террасы, она подкралась к нему сзади и, сорвав очки с его носа, нацепила на свой собственный. Вскоре после этого очки очутились на траве и, так как Брайт совершенно забыл про них, преспокойно пролежали там до следующей весны.

Нужно вам сказать, что Юстес Брайт славился среди детей, как рассказчик чудесных сказок. Правда, временами, когда дети особенно настойчиво приставали к нему, требуя все новых историй, он делал вид, что недоволен этим, хотя вряд ли существовало занятие, которое нравилось бы ему более. Во всяком случае, глаза его сразу заблестели, когда Клевер, Папоротник, Маргаритка, Лютик и другие стали просить, чтобы он рассказал им какую-нибудь сказочку, пока туман еще не рассеялся.

– Да, кузен Юстес, – сказала Мальва, бойкая белокурая девочка лет двенадцати с веселыми глазками и чуть вздернутым носиком, – утро, конечно, наилучшее время для рассказов, которыми вы нам так часто надоедаете. Во всяком случае, вряд ли все заснут на самом интересном месте, как мы с Маргариткой вчера вечером!

– Противная Мальва, – воскликнула Маргаритка, девочка лет шести, – я вовсе не думала спать: я только закрыла глаза, чтобы яснее видеть то, о чем рассказывал кузен Юстес. Его истории одинаково хорошо слушать и днем, и на ночь. На ночь, потому что тогда легко увидеть услышанное во сне, а утром, потому что потом мы весь день можем думать о них. Я надеюсь, что он и сейчас расскажет нам что-нибудь.

– Спасибо, моя маленькая Маргаритка, – сказал Юстес. – Конечно, я расскажу вам самую интересную историю, какую только смогу придумать, хотя бы для того, чтобы защитить себя от этой противной Мальвы. Но, дети, я уже рассказал вам столько волшебных сказок, что сомневаюсь, осталась ли хоть одна, которой вы бы не слышали по меньшей мере дважды. Я боюсь, что вы действительно заснете, если я вздумаю повторить что-нибудь из прежнего.

– Нет, нет, нет! – воскликнули Василек, Барвинок, Подорожник и остальные. – Сказка нравится нам гораздо больше, если мы слышим

ее во второй или третий раз.

И действительно, не раз замечалось, что от многократных повторений занимательность сказки для детей только усиливается. Но Юстес Брайт, гордый своим запасом историй, не захотел воспользоваться возможностью, за которую с радостью ухватился бы более опытный рассказчик.

– Было бы очень жаль, – произнес он, – если бы человек с моими познаниями, не говоря уже о природной фантазии, не сумел каждый день из года в год находить новые сказки для таких детей, как вы. Сегодня я расскажу вам одну из сказок, написанных для нашей прабабушки Земли, когда она была еще ребенком и ходила в детском платье и передничке. Таких сказок – сотня, и меня удивляет, что их давным-давно не напечатали в книгах с картинками для маленьких девочек и мальчиков. Вместо этого старики изучают их по заплесневелым греческим книгам, ломая себе голову над тем, когда, как и для чего они были сочинены.

– Отлично, отлично, дорогой кузен Юстес! – хором закричали дети. – Хватит об этом! Начинайте же рассказывать.

– Ну так садитесь рядом, – скомандовал Юстес Брайт, – и будьте смирны, как мыши. При малейшем шуме, кто бы его не произвел, противная Мальва, маленький Одуванчик или кто-то другой, я перекусываю нить сказки и проглатываю остальную часть. Итак, прежде всего, знает ли кто-нибудь из вас, что такое Горгона?

– Я знаю! – отозвалась Мальва.

– Придержите пока ваш язычок! – заметил Юстес, который предпочитал, чтобы никто ничего не знал. – Ну, а теперь внимание: я расскажу вам очень интересную сказку о голове Горгоны.

И Юстес начал рассказ, который вы можете прочесть на следующих страницах. Юноша пустил в ход всю свою ученость и находчивость, однако особо не церемонился с классическими авторитетами, всякий раз, как того требовала его смелая фантазия.

Голова Горгоны

Персей был сыном царской дочери Данаи. Когда он был еще младенцем, злые люди посадили его вместе с матерью в ящик и пустили ящик по морю. Дул свежий ветер, и бурные волны, яростно подбрасывая ящик, отнесли его далеко от берега. Крепко прижав мальчика к своей груди, Даная с ужасом ожидала, что вот-вот какой-нибудь из бешено катившихся валов навсегда скроет их под своим пенистым гребнем. Однако ящик понемногу плыл вперед, сильно покачиваясь, но не опрокидываясь. С наступлением ночи он очутился так близко от берега, что запутался в рыбачьих сетях и был благополучно вытасчен на землю, оказавшуюся островом Серифом. Этот остров находился под властью царя Полидекта, который был братом рыбака, вытащившего ящик.

К счастью, спаситель Данаи отличался необычайной добротой и сердечностью. Он оказал Данае и ее маленькому сыну тысячи услуг и всячески помогал им, пока Персей не стал красивым, сильным и ловким юношей и не научился искусно владеть оружием.

Так как царь острова Полидект отнюдь не обладал добротой и благородством своего брата, а, напротив, отличался злобным характером, немудрено, что он решил поручить Персею дело, в котором бы тот неминуемо лишился жизни. А освободившись от Персея, Полидект мог безнаказанно обижать Данаю. Долго придумывал жестокосердный царь, что бы такое поручить отважному юноше, и, наконец, найдя то, что искал, немедленно послал за Персеем.

Юноша явился в царские чертоги и предстал перед царем Полидектом.

– Персей, – сказал царь с лукавой усмешкой, – вот ты и стал взрослым мужчиной. Ты, конечно, помнишь, сколько участия мы с братом проявили к тебе и твоей достойной матери, а потому я надеюсь, что ты не откажешься хоть чем-то отплатить мне за это.

– Приказывай, царь! – воскликнул Персей. – Ради этого я охотно пожертвую жизнью!

– Хорошо, – продолжал Полидект все с той же хитрой улыбкой, – я хочу предложить тебе взяться за одно довольно опасное дело: такой храбрый юноша, как ты, должен считать большим счастьем, если ему представляется удобный случай отличиться. Дело в том, Персей, что я намерен жениться на прекрасной царевне Гипподамии, а потому должен сделать ей изысканный свадебный подарок. Откровенно признаюсь, я долго думал, где мне достать такой свадебный дар, который бы угодил прихотливому вкусу царевны, но сегодня утром я понял, что мне надо.

– И я могу помочь тебе добыть это? – пылко воскликнул Персей.

– Можешь, если только ты такой храбрый юноша, как я думаю, – доброжелательно проговорил Полидект. – Я хочу, чтобы свадебным даром прекрасной Гипподамии стала голова Медузы Горгоны со змеями вместо волос, и надеюсь, что ты добудешь ее мне. Время не терпит, и чем скорее ты отправишься на поиски Горгоны, тем лучше.

– Я пойду завтра утром, – ответил Персей.

– Я буду очень рад этому, храбрый юноша, – сказал царь. – Но помни, Персей, что тебе придется нанести очень ловкий удар, чтобы не повредить голову Горгоны. Ты должен принести мне ее такой, чтобы она удовлетворила изысканный вкус царевны Гипподамии.

Едва Персей покинул дворец, Полидект разразился громким смехом: злой царь был доволен, что юноша так легко попался в западню.

Вскоре всем стало известно, что Персей хочет добыть голову Медузы со змеями вместо волос, и так как большинство жителей острова были такими же злыми людьми, как и сам царь, всех очень обрадовала мысль о неминуемой гибели Данаи и ее сына. Опечалился лишь спасший их рыбак, который был чуть ли не единственным добрым человеком на всем Серифе. Когда Персей тронулся в путь, все, смеясь и подмигивая друг другу, стали указывать на него пальцами. Некоторые громко кричали ему вслед:

– Смотрите, вот человек, которого растерзает Медуза!

Нужно вам сказать, что в то время в Греции жили три Горгоны, которые, без сомнения, были самыми странными и опасными из всех чудовищ, когда-либо существовавших на земле. Я затруднился бы определить, к какому роду существ следует отнести этих странных сестер, которые имели некоторое, правда весьма отдаленное, сходство с женщинами и в то же время были сродни свирепым и кровожадным драконам. Во всяком случае, трудно представить себе что-нибудь более злое и ужасное, нежели Горгоны. На головах у них вместо волос вились целые сотни отвратительных змей, высовывавших ядовитые языки с раздвоенными на конце жалами. Длинные и острые клыки торчали из пастей Горгон; руки у них были медные, а туловище сплошь покрыто такой твердой и непроницаемой чешуей, словно она была сделана из железа. А вот крылья у Горгон были чрезвычайно красивы: каждое перышко горело и сверкало чистым золотом, особенно когда на него падали лучи солнца.

Но тот, кому доводилось случайно увидеть Горгон, никогда не останавливался, чтобы полюбоваться сиянием их крыльев, а бежал без оглядки и старался спрятаться понадежней.

Может быть, вы думаете, что люди боялись ядовитых змей, заменявших Горгонам волосы, их острых клыков и медных когтей? Всё это, несомненно, могло внушать страх, но не в этом заключалась главная опасность встречи с ними. Ужасные Горгоны могли мгновенно превратить в холодный, безжизненный камень всякого смертного, осмелившегося взглянуть им в лицо!

Теперь вы сами видите, сколь опасным было поручение, придуманное для простодушного юноши царем Полидеком. Сам Персей, основательно все обдумав, понял, что у него весьма мало надежды на благополучный исход предприятия и гораздо больше возможностей превратиться в камень, нежели принести царю голову Медузы. Осознание этого могло привести в отчаяние и более опытного человека, нежели Персей. В самом деле, ему предстояло

не только убить златокрылое, чешуйчатое, меднолапое чудовище, но еще и сделать это с закрытыми глазами или ни разу не взглянув на врага, с которым придется сражаться. Стоило Персею поднять руку для удара, глядя на противника, как он тотчас был бы превращен в каменное изваяние, которое сотни лет простояло бы с поднятой рукой и, в конце концов, рассыпалось от ветра и непогоды. Такой исход был, разумеется, очень не по вкусу храброму юноше, намеревавшемуся совершить в будущем великое множество разных подвигов и насладиться всем счастьем, которое может даровать этот мир.

Персей так упал духом от этих размышлений, что не решился сообщить матери о своем предприятии. Украдкой взяв щит и опоясавшись мечом, он переправился на противоположный пустынный берег. При одной мысли о том, что его ожидало, Персей едва сдерживался от рыданий.

– Почему ты так печален, Персей? – внезапно раздался рядом с юношей чей-то голос.

Подняв голову и отняв руки от лица, Персей увидел, что перед ним стоит молодой человек, веселый и бойкий на вид, с необычайно пронизательным взглядом. На плечах незнакомца был плащ, на голове – какая-то странная шапочка, в руках он держал причудливо изогнутый жезл. Висевший на боку короткий и кривой меч дополнял наряд. Фигура юноши дышала необычайной ловкостью и гибкостью, свойственной человеку, который привык к гимнастическим упражнениям и любил бегать и прыгать. Незнакомец казался таким смелым, решительным и в то же время ласковым (хоть и с некоторым оттенком лукавства), что Персей при первом же взгляде на него совершенно приободрился. Отважному юноше, каким он был на самом деле, стало стыдно, что его, словно боязливого ребенка, застали со слезами на глазах, хотя в сущности еще рано было отчаиваться. Персей торопливо смахнул слезы и, как только мог, бойко и весело отвечал незнакомцу:

– Я совсем не печален. Просто я все время думаю о поручении, которое взялся выполнить.

– Вот как. Хорошо, расскажи мне обо всем подробнее, – произнес юноша – Возможно, я смогу помочь тебе. Ведь я помогал многим людям в делах, казавшихся сначала необычайно трудными. Ты, наверное, не раз слышал обо мне. Правда, у меня много имен, но имя Ртуть нравится мне больше других. Рассказывай же, чем ты так озабочен, а потом мы обсудим все сообща и будет видно, что следует предпринять.

Слова незнакомца вселили в Персея надежду, и он решил откровенно рассказать обо всем, чтобы новый друг мог дать ему совет, который приведет дело к благополучному исходу. Юноша рассказал, что царь Полидект решил преподнести голову Медузы Горгоны в дар прекрасной царевне Гипподамии и что он, Персей, взялся достать ее, хотя и боялся оказаться превращенным в камень.

– Да, это было бы очень печально, – произнес Ртуть с лукавой усмешкой. – Положим, из тебя вышла бы превосходная мраморная статуя, которая простояла бы много веков, прежде чем рассыпаться на мелкие куски, но лучше хоть несколько лет побыть юношей, чем целые века – каменным изваянием.

– Еще бы! – воскликнул Персей, на глазах которого опять показались слезы. – Что стала бы делать моя мать, узнав, что ее единственный сын превращен в камень?

– Ну, довольно, довольно. Будем надеяться на лучшее, – подбодрил юношу Ртуть. – Я именно тот человек, который может тебя выручить. Мы с сестрой приложим все усилия, чтобы ты вышел целым и невредимым из этого, откровенно говоря, очень опасного предприятия.

– С сестрой? – переспросил Персей.

– Ну да, у меня есть сестра, – сказал незнакомец. – Она очень мудрая женщина, уверяю тебя. Если ты будешь смелым и благоразумным и прислушаешься к нашим советам, тебе нечего опасаться быть превращенным в камень... Но к делу: прежде всего

ты должен отполировать свой щит так, чтобы твое лицо отражалось в нем, как в зеркале.

Эти слова показались Персею очень странными, так как он полагал, что в первую очередь щит должен быть достаточно крепким, чтобы защищать от медных когтей Горгоны, а не идеально гладким, чтобы смотреться в него, будто в зеркало. Решив, однако, что Ртуть дал такой совет не даром, юноша немедленно принялся за дело и вскоре так старательно отполировал щит, что тот стал блестеть не хуже луны во время полнолуния.

С улыбкой осмотрев работу Персея и одобрительно кивнув, Ртуть снял с пояса изогнутый меч и вручил его юноше.

– Ни один меч, кроме этого, не годится для поединка с Горгонами, – заметил он. – Его превосходный клинок разрезает железо и медь, словно тоненький прутик. Ну, а теперь мы тронемся в путь. Прежде всего, необходимо разыскать трех грай, которые скажут нам, где найти нимф.

– Трех грай! – воскликнул Персей, услышав об очередном препятствии к достижению цели. – А это кто такие? Я о них никогда не слышал.

– Это просто три удивительные старухи, – рассмеялся Ртуть. – У них один глаз и один зуб на всех. Увидеть их можно только в сумерки или вечером при блеске звезд, так как они никогда не показываются при солнечном или лунном свете.

– Но зачем же нам тратить время на этих старух? – возразил Персей. – Не лучше ли сразу пуститься на поиски Горгоны?

– Нет, нет! – отвечал его новый друг. – Нам предстоит много дел, прежде чем мы доберемся до Горгон. А найти старух крайне необходимо. Когда мы встретимся с ними, до Горгон будет рукой подать.

К этому времени Персей уже настолько уверовал в проницательность и ум своего товарища, что перестал возражать и заявил, что готов идти. Они немедленно тронулись в путь, причем Ртуть шел так быстро, что вскоре Персею стало очень трудно

поспевать за ним. Юноше не раз казалось, что его спутнику помогают двигаться крылатые башмаки, а когда Персей искоса поглядывал на Ртуть, ему чудилось, что крылья есть и на голове товарища. Однако стоило Персею присмотреться внимательнее, как крылья оказались причудливой шапочкой. А вот витой жезл без всяких сомнений очень помогал Ртути... Обыкновенно такой проворный и неутомимый, вскоре Персей выбился из сил.

– Возьми-ка мой жезл! Похоже, ты нуждаешься в нем гораздо больше меня! – воскликнул Ртуть (этот плут уже давно заметил, как трудно Персею следовать за ним). – Да, не осталось на острове Сериф скороходов...

– Я бы ходил не хуже, чем ты, если бы у меня были крылатые башмаки, – сказал Персей, бросая лукавый взгляд на ноги товарища.

– Что ж, нужно будет позаботиться о паре для тебя, – ответил Ртуть.

Жезл очень пригодился Персею, он сразу перестал чувствовать усталость. Казалось, причудливо изогнутый жезл не только наделен какой-то странной силой, но и отдает часть этой силы юноше. Теперь Персей и Ртуть, мирно беседуя, быстро продвигались вперед, причем Ртуть рассказывал столько занимательных историй о приключениях, в которых ему приходилось пускать в ход всю свою хитрость и изворотливость, что Персей стал считать его удивительным человеком. Ртуть хорошо знал жизнь, а существует ли что-либо более важное для юноши, чем друг, обладающий подобным знанием. Персей внимательно слушал своего спутника, в надежде набраться у него ума-разума.

Вдруг Персей вспомнил, что Ртуть упоминал сестру, которая могла им помочь.

– Где же твоя сестра? – спросил он. – Скоро ли мы ее встретим?

– Всему свое время, – отвечал Ртуть. – Кстати, надо тебе сказать, что моя сестра совершенно не похожа на меня: она очень серьезна и благоразумна, улыбается редко, никогда не смеется и предпочитает

не говорить ни слова, если не готова сказать нечто дельное. Да и пустые разговоры она слушать не будет.

– Неужели! – воскликнул Персей. – Я буду бояться слово при ней сказать.

– Она хорошо воспитана, уверяю тебя, – продолжил Ртуть, – и знает всевозможные искусства и науки как свои пять пальцев. Она так умна, что многие люди называют ее воплощенной мудростью. Но, говоря откровенно, по-моему, ей недостает живости, и я думаю, что она не показалась бы тебе таким приятным спутником, как я. Впрочем, некоторые ее достоинства несомненно пригодятся нам, когда мы встретимся с Горгонами.

Между тем стало смеркаться, и наши путники вышли на поляну, поросшую колючим кустарником. Место было таким безмолвным и мрачным, что невольно казалось, будто никто никогда здесь не проходил и не жил. Впечатление это усиливал серый сумрак, сгущавшийся с каждой минутой. Персей недоуменно огляделся и спросил Ртуть, долго ли им осталось идти.

– Тс!.. Тише, – отвечал его товарищ. – Именно здесь и сейчас мы можем встретить грай. Будь осторожен, главное, чтобы они не увидели тебя, прежде чем ты их увидишь: хотя у них только один глаз на троих, но он может заменить с полдюжины обыкновенных.

– Что же я должен делать, когда мы их встретим? – спросил Персей.

В ответ на это Ртуть стал объяснять Персею, почему этим женщинам хватает одного глаза на троих. Они попросту передают его на время друг другу, словно очки или лорнет. Лишь только у одной из них истекает время пользоваться глазом, как она вынимает его из глазницы и передает той, чья очередь наступила, причем последняя немедленно пристраивает глаз на место, спеша бросить взгляд на мир.

Теперь, надеюсь, всякому станет понятно, что только одна из грай была зрячей, между тем как остальные две были погружены в

глубокий мрак. А в минуту перехода глаза из рук в руки все трое не видели ничего.

Есть много странностей на свете, и я тому свидетель, но, по-моему, ничто не может сравниться с историей о грайях, у которых был один глаз на троих.

Вероятно, так думал и Персей. Юноша был чрезвычайно удивлен рассказом товарища и подумал было, что Ртуть решил подшутить над ним, так как, по его мнению, на свете не могло быть ничего подобного.

– Скоро ты сам поймешь, правду я говорю или нет, – заметил Ртуть. – Слушай же, тс-с-с, тише! Они идут сюда!

И действительно, вглядываясь в сгущавшийся ночной мрак, Персей увидел неподалеку от себя трех грай. Хорошенько рассмотреть их фигуры ему не удалось, он только заметил, что у них длинные седые волосы. Лишь когда женщины подошли ближе, Персей увидел, что у двух из них вместо глаз зияли пустые глазницы, зато во лбу у третьей, подобно алмазу в оправе, сверкал огромный, блестящий глаз. Он так ярко сиял в темноте, что Персей невольно подумал, будто этот глаз дарует своему обладателю способность видеть ночью так же, как днем. В нем одном была заключена сила зрения трех человек.

А три старухи уверенно шли вперед, как будто все были зрячими. Та, у которой в данную минуту был глаз, вела за руки остальных, поминутно оглядываясь по сторонам. Персей испугался, как бы она не заметила его в густых зарослях кустарника, куда он спрятался вместе с Ртутью.

Однако прежде чем они достигли кустарника, одна из старух громко сказала:

– Сестра, сестра Пугало! Ты держала у себя глаз очень долго. Теперь моя очередь!

– Оставь его мне еще на минутку, сестра Кошмар, – отвечала Пугало. – Мне кажется, я что-то заметила в тех кустах.

– Ну и что из этого? – буркнула Кошмар. – Я тоже могу осмотреть кустарник. Глаз у нас общий, и он служит мне не хуже, а возможно, и лучше, чем тебе. Во всяком случае, я требую, чтобы ты немедленно отдала его мне.

Но тут подала голос третья сестра, которую звали Дрожь. Она стала утверждать, что сейчас глаз должен быть у нее, и что Пугало и Кошмар несправедливо присваивают его себе. Чтобы прекратить спор, Пугало вынула глаз и, держа его в руке, воскликнула:

– Хватит спорить! Пусть одна из вас возьмет глаз себе. Что касается меня, то я буду даже рада немного побыть в темноте. Берите скорее, а то я оставлю его у себя!

Кошмар и Дрожь разом протянули руки, спеша поскорее схватить вожделенный глаз, но так как обе они были слепы, им никак не удавалось нащупать руку сестры. Ну а сестра, в свою очередь, не могла найти их рук, ведь теперь она тоже стала незрячей. Старухи попали в весьма затруднительное положение: несмотря на то что глаз сиял и сверкал, подобно звезде, женщины не могли уловить ни малейшего его отблеска и, при всем желании прозреть, оставались во власти слепоты.

Глядя на Дрожь и Кошмар, наперебой старавшихся вырвать глаз у Пугала, Ртуть так развеселился, что с трудом удерживался, чтоб не расхохотаться.

– Теперь пора! – шепнул он Персею. – Ну, живо, живо! Прежде чем кто-нибудь из старух завладеет глазом, вырви его из рук Пугала!

Пользуясь тем, что старухи все еще продолжали ссориться, Персей выпрыгнул из-за кустов и выхватил глаз у Пугала. Чудесное око сияло в его руке и, казалось, лукаво смотрело на него и словно подмигивало, хотя у него и не было век. Что касается грай, то они, ничего не зная о случившемся и предполагая, что глаз находится у одной из них, продолжали спорить до тех пор, пока Персей не решился сказать им правду.

– Добрые женщины, – произнес он, обращаясь к старухам, – прошу вас, не сердитесь понапрасну. Если кто и виноват во всем

случившемся, так только я. Сейчас ваш чудесный глаз находится у меня.

– Наш глаз у тебя? Но кто ты такой? – разом воскликнули граи, ужасно напуганные как звуками незнакомого голоса, так и известием о том, что их глаз попал в чужие руки.

– Что же нам теперь делать, сестры? Что нам делать? Ведь мы ничего не видим. Отдай нам глаз, наш единственный драгоценный глаз: ведь у тебя и без того их целых два! Отдай нам глаз!

– Скажи им, – прошептал Персею Ртуть, – что они получат его немедленно, как только скажут, где найти нимф, у которых есть крылатые сандалии, волшебная сумка и шлем-невидимка.

– Добрые женщины, – начал Персей, обращаясь к старухам, – вам незачем бояться меня, я не сделаю вам ничего дурного. Вы получите ваш глаз целым и невредимым, если скажете мне, где найти нимф.

– Нимф! О горе нам, сестры! О каких нимфах ты говоришь? – воскликнула Пугало. – Ведь нимф очень много: одни занимаются охотой в лесах, другие живут в дуплах деревьев, третьи – в ручьях и источниках. Мы не можем быть знакомы со всеми. Мы всего лишь три несчастные старухи. У нас был один глаз на троих, но ты и его похитил. Отдай его нам, добрый человек, кто бы ты ни был, отдай его нам!

Во время этого разговора старухи тянули к Персею руки, пытались схватить его, но юноша благоразумно держался на некотором отдалении.

– Добрые женщины, – начал он (Даная учила сына всегда быть вежливым), – ваш глаз у меня, но я верну его вам, если вы скажете, где найти нимф, у которых есть волшебная сумка, крылатые сандалии и... Что еще? Ах, да – шлем-невидимка.

– Горе нам, сестры! Что говорит этот юноша? – одновременно воскликнули Пугало, Кошмар и Дрожь, очень искусно притворяясь изумленными. – О каких крылатых сандалиях он говорит? Да ведь у всякого, кто вздумал бы их надеть, ноги тотчас поднялись бы выше головы! И что это за шлем-невидимка? Разве какая-нибудь шапка, если только она не настолько велика, чтобы под ней можно было

спрятаться, способна сделать кого-то невидимым? А что это за небылица о волшебной сумке? Нет, нет, добрый человек, мы никогда не слыхали о таких чудесных вещах. Впрочем, у тебя ведь два глаза, а не один на троих, как у нас, поэтому ты скорее разыщешь эти чудеса, нежели мы.

Услыхав это, Персей готов был поверить, что грайи в самом деле ничего не знают о нимфах. Юноше стало неловко, что он без нужды причинил им столько беспокойства, и он уже собирался отдать им глаз и извиниться за случившееся, но Ртуть удержал его за руку.

– Не позволяй им одурачить себя, – настойчиво проговорил он. – Эти женщины – единственные существа во всем мире, способные указать тебе, где найти нимф. Если ты не узнаешь этого, тебе ни за что не удастся добыть голову Медузы Горгоны. Не отдавай глаз даром, и все закончится хорошо.

Персей последовал совету Ртути и правильно сделал: немного найдется на свете вещей, которыми бы люди дорожили больше, чем зрением. Грайи не были исключением из этого правила. Поняв, что другого средства вернуть глаз нет, они сообщили Персею все, что он хотел знать. Поблагодарив старух за оказанную услугу, Персей вернул глаз одной из них и отправился в путь. Однако прежде чем юноша успел отойти от них, все трое опять заспорили: оказалось, что Персей случайно отдал глаз Пугалу, которая пользовалась им последней.

Боюсь, у этих дам вошло в привычку ссориться и спорить по всяким пустякам. Странно, что они не научились жить в согласии, ведь они никогда не разлучались друг с другом и не могли обойтись одна без другой. Я бы посоветовал братьям и сестрам, молодым и старым, словом – всем, кому придется иметь «один глаз на троих», быть терпимее друг к другу и не пытаться завладеть им в одиночку.

Тем временем Ртуть и Персей пустились на поиски нимф. Благодаря чрезвычайно точным указаниям старух искать им пришлось недолго. Нимфы оказались существами, совершенно не похожими на Кошмар, Дрожь и Пугало. Это были прелестные юные

создания: у каждой из них было по два глаза, и глаза эти ласково смотрели на Персея.

Казалось, нимфы уже были знакомы с Ртутью. Во всяком случае, когда он рассказал об отважном предприятии, задуманном Персеем, они немедленно выдали ему бесценные предметы, находившиеся под их охраной. Прежде всего они снабдили Персея маленькой, искусно вышитой замшевой сумкой, которую велели хранить, как зеницу ока: это и была волшебная сумка. Затем они принесли башмаки – точнее, сандалии с крошечными крылышками на пятках.

– Надень их, Персей, – сказал Ртуть, – и ты вмиг станешь быстроногим, как мечтал.

Персей принялся надевать одну сандалию, положив другую на землю, как вдруг сандалия распустила крылышки, вспорхнула вверх и, вероятно, улетела бы, если бы Ртуть, подпрыгнув, не поймал ее в воздухе.

– Будь внимательнее, – предостерег он, отдавая ее Персею. – Представь, как перепугались бы птицы, увидав порхающую среди них сандалию.

Надев обе сандалии, Персей сразу же почувствовал, как легки стали его движения. Стоило ему сделать пару шагов, как он очутился в воздухе, высоко над головами Ртути и нимф, откуда ему с большим трудом удалось спуститься на землю. Управлять крылатыми сандалиями оказалось очень сложно, особенно с непривычки. Ртуть очень смеялся над суетливостью своего товарища, советуя ему не торопиться и подождать шлем-невидимку.

Лишь только нимфы надели на Персея шлем с плюмажем из темных перьев, как произошло нечто удивительное, как, впрочем, и все, о чем я до сих пор рассказывал. Там, где за минуту до этого стоял прекрасный, румяный, златокудрый юноша с изогнутым мечом на боку и блестящим щитом в руках – живое воплощение храбрости, отваги и красоты, – теперь не было ничего, кроме воздуха! Исчез даже шлем.

– Где ты, Персей? – спросил Ртуть.

– Здесь, здесь! – раздался откуда-то из воздуха спокойный голос Персея. – Я там же, где и был. Ты меня видишь?

– Нет, – отвечал его друг, – тебя скрывает шлем-невидимка. Но если я тебя не вижу, значит, и Горгоны не смогут. Хорошо, ну а теперь я поучу тебя управляться с крылатыми сандалиями.

Сказав это, Ртуть взмыл в воздух. Крылышки на его шлеме затрепетали с такой силой, что, казалось, его голова вот-вот оторвется от плеч. Персей последовал за товарищем. И вот, когда они очутились на высоте нескольких сот футов, юноша понял, какое наслаждение чувствовать себя птицей, парящей над хмурой землей.

Между тем наступила ночь. Увидев над собой сияющий диск луны, Персей невольно подумал, что он не желал бы ничего другого, как долететь до луны и навсегда остаться там. В следующий миг он бросил взгляд на землю, на ее моря, озера, серебристые нити рек, белоснежные горы, необъятные равнины, темные леса, города из белого мрамора. Озаренная дремлющей луной земля показалась ему такой же прекрасной, как луна. Вот промелькнул внизу остров Сериф, где жила его мать, Даная.

То и дело перед товарищами возникали облака, казавшиеся издали серебристым пухом. Окунувшись в седую влажную мглу, друзья вмиг промерзали до костей, но полет был так быстр, что уже через мгновение они вылетали из облака на лунный свет. А однажды с невидимым Персеем чуть не столкнулся царственный орел.

Но интереснее всего было любоваться метеорами, которые внезапно, как костры, загорались в небе, заставляя лунный свет бледнеть на сотни миль вокруг.

Несколько раз за время воздушного путешествия Персею казалось, будто он слышит где-то поблизости шелест невидимой одежды, но звук этот раздавался с противоположной от Ртути стороны.

– Я слышу шорох чьих-то одежд. Кто здесь? – спросил юноша у своего спутника.

– Это моя сестра, – отвечал Ртуть. – Она летит вместе с нами и, как я и говорил, будет помогать нам. Без нее мы ничего не сделаем. Ты и представить себе не можешь, как она умна и какие у нее зоркие глаза. Даже в эту минуту она видит тебя так же явственно, как если бы на тебе не было шлема-невидимки. Могу поспорить, она увидит Горгон первой.

Друзья летели так быстро, что вскоре достигли необозримых вод великого океана. Далеко внизу огромные валы то бешено вздымались, то с разбегу бросались на пустынный берег, обдавая скалистые утесы пеной. Рев волн, казавшийся на земле раскатами грома, долетая до ушей Персея, преображался в слабое журчание, напоминавшее лепет спящего ребенка. Вдруг над самым его ухом раздался мелодичный женский голос. Впрочем, звучал он не столько нежно, сколько спокойно и серьезно:

– Персей, Горгоны здесь.

– Где? – воскликнул Персей. – Пока я ничего не вижу.

– На берегу во-он того островка внизу, – отвечал голос. – Брошенный тобою камень попал бы прямо в середину их клубка.

– Я же говорил, что она первая их увидит! – обрадовался Ртуть. – Горгоны действительно здесь!

Внизу, в двух-трех тысячах футов под собой, Персей заметил небольшой островок, о скалистые берега которого с шумом разбивались пенящиеся морские волны. Лишь с одной стороны островка тянулась узкая полоса белоснежного песка. Спустившись пониже и приглядевшись, Персей увидел у подошвы мрачных утесов скопление ужасных Горгон, которые крепко спали, убаюканные шумом моря: чтобы усыпить этих свирепых чудовищ, нужен был грохот, способный оглушить всякое другое существо. Лунный свет сверкал на их стальной чешуе и золотых крыльях, лениво раскинутых на песке. Их ужасные медные когти были выпущены и судорожно царапали размытые волнами обломки скал: быть может, Горгонам снилось, что они разрывают на части какого-нибудь бедного смертного. Змеи, заменявшие им волосы, тоже спали, хотя

время от времени то одна, то другая шевелилась, поднимала голову, высовывала раздвоенный язык, злобно шипела, а после снова опускалась на место. Более всего Горгоны напоминали ужасных гигантских насекомых – огромных золотокрылых жуков или стрекоз, красивых и уродливых одновременно. Только они в тысячу или даже в миллион раз превосходили их ростом. Несмотря на это, они были чем-то похожи на человека. К счастью, спали Горгоны лицом вниз, и Персей не встретился ни с одной из них взглядом. А ведь юноше достаточно было лишь на мгновение заглянуть чудовищу в глаза, чтобы тотчас камнем рухнуть с небес на землю.

– Пора! – продолжал Ртуть, круживший вокруг Персея. – Пришло время совершить подвиг! Поторапливайся! Если проснется хоть одна из Горгон, будет поздно!

– На какую из них я должен напасть? – спросил Персей, обнажая меч и начиная спускаться. – Все трое очень похожи друг на друга, у всех змеи вместо волос. Которая из них Медуза?

Следует заметить, что только одно из этих драконообразных чудовищ называлось Медузой, и лишь ее голову Персей мог отрубить. Что касается двух других Горгон, то хоть у юноши и был самый острый меч из всех когда-либо выкованных, он не причинил бы им ни малейшего вреда.

– Будь осторожен, – произнес спокойный голос, который Персей уже слышал раньше. – Одна из Горгон шевелится во сне, словно хочет перевернуться:

это Медуза. Не смотри на нее, не то обратишься в камень. Следи за ее отражением в твоём щите.

Только теперь Персей понял, почему Ртуть так настойчиво советовал ему отполировать щит: глядя в него, можно было без опаски наблюдать за Горгоной.

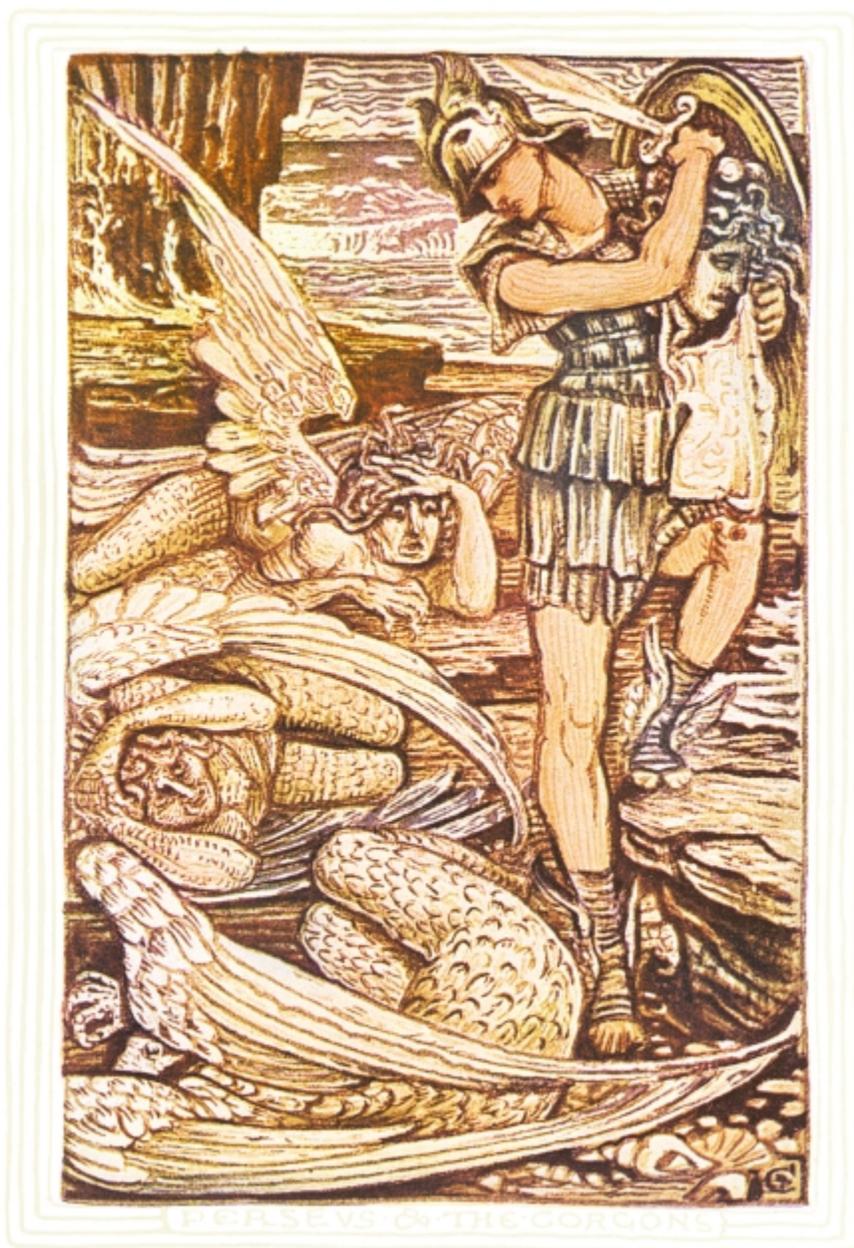
И вот это страшное лицо, озаренное лунным светом, отразилось в щите, как в зеркале. Змеи, ядовитая природа которых не давала им уснуть, причудливо вились вокруг головы Медузы, обрамляя самое свирепое лицо, какое только может представить себе испуганное

воображение, и, что самое странное, эти чудовищные черты не были лишены некой первобытной красоты. Глаза Медузы были закрыты, и, казалось, она была погружена в глубокий сон, хотя тревожное выражение, застывшее на ее лице, говорило о том, что чудовище чем-то обеспокоено. Оно скрежетало зубами, а его медные когти яростно разрывали песок.

Казалось, и змеи разделяли беспокойство Медузы. Они вились беспорядочными клубками, корчились и, не открывая глаз, поднимали вверх сотни шипящих голов.

– Пора, пора! – подгонял Ртуть. – Нападай на чудовище!

– Не торопись, – серьезно добавил мелодичный голос рядом с юношей. – Когда полетишь вниз, все время смотри в щит, чтобы не промахнуться!

Персей стал осторожно спускаться, не сводя глаз с отраженного в щите лица Медузы. Чем ниже он спускался, тем ужаснее становились змеи на голове чудовища, не говоря уж о теле Горгоны, которое теперь казалось невероятно огромным. Наконец, находясь на расстоянии вытянутой руки от цели, Персей взмахнул мечом. Змеи на голове Горгоны угрожающе зашевелились, и Медуза открыла

глаза. Но она проснулась слишком поздно: молниеносный удар меча отделил ее голову от туловища.

– Восхитительный удар! – воскликнул Ртуть. – Скорее прячь голову в волшебную сумку!

К удивлению Персея, маленькая замшевая сумка, что висела у него на шее, разом сделалась достаточно большой, чтобы вместить голову Медузы. В одно мгновение Персей схватил голову с копошащимися на ней змеями и сунул в сумку.

– Дело сделано, – произнес спокойный голос. – Теперь улетай, ведь остальные Горгоны непременно постараются отомстить за смерть сестры.

И действительно, нужно было спешить, так как удар меча, шипение змей и тяжелое падение головы Медузы на прибрежный песок – все это разбудило оставшихся в живых чудовищ. Они подняли головы и принялись спросонок протирать глаза, в то время как змеи на их головах беспокойно зашевелились и зашипели от злобы. Когда Горгоны увидели обезглавленное тело Медузы и ее распростертые на песке смятые золотые крылья, они подняли ужасный вой и крики, змеи на их головах яростно зашипели, и тем же отвечали им змеи Медузы из волшебной сумки.

А потом Горгоны поднялись в небо. Они размахивали медными лапами, скрежетали зубами и яростно хлопали огромными крыльями, так что несколько золотых перьев даже упали на землю, где они, быть может, лежат и по сей день. Горгоны кружили в воздухе и тарасили глаза, в надежде превратить кого-нибудь в камень. Если бы Персей взглянул им в лица или попался в их лапы, бедной Данае не удалось бы более обнять своего сына. Но юноша изо всех сил старался смотреть в противоположную сторону, а благодаря шлему-невидимке Горгоны не знали, где его искать. Когда крылатые сандалии подняли Персея на милю или более того в небо, куда не долетали крики чудовищ, юноша поспешил на остров Сериф, чтобы вручить голову Медузы царю Полидекту.

У меня нет времени рассказывать вам о подвигах, совершенных Персеем на обратном пути, например, о том, как Персей воспользовался ужасным свойством головы Горгоны и убил страшное морское чудовище как раз в ту минуту, когда оно собиралось проглотить прекрасную молодую девушку, или о том, как он превратил свирепого великана в каменную гору. Тот, кто сомневается в последней истории, может отправиться в Африку и собственными глазами увидеть гору, которая до сих пор носит имя того великана.

Наконец храбрый юноша очутился на острове Сериф и поспешил повидать свою дорогую мать. Однако пока он странствовал, злой царь Полидект так дурно обращался с Данаей, что вынудил ее бежать из дома и искать убежища в храме. Добрые жрецы того храма чрезвычайно ласково отнеслись к женщине. Эти жрецы да рыбаки, который первым оказал гостеприимство Данае и маленькому Персею, выброшенным на берег Серифа, были, кажется, единственными людьми на всем острове, которые старались делать добро. Остальные обитатели Серифа, равно как и сам царь Полидект, отличались дурным характером и вряд ли заслуживали лучшей участи, чем та, которая постигла их впоследствии.

Не найдя матери дома, Персей отправился во дворец и был немедленно принят царем. Полидект не особенно обрадовался юноше: злой царь был почти уверен, что Горгоны давно уже разорвали его на клочки и съели. Однако, увидев Персея целым и невредимым, он вынужден был скрыть недовольство и приступил к расспросам:

– Исполнил ли ты свое обещание? – обратился Полидект к юноше. – Если нет, это дорого тебе обойдется. Мне нужен свадебный подарок для прекрасной царевны Гипподамии, а голове Медузы она бы чрезвычайно обрадовалась.

– Да, исполнил, – спокойно отвечал Персей, как будто для юноши не было ничего удивительного в его подвиге. – Я принес тебе голову Горгоны.

– В самом деле?! В таком случае я должен видеть ее! – воскликнул царь Полидект. – Вероятно, это прелюбопытное зрелище, если только рассказы путешественников о Горгонах правдивы!

– Ты прав, царь, – согласился Персей. – Голова Медузы способна произвести впечатление на кого угодно. Если ты ничего не имеешь против, объяви, чтобы в ближайший праздник все твои подданные собрались посмотреть на эту диковинку. Я полагаю, лишь немногие из них когда-либо видели голову Горгоны и вряд ли увидят ее впредь.

Царь хорошо знал, что большинство его подданных никуда не годные бездельники, которые любят ротозейничать, как и все праздные люди. Поэтому он последовал совету юноши и разослал во все концы гонцов и вестников, чтобы они трубили в трубы по улицам, площадям и перекресткам, созывая жителей во дворец. Вскоре у стен дворца собрался всяческий сброд, причем в силу своей природной озлобленности большинство из них были недовольны возвращением Персея – их куда больше обрадовало бы известие о том, что он погиб в схватке с Горгонами.

Если на острове и были хорошие люди (а я надеюсь, что таковые были, хотя история об этом умалчивает), они, вероятно, сидели по домам, занимаясь собственными делами и заботясь о детях. Так или иначе во дворец пришла большая часть жителей острова и каждый шумел, толкался и бранился, стараясь подойти поближе к Персею, державшему в руках сумку с головой Медузы.

Рядом с Персеем на особом возвышении сидел царь Полидект, окруженный своими советниками и приспешниками. Царь, советники, царедворцы и народ – словом, все присутствующие с нетерпением смотрели на Персея.

– Покажи нам голову, покажи нам голову! – редела толпа, словно собиралась разорвать юношу на части, если он не удовлетворит ее любопытство. – Покажи нам голову Медузы со змеиными волосами!

Внезапно сердце Персея наполнилось жалостью к этим людям и он воскликнул:

– О, царь Полидект, и все вы, пришедшие сюда! Мне очень не хочется показывать вам голову Горгоны!

– Ах ты, негодный плут! – разбушевалась толпа еще неистовее. – Он просто смеется над нами! У него нет никакой головы Горгоны! Покажи нам голову, если она действительно у тебя, не то твоя собственная голова заменит нам мяч!

Приближенные уже нашептывали царю разные дурные советы, многие придворные во всеуслышание заявляли, что Персей выказал неуважение к их царственному повелителю. Наконец царь Полидект махнул рукой и приказал Персею показать собравшимся голову Горгоны.

– Покажи голову Медузы или я прикажу отрубить твою собственную!

Персей тяжело вздохнул, но все еще медлил.

– Сию минуту, или ты умрешь! – повторил Полидект.

– Ну, так смотрите же! – воскликнул юноша.

Он высоко поднял голову Медузы, и в мгновение ока злой царь Полидект и все собравшиеся у стен дворца превратились в каменные изваяния, которые навсегда застыли в том положении, в котором их застала смерть.

Достаточно было одного взгляда на ужасную голову Медузы, чтоб превратиться в белоснежный мрамор!

А Персей сунул голову в сумку и отправился к своей дорогой матери Данае. Теперь она могла более не бояться злого царя Полидекта.

Терраса Тэнглвуда. Послесловие

– Не правда ли, я рассказал вам прелестную историю? – спросил Юстес.

– О, да, да! – воскликнула Маргаритка, хлопая в ладоши. – Как смешны эти старухи с одним глазом на троих. Я никогда ничего интереснее не слыхала!

– Ну а в том, что у них был один зуб на троих и они им обменивались, ничего удивительного нет, – заметила Мальва. – Должно быть, зуб был просто-напросто вставной... Но зачем ты переименовал Меркурия в Ртуть и придумал ему какую-то сестру? Это, право, смешно!

– А разве у него не было сестры? – спросил Юстес Брайт. – Гордой девушки с совой на плече? Если не было, я могу ее придумать.

– Ну, хорошо... – вздохнула Мальва. – Так или иначе, ваш рассказ разогнал туман.

И в самом деле, пока Юстес рассказывал, туман рассеялся. Окрестности теперь были как на ладони, и детям на миг показалось, что они видят их первый раз в жизни. В полумиле от них на дне долины блестело озеро, над спокойной зеркальной гладью которого, отражавшей лесистые берега и вершины холмов, не проносилось ни малейшего ветерка. За озером поперек долины тянулся величественный Моньюмент Маунтин. Юстес Брайт сравнил его с огромным обезглавленным сфинксом, закутанным в персидскую шаль. И действительно, осенний наряд обрамлявших его склоны лесов был так богат и ярок, что сравнение с шалью отнюдь не было преувеличением. Кроны деревьев, что росли внизу между Тэнглвудом и озером, были окрашены в золотистый и темно-коричневый цвета, так как они больше пострадали от холода, нежели деревья на холмах.

Всю эту картину озарял живительный солнечный свет, который, смешиваясь с остатками тумана, становился необыкновенно мягким

и нежным.

О, какой славный день обещало это утро! Дети подхватили свои корзиночки и кто вприпрыжку, кто пританцовывая, кто бегом устремились навстречу этому дню. А кузен Юстес, словно в доказательство своего неоспоримого права руководить детворой, старался превзойти всех шалостями и дурачествами и выделял такие замысловатые коленца, которых не мог повторить никто.

Позади всех степенно выступала старая собака по имени Бен, один из самых умных и почтенных обитателей дома. Казалось, доброе животное считало своим долгом не доверять детей такому ветреному опекуну, как Юстес Брайт.

Золотое прикосновение

Тенистый ручей. Предисловие к «Золотому прикосновению»

А к полудню наша юная компания обосновалась в долине, посреди которой бежал небольшой ручей. Крутые берега этого узенького ручейка густо поросли орешником и каштанами, среди которых высились несколько дубов и кленов. Летом ветви деревьев переплетались над водой, доставляя такую густую тень, что даже в полдень под ними было темно, как в сумерки. Недаром ручей назывался Тенистым. Но с тех пор, как в этот уединенный уголок прокралась осень, зелень листьев мало-помалу сменилась золотом, которое ярко горело на солнце и уже не давало тени. Казалось, даже в этот пасмурной день ярко-желтые листья залиты солнечным светом. Несметное множество пронизанных солнцем золотых листьев усыпало русло и оба берега ручья. Тенистый уголок, где летом было прохладно, стал теперь самым солнечным местом, какое только можно было найти. А крошечный ручей все бежал по золотому руслу, то останавливаясь, чтобы образовать пруд, в котором весело резвились пескари, то быстро катясь дальше, будто спешил добраться до озер. Порой он забывал посмотреть, куда течет, и наткался на стволы деревьев, преграждавших ему дорогу. Вы, наверное, рассмеялись бы, услышав, как он роптал и сердился в таких случаях, а вновь пустившись в путь, продолжал разговаривать сам с собой, словно от смущения.

Воображаю, как он удивился, найдя свою тенистую лощину ярко освещенной и услышав веселый детский смех и болтовню. Должно быть, именно поэтому он так торопился спрятаться в озеро.

В этот день Юстес Брайт и его маленькие друзья пообедали в долине Тенистого ручья. Они прихватили из Тэнглвуда массу вкусных вещей, расположились кто на пнях, кто на траве и устроили

настоящее пиршество, после которого никому ничего не хотелось делать.

– Мы будем отдыхать, а Юстес расскажет нам одну из своих чудесных сказок, – заявили дети.

Но в это утро кузен Юстес превзошел сам себя и устал не меньше детей. Одуванчик, Клевер, Маргаритка и Лютик почти не сомневались, что у него есть крылатые сандалии вроде тех, что нимфы дали Персею: иначе как бы ему удалось оказаться на макушке орешника, если всего минуту назад он был на земле?

Юстес устраивал настоящий ореховый дождь, и дети едва успевали собирать орехи в корзинки. В это утро Брайт неоднократно выказывал проворство белки или обезьяны, но теперь, растянувшись на куче желтых листьев, он явно намеревался отдохнуть.

Однако дети безжалостны и не обращают внимания на чужую усталость. Лишь только вам удастся улучшить свободную минуту, как они уже требуют, чтобы вы посвятили ее рассказыванию сказок!

– Кузен Юстес, – обратилась к юноше Маргаритка, – сказка о голове Горгоны очень интересна. А вы могли бы рассказать нам другую, такую же славную сказку?

– Да, дитя, – сказал Юстес, надвигая шляпу на глаза. – Если захочу, я расскажу вам целую дюжину таких сказок и даже лучше.

– Слышите, Барвинок и Мальва, что он говорит? – воскликнула Маргаритка, прыгая от радости. – Кузен Юстес готов рассказать нам дюжину историй, еще более интересных, чем сказка о голове Горгоны.

– Пока я не обещал рассказать ни одной, глупышка Маргаритка, – слегка раздраженно заметил Юстес. – Впрочем, одну я, так и быть, расскажу. Вот что значит снискать некоторую известность. Право, я бы предпочел не быть таким умным и не иметь и половины тех талантов, которыми меня одарила природа. Вот тогда никто не помешал бы мне спокойно вздремнуть!

Но, как я уже упоминал ранее, кузен Юстес любил рассказывать не меньше, чем дети – слушать. Он очень радовался гибкости и

легкости своей фантазии, которая охотно работала без какого-либо воздействия извне.

Поэтому юношу не пришлось более уговаривать и он принялся рассказывать сказку, которая пришла ему в голову, пока он смотрел на верхушки деревьев и любовался тем, как прикосновение осени превращает зелень листьев в золото. А ведь это превращение, которое не раз наблюдал каждый из нас, ничуть не менее удивительно, чем то, о котором поведал Юстес.

Золотое прикосновение

Однажды много лет назад жил на свете один богатый человек. Он был царем и звали его Мидас. У него была маленькая дочь, о которой никто не слыхал, кроме меня. Ее звали... но я то ли никогда не знал, то ли совершенно забыл ее имя. Будем называть ее Хризантема, так как я очень люблю странные имена у маленьких девочек.

Больше всего на свете царь Мидас любил золото. Он и свою царскую корону ценил главным образом за то, что она была сделана из этого благородного металла. Лишь свою маленькую дочь царь любил так же или почти так же, как золото. Но чем сильнее он ее любил, тем больше жаждал богатства. «Лучшее, что можно сделать для Хризантемы, – думал Мидас, – оставить ей гору золотых сверкающих монет, величайшую из когда-либо собранных со дня сотворения мира». И он всецело посвятил себя этой цели. Если взгляд царя Мидаса случайно падал на золотистые от заката облака, ему невольно хотелось, чтобы облака эти действительно были из

золота и их можно было спрятать в сундук. Когда Хризантема бежала к нему навстречу с охапкой лютиков и одуванчиков, он обычно говорил: «Фи, дитя мое! Если бы эти цветы на самом деле были золотыми, тогда, пожалуй, еще стоило их срывать».

До того как Мидас окончательно отдался безумной страсти к собиранию богатства, он очень любил цветы. Он даже разбил великолепный цветник, в котором росли самые крупные и душистые розы, какие когда-либо появлялись на земле. Эти розы и теперь еще цвели в царском саду, такие же крупные, красивые и душистые, как и в то время, когда Мидас часами любовался ими в саду, с наслаждением вдыхая чудный аромат. Но если он бросал взгляд на свой цветник теперь, то лишь для того, чтобы вычислить, во сколько оценили бы этот сад, если бы каждая из его бесчисленных роз была сделана из золота. И хотя раньше Мидас очень любил музыку (несмотря на глупые рассказы о его ушах, которые якобы походили на ослиные), теперь единственной музыкой для него сделался звон монет.

Наконец (так как с годами люди всегда делают глупее, если только не стараются поумнеть), Мидас дошел до того, что не хотел ни смотреть, ни касаться какого-либо предмета, если только он не был из золота. Большую часть дня он обыкновенно проводил в мрачном подземелье, где прятал свое богатство.

В это подземелье, весьма напоминавшее собою темницу, Мидас спускался всякий раз, когда ему хотелось доставить себе особенное удовольствие. Тщательно осмотрев двери, он брал мешок с монетами или золотую чашу величиной с умывальницу, или массивный золотой слиток, или пригоршню золотого песка и выносил их из темных закоулков подземелья на узенькую полосу солнечного света, которая падала из крошечного окошечка сверху. Кажется, и солнечный свет Мидас ценил только потому, что без него сокровища не могли сиять. Затем он принимался пересчитывать монеты в мешке, подбрасывать и ловить золотой слиток, просеивать золотой песок сквозь пальцы, любоваться странным отражением

своего лица в сверкающей поверхности чаши. «О, Мидас, богатый царь Мидас, какой ты счастливый человек!» – шептал он в упоении. Было смешно наблюдать за тем, как отражение его лица на полированной чаше передразнивало его улыбку, словно понимая всю странность царского поведения и подшучивая над ним.

Хотя Мидас и называл себя счастливым, он все-таки отнюдь не чувствовал полного удовлетворения. Впрочем, оно могло наступить лишь в том случае, если бы весь мир превратился с одну огромную сокровищницу, до краев наполненную желтым металлом, безраздельно принадлежавшим ему одному.

Теперь я должен напомнить моим маленьким слушателям, что в то время, когда жил царь Мидас, случалось множество событий, которые удивили бы нас, если бы произошли в наше время. В свою очередь и теперь случается многое, чему мы несколько не удивляемся, но люди прошлого наверняка вытаращили бы глаза от изумления. Наше время, пожалуй, самое удивительное из всех, но я не буду останавливаться на этом и возвращусь к рассказу.

Однажды Мидас по обыкновению любовался своими сокровищами, как вдруг почувствовал чье-то присутствие за спиной. Он быстро поднял голову и в узкой полосе солнечного света увидел незнакомца – высокого румяного юношу, на лице которого сияла улыбка. То ли из-за страсти к золоту, то ли по какой другой причине, но Мидасу показалось, что улыбка юноши излучает золотое сияние. Во всяком случае, сокровища Мидаса засверкали еще сильнее, чем прежде, хотя незнакомец и заслонял солнечный свет. Самые темные закоулки подземелья осветились его улыбкой.

Мидас хорошо помнил, что тщательно запер за собою дверь. Стало быть, ни один человек не мог проникнуть в его сокровищницу, а значит, посетитель не был простым смертным. В те времена, когда мир был еще сравнительно молод, частенько случалось, что существа, одаренные сверхъестественной силой, то ли в шутку, то ли всерьез принимали участие в людских радостях и печалях. Мидас неоднократно встречал их раньше, а потому внезапное появление

юноши не особенно удивило его. Кроме того, незнакомец казался таким веселым и доброжелательным, что было бы странно заподозрить его в дурном намерении. Более вероятно, что он пришел оказать Мидасу услугу. А чем иным он мог услужить царю, как не преумножением его сокровищ?

Юноша внимательно оглядел подземелье, и после того как его светлая улыбка отразилась на всех золотых предметах, обратился к Мидасу:

– Ты очень богатый человек, друг Мидас! – заметил он. – Вряд ли на земле найдутся стены, за которыми хранится столько золота, сколько сложено здесь.

– Действительно, у меня его немало... – отвечал Мидас недовольным голосом. – Но если учесть, что я собирал эти сокровища всю свою жизнь, – это ничто, пустяк. Вот если бы люди жили по тысяче лет, тогда, пожалуй, можно было бы сделаться богатым.

– Как! Разве ты еще недоволен? – воскликнул незнакомец.

Мидас покачал головой.

– В таком случае скажи, что способно сделать тебя счастливым? – поинтересовался юноша. – Я спрашиваю это только из любопытства.

Мидас задумался. Он чувствовал, что незнакомец, лукавая улыбка которого излучает золотое сияние, явился сюда с намерением осуществить все его желания. Теперь как раз представился удобный случай выпросить все, что только могло прийти в голову. Мидас долго думал, мысленно громоздя одну золотую гору на другую, и все ему казалось мало, как вдруг его пронзила блестящая мысль, такая

же ослепительно яркая, как и металл, который он так любил. Он поднял голову и посмотрел незнакомцу прямо в глаза.

– Ну, Мидас, вижу, ты придумал, что может сделать тебя по-настоящему счастливым, – заметил юноша. – Скажи, чего же ты хочешь?

– Я хочу только одного, – ответил Мидас. – Мне уже надоело по крупичкам собирать сокровища, которых я пока набрал очень мало, хотя и старался изо всех сил. Поэтому пусть отныне каждая вещь, к которой я прикоснусь, превращается в золото.

Внезапно улыбка незнакомца сделалась такой ослепительной, что озарила все подземелье, подобно солнечному лучу, который прокрался на дно ложины, покрытой золотым ковром осенней листвы.

– Золотое прикосновение! – воскликнул он. – За такую блестящую мысль, друг Мидас, ты, без сомнения, заслуживаешь награды. Но абсолютно ли ты уверен, что это именно то, что сделает тебя счастливым?

– Еще бы! – ответил Мидас.

– И ты никогда не будешь жалеть, что обладаешь этой способностью?

– Что же может заставить меня пожалеть? – спросил Мидас. – Мне больше ничего для счастья не нужно.

– Тогда пусть будет по-твоему, – произнес незнакомец, взмахнув рукой на прощание. – Завтра с восходом солнца ты будешь обладать даром золотого прикосновения.

Внезапно лицо юноши озарилось таким ярким светом, что Мидас невольно закрыл глаза. Когда он снова открыл их, в подземелье никого не было: только груды золота, на собирание которых ушла вся его жизнь, сверкали и искрились в узенькой полосе солнечного света.

Неизвестно, спал Мидас в ту ночь или нет. Во всяком случае, во сне или наяву он чувствовал себя как ребенок, которому обещали наутро новую чудесную игрушку.

Когда над холмами забрезжил рассвет, царь уже совершенно проснулся и принялся дотрагиваться до предметов, что находились поблизости, спеша убедиться в том, что он действительно обладает способностью золотого прикосновения, как обещал незнакомец.

Мидас дотронулся до стула, стоявшего возле кровати, и был ужасно разочарован, увидев, что стул остался самым обыкновенным стулом. А может быть, незнакомец приснился ему во сне или насмеялся над ним наяву? Как горько было расставаться с надеждой и довольствоваться только тем ничтожным количеством золота, которое было собрано обычным путем, вместо того чтобы создавать его одним прикосновением!

Впрочем, Мидас даже не заметил, что за окном еще темно и лишь узкая полоска света окаймляет предрассветное небо. Он оплакивал свои погибшие надежды, как вдруг в окно ворвался первый солнечный луч и озолотил потолок над его головой. Мидасу показалось, что этот луч как-то странно заблестел на простыне. Он привстал, и каково же было его изумление и восторг, когда он увидел, что льняная простыня превратилась в ткань из чистейшего золота! Дар золотого прикосновения явился к нему с первым солнечным лучом!

Обезумев от радости, Мидас вскочил и забегал по комнате, хватая все, что попадалось под руку. Он дотронулся до изголовья кровати, и оно немедленно сделалось золотым. Он распахнул занавеси на окне, чтобы явственнее видеть совершаемые им чудеса, и кисть, за которую он дернул, стала золотой.

Он взял со стола книгу, и при первом же прикосновении его пальцев она стала похожа на одно из тех роскошно переплетенных изданий с золотым обрезом, какие часто встречаются в наше время. Только для чтения эта книга уже больше не годилась, так как страницы ее превратились в тонкие золотые пластинки, и вся заключенная в ней мудрость сделалась совершенно неразборчивой.

Мидас поспешно оделся и невольно залюбовался своим великолепным платьем из золотой материи, которая сохранила

прежнюю гибкость и мягкость, хотя и показалась ему слегка тяжеловатой. Он вынул носовой платок, который подрубила для него Хризантема, и платок немедленно превратился в золотой, причем изящные стежки, сделанные его дорогим ребенком, бежали по кайме золотой ниткой. Это последнее превращение почему-то не совсем понравилось Мидасу: он предпочел бы, чтобы подарок его маленькой дочурки оставался совершенно таким же, каким она некогда сунула его в руки отца, забравшись к нему на колени.

Но не стоило огорчаться из-за пустяков. Мидас вынул из кармана очки и надел их, чтобы лучше видеть все перемены, произошедшие в комнате. (Для простого народа в те времена очки еще не были изобретены, но, очевидно, цари их уже носили: иначе каким образом очки могли очутиться у Мидаса?) Однако, к своему великому удивлению, царь понял, что ничего не видит сквозь некогда превосходные стекла. А объяснялось это очень просто: от одного лишь прикосновения Мидаса к прозрачным стеклам они стали золотыми пластинками, и хотя уже не могли сделать зрение царя острее, все-таки представляли ценность, как любая золотая вещь. Впрочем, Мидаса неприятно кольнула мысль о том, что у него больше никогда не будет самых обыкновенных очков.

– Ну, невелика важность, – философски заметил он. – Нет такого счастья, к которому не примешивалось бы какое-либо маленькое неудобство. В конце концов, золотое прикосновение стоит не только очков, но и самого зрения. Обычно я вообще обхожусь без них, а Хризантема скоро вырастет и будет читать мне вслух.

Мудрый царь Мидас был в таком восторге от свалившегося на него счастья, что не мог усидеть во дворце. Он проворно спустился по лестнице, с невольной улыбкой поглядывая на перила, которые мгновенно становились золотыми под его рукой, поднял дверную щеколду (медная за минуту до этого, она сделалась золотой, лишь только пальцы царя коснулись ее) и очутился в саду. Здесь, как я уже упоминал, росло великое множество чудесных роз: некоторые были уже в полном цвету, другие еще только распускались. Легкий

утренний ветерок повсюду разносил их дивный аромат, и ничто в мире не могло сравниться с их нежными красками. Как прелестны, застенчиво-кокетливы и благоуханны были эти чудные цветы!

Но Мидас был уверен, что знает способ сделать розы еще более драгоценными, чем они были раньше. Он принялся переходить от куста к кусту и дотрагиваться до каждого цветка, пока все они – некоторые даже с копошащимися внутри букашками – не стали золотыми. Закончив эту работу, Мидас вспомнил, что пора завтракать: свежий утренний воздух возбуждал в нем порядочный аппетит, а потому он поспешил во дворец.

Я точно не знаю, из чего обыкновенно состоял царский завтрак во времена Мидаса, да мне и некогда останавливаться на этом. В то достопамятное утро на завтрак, кажется, подали сладкий пирог, несколько превосходных форелей, жареный картофель, яйца всмятку, кофе для самого Мидаса и чашку молока с хлебом для Хризантемы. Мне такой завтрак кажется вполне царским, во всяком случае, по-моему, Мидас не мог желать ничего лучшего.

Хризантемы еще не было. Мидас велел позвать ее и, сидя за столом, ожидал прихода дочурки, чтобы позавтракать вместе с ней. Нужно отдать Мидасу должное, он горячо любил дочь и особенно любил ее теперь, когда на его долю выпало такое счастье. Вскоре он услышал шаги дочки, а затем и плач, который ужасно удивил его, так как Хризантема была самым веселым ребенком, какого только можно себе представить: ее слезами за год нельзя было наполнить и наперстка.

Заслышав рыдания дочери, Мидас решил устроить ей приятный сюрприз: он перегнулся через стол и одним прикосновением руки превратил ее хорошенькую расписную чашечку китайского фарфора в золотую.

Между тем Хризантема медленно вошла в комнату, рыдая и вытирая глаза передником.

– Что это значит, моя крошка? – воскликнул Мидас. – Почему ты плачешь в такое прекрасное утро?

Не отнимая от глаз передника, Хризантема протянула руку, в которой была одна из роз, превращенных Мидасом в золото.

– Чудесно! – воскликнул Мидас. – Что же в этой великолепной золотой розе заставило тебя так горько плакать?

– Ах, папа! – отвечала девочка, с трудом справившись с рыданиями. – Это не великолепный, а самый отвратительный цветок, который когда-либо существовал на свете! Едва одевшись, я побежала в сад, чтобы сорвать для тебя несколько роз... Я знаю, ты так любишь, когда я их для тебя срываю. Но представь себе, какое несчастье случилось! Все наши прелестные розы, которые так приятно пахли и у которых было столько лепестков, испорчены! Посмотри, они стали совсем желтыми и совсем не пахнут. Не понимаю, что могло с ними случиться!

– Ну, дорогая моя девочка, стоит ли из-за этого плакать! – сказал Мидас, которому было стыдно признаться, что он виноват в превращении, которое так сильно огорчило дочь. – Садись и принимайся за свой завтрак. Ты с легкостью обменяешь эту золотую розу, которой ничего не сделается и через сотню лет, на обыкновенную, которая уже через день завянет.

– Не нужны мне такие розы! – воскликнула Хризантема, с отвращением бросив розу. – Она совсем не пахнет, а ее твердые лепестки укололи мне нос!

Девочка уселась за стол, но все ее мысли были заняты загубленными розами, поэтому она даже не заметила чудесного превращения своей фарфоровой чашки.

Возможно, это было и к лучшему, так как Хризантема привыкла любоваться забавными фигурками, деревьями и домами, которые украшали чашку раньше и безвозвратно исчезли теперь.

Тем временем Мидас налил себе кофе: как и следовало ожидать, кофейник (из какого бы металла он ни был сделан) превратился в золотой, лишь только Мидас дотронулся до него. Подумав, что для него было бы, пожалуй, чересчур роскошно завтракать на золотой посуде, Мидас принялся размышлять о трудностях хранения такого

количества золота. Буфет и кухня вряд ли надежное место для таких драгоценных предметов, как золотые чашки и кофейники.

Задумавшись, он поднес ложку кофе к губам и был несказанно удивлен, увидев, что при первом же его прикосновении жидкость превратилась в расплавленное золото, которое спустя мгновение затвердело.

– Ах! – воскликнул пораженный Мидас.

– Что случилось, папа? – спросила Хризантема, изумленно взглянув на него глазами полными слез.

– Ничего, моя деточка, ничего! – отвечал Мидас. – Пей молоко, пока оно не остыло.

Он положил себе на тарелку одну из превосходных форелей и нерешительно коснулся пальцем ее хвоста. К его величайшему ужасу, форель немедленно превратилась в золотую рыбку, совсем непохожую на тех, что держат в аквариумах для украшения гостиной. Нет, это была металлическая рыбка, которая, казалось, была необыкновенно искусно сработана лучшим золотых дел мастером в мире.

Ее косточки превратились в золотые проволочки, а плавники и хвост – в тонкие золотые пластинки. На ней остался даже след вилки. Это было поистине великолепное произведение искусства, хотя царь Мидас в ту минуту предпочел бы видеть у себя на тарелке настоящую форель, а не подделку, отлитую из золота.

«Интересно, удастся ли мне позавтракать», – подумал он.

Мидас взял один из дымящихся пирогов, но едва разломил его, как белый пшеничный пирог мгновенно стал желтым, словно был приготовлен из кукурузной муки. Говоря откровенно, если бы это и впрямь оказался кукурузный пирог, Мидас ценил бы его гораздо больше, чем теперь, когда он вне всякого сомнения превратился в золото. Царь в отчаянии взял вареное яйцо, но и оно подверглось участи пирога и форели. Теперь это яйцо напоминало одно из тех, что снесла небезызвестная гусыня из сказки, хотя виновником его появления был глупый царь Мидас.

«Вот незадача! – подумал он, откидываясь на спинку стула и с завистью глядя на Хризантему, которая с аппетитом уплетала завтрак. – Передо мной столько вкусных вещей, а я ничего не могу съесть!»

Тогда Мидас решил действовать быстро: он схватил горячую картофелину и попытался проглотить ее. Но золотое прикосновение вновь опередило его. Рот царя наполнился не рассыпчатым картофелем, а твердым металлом, который так сильно обжег ему язык, что он громко закричал и принялся метаться по комнате от боли и от испуга одновременно.

– Папа, что случилось? – заволновалась Хризантема, которая очень любила отца. – Ты обжегся?

– Ах, дитя мое, – простонал Мидас, – если бы ты знала, что делается с твоим несчастным отцом!

И действительно, мои дорогие маленькие друзья, слышали ль вы когда-нибудь о таком несчастье? Перед Мидасом был самый дорогой завтрак из всех, что когда-либо подавали царям, но именно поэтому он был совсем несъедобным. Любой рабочий, довольствующийся коркой черствого хлеба и кружкой воды, пребывал в гораздо лучшем положении, нежели Мидас, кушанья которого поистине следовало ценить на вес золота. Что же оставалось делать? Уже сейчас, во время завтрака, Мидас был очень голоден, что же будет за обедом? И как ненасытен будет его аппетит во время ужина, который, несомненно, будет состоять из не менее неудобоваримых кушаний? Надолго ли хватит его при таком роскошном столе?

Эти размышления так опечалили мудрого царя Мидаса, что он, наконец, стал сомневаться, действительно ли богатство является единственно желанной вещью в мире или одной из наиболее желанных. Но мысль эта была мимолетной. Мидас был так очарован блеском золота, что даже сейчас не согласился бы отказаться от дара золотого прикосновения ради какого-то завтрака. В самом деле, попробуйте только вообразить себе его теперешнюю стоимость! Она

бы равнялась миллионам миллионов (и еще столько миллионов, что и не сосчитать никогда), заплаченным за форель, яйцо, картофелину, пирог и чашку кофе!

«Это было бы слишком дорого», – подумал Мидас и опять громко и горестно застонал.

Хризантема не могла более выносить этого. С минуту она сидела, с недоумением глядя на отца и стараясь догадаться, что с ним случилось, а затем, руководимая бессознательным побуждением помочь ему, вскочила со стула и, подбежав к Мидасу, нежно обняла его колени. Мидас нагнулся и поцеловал дочь. В эту минуту он понял, что любовь его маленькой дочери в тысячу раз дороже дара золотого прикосновения.

– Моя дорогая девочка! – воскликнул он.

Но Хризантема не отвечала.

Что он наделал! Каким губительным оказался дар незнакомца! Лишь только губы Мидаса коснулись лба Хризантемы, милое румяное личико девочки стало золотистым, золотистые слезы застыли на ее щеках, такой же цвет приняли и чудесные темные волосы малышки. Нежная маленькая фигурка застыла в объятиях отца. Какое несчастье! Хризантема – жертва ненасытного стремления Мидаса к богатству – превратилась в золотую статую!

В статую с застывшим недоумевающим взглядом, полным горя и жалости. Это было самое красивое и самое горестное зрелище, которое когда-либо видел смертный.

Черты лица Хризантемы не изменились: виднелась даже крошечная ямочка на золотом подбородке. Но чем больше сходства находил Мидас между золотой статуей и дочерью, тем сильнее он страдал, осознавая, что эта статуя – все, что осталось от его дочери.

Раньше Мидас любил говорить, что ценит Хризантему на вес золота. Теперь эти слова стали страшной истиной. Было бы слишком печально рассказывать вам, как Мидас, в отчаянии заламывая руки,

оплакивал свою горькую участь, хотя и достиг исполнения самых пламенных своих желаний, Он не мог смотреть на Хризантему и в то же время не решался отвернуться от нее. Отказываясь верить в это чудовищное превращение, царь то и дело украдкой взглядывал на дочь, но всякий раз видел неподвижную статую с золотистой слезой на золотой щеке и таким нежным и любящим взором, что, казалось, он способен растопить золото в человеческую плоть. Но на это не стоило надеяться, а потому Мидасу оставалось только заламывать руки и желать, пусть даже ценой своего богатства, вернуть живой румянец на лицо дорогого ребенка.

Внезапно Мидас увидел в дверях высокую фигуру, при первом взгляде на которую он, не говоря ни слова, склонил голову: это был тот самый юноша, который накануне явился к нему в сокровищницу и одарил губительной способностью золотого прикосновения. На лице незнакомца по-прежнему сияла улыбка, озаряя своим светом комнату, статую Хризантемы и другие предметы, превращенные Мидасом в золото.

– Ну, друг Мидас, скажи, по душе ли тебе пришелся мой дар? – поинтересовался юноша.

Мидас печально покачал головой.

– Я очень несчастен, – сказал он.

– Несчастен? – воскликнул незнакомец. – Но как же это могло случиться? Разве я не сдержал своего обещания? Разве ты не получил всего, что пожелало твое сердце?

– Золото – это далеко не всё, – отвечал Мидас. – Но я потерял всё, что действительно дорого моему сердцу.

– Ага, значит, ты сделал открытие со вчерашнего дня, – заметил юноша. – Как ты думаешь, что лучше: дар золотого прикосновения или кружка чистой холодной воды?

– О, благословенная вода! – воскликнул Мидас. – Никогда не смочит она моего пересохшего горла!

– Золотое прикосновение, – продолжал незнакомец, – или корка хлеба?

– Кусок хлеба стоит всего золота на земле! – отвечал Мидас.

– Золотое прикосновение, – спросил юноша, – или маленькая Хризантема, теплая, нежная, любящая, какую она была час тому назад?

– О, мое дитя, мое дорогое дитя! – заламывая руки, воскликнул бедный Мидас. – Разве не отдал бы я за одну маленькую ямочку на ее подбородке свою способность превратить всю землю в золотой слиток!

– Ты очень поумнел, Мидас! – произнес незнакомец, очень серьезно взглянув на царя. – Я вижу, твое сердце еще не превратилось в кусок золота: иначе твое положение действительно было бы отчаянным. Ты еще способен понять, что самые обыкновенные вещи стоят дороже богатств, по которым вздыхают и за которые борются люди. Скажи же мне теперь, искренне ли ты хочешь освободиться от дара золотого прикосновения?

– Оно ненавистно мне, – отвечал Мидас.

Муха уселась на нос Мидаса, но сразу же упала на пол, превратившись в золотую. Царь содрогнулся.

– В таком случае, – сказал незнакомец, – иди и окупись в реку, протекающую за твоим садом. А еще захвати оттуда кувшин воды и обрызгай ею всякий предмет, которому ты хотел бы вернуть прежний вид. Если ты искренне сделаешь все это, тебе удастся исправить зло, причиненное твоим корыстолюбием.

Мидас низко поклонился юноше. Когда он поднял голову, незнакомец уже исчез.

Царь не стал терять времени даром: схватив глиняный кувшин (который сразу же перестал быть глиняным), он поспешил к реке. Он пробирался между кустами, оставляя за собой желтые листья, которых словно коснулось дыхание осени.

Достигнув реки, он, не снимая башмаков, бросился в воду.

– Вот поистине освежающее купанье, которое смывает дар золотого прикосновения! – проговорил Мидас, когда его голова наконец

появилась на поверхности воды. – Ну а теперь надо наполнить кувшин!

Погрузив кувшин в воду, Мидас с удовольствием увидел, что он снова стал глиняным. И в себе самом он почувствовал значительную перемену, как будто его освободили от какой-то холодной, сжимающей грудь тяжести. Весьма вероятно, что его сердце, которое мало-помалу превращалось в бесчувственный кусок металла, вновь стало прежним. Заметив растущую на берегу реки фиалку, Мидас осторожно дотронулся до нее и был несказанно обрадован, увидев, что нежный цветок ничуть не изменился. Проклятие золотого прикосновения было окончательно снято с него!

Мидас поспешил во дворец. Слуги не знали, что и подумать при виде своего царственного повелителя, бережно несущего воду в глиняном кувшине. Но эта вода, которая могла уничтожить все зло, причиненное его безрассудством, была для Мидаса дороже целого океана золота. Нужно ли говорить, что первым делом он обрызгал ею Хризантему?

Лишь только на девочку упали первые капли, нежный румянец заиграл на ее щеках. Как она чихала и фыркала, как была изумлена, обнаружив, что она совершенно мокрая, а Мидас все еще поливает ее.

– Пожалуйста, папа, перестань! – воскликнула она. – Посмотри, ты испортил мое новое платье!

Маленькая Хризантема и не подозревала, что совсем недавно была золотой статуей: она ничего не помнила с той самой минуты, когда бросилась утешать своего несчастного отца.

А Мидас не считал нужным рассказывать дочери, каким глупцом он был, и довольствовался тем, что показал ей, насколько он стал умнее. Он повел Хризантему в сад и обрызгал остатками воды более пяти тысяч роз, вернув им природный цвет. Однако два обстоятельства в течение всей жизни напоминали Мидасу о даре золотого прикосновения. Во-первых, речной песок начал блестеть, подобно золоту, а во-вторых, у волос Хризантемы появился золотистый оттенок, которого он никогда не замечал раньше. Последнее, впрочем, очень шло девочке и делало ее еще красивее.

Когда Мидас совершенно состарился, любимым занятием его было нянчить детей Хризантемы. Он неоднократно рассказывал им удивительную историю о даре золотого прикосновения, которую я сейчас передал вам. Он любил гладить их шелковистые волосы и утверждал, что прелестный золотистый оттенок они унаследовали от матери.

– Откровенно говоря, дорогие мои, – прибавлял при этом Мидас, – с той поры я возненавидел все, что напоминало бы мне о золоте, кроме цвета ваших волос!

Тенистый ручей. Послесловие

Милые дети, доводилось ли вам слышать более интересную сказку? – спросил Юстес, который очень любил узнавать мнение своих слушателей.

– Положим, что касается истории царя Мидаса, то она была известна не одну тысячу лет до появления на свет мистера Юстеса Брайта, – заметила дерзкая Мальва. – По-моему, некоторые люди обладают «даром свинцового прикосновения», так как делают тяжелым и скучным все, к чему прикасаются.

– Ты слишком язвительна для своих лет, Мальва, – сказал Юстес, несколько смущенный едкостью ее замечания. – Однако в глубине своего капризного сердечка и ты должна согласиться, что я заново отполировал старое золото Мидаса и заставил его блестеть, как никогда прежде. Возьми, например,

Хризантему. Разве ты не замечаешь, с каким тонким мастерством создан ее образ?

А как искусно подчеркнул я вытекающее из рассказа нравоучение? Ну, а вы, Папоротник, Одуванчик, Клевер и Барвинок, что скажете? Неужели и после этой истории кто-нибудь из вас будет настолько глуп, чтобы желать себе дара золотого прикосновения?

– Я бы хотел правым указательным пальцем превращать вещи в золото, а левым – возвращать их в прежнее состояние, если

превращение мне не понравилось, – отозвался десятилетний Барвинок. – И я знаю, что бы сделал сегодня!

– И что же, скажи? – заинтересовался Юстес.

– Я прикоснулся бы левым пальцем к каждому желтому листку на деревьях, – отвечал Барвинок, – и превратил бы их все в зеленые. И тогда у нас опять настало бы лето, и не было бы этой гадкой зимы.

– О, Барвинок! – воскликнул Юстес Брайт. – Ты неправ и наделал бы много зла. Если бы я был Мидасом, я бы ни о чем другом не заботился, как только о том, чтобы эти золотые дни продолжались круглый год. К сожалению, лучшие мысли приходят ко мне слишком поздно. Почему, например, я не рассказал вам, как старый царь Мидас прибыл в Америку и превратил такую же унылую, как и в других странах, осень в блестящее красотой время года? Здесь он позолотил листы великой книги Природы.

– Кузен Юстес, а какого роста была Хризантема и сколько она весила после своего превращения? – спросил Папоротник, хорошенький маленький мальчик, любивший собирать точные сведения о высоте гигантов и миниатюрности фей.

– Она была приблизительно одного с тобой роста, – ответил Юстес. – А так как золото очень тяжело, то вес ее должен был равняться по меньшей мере двум тысячам фунтов. Из нее можно было бы вычеканить тридцать или сорок тысяч золотых долларов. Хотел бы я, чтобы Мальва стоила хотя бы половину этой суммы. Однако, малыши, нам пора подняться наверх и осмотреться.

Они так и сделали. Было около двух часов пополудни. Лучи солнца заливали всю долину и казалось, что она была до краев наполнена нежным и мягким светом, который играл на склонах холмов, подобно тому, как золотистое вино играет в бокале.

Стоял один из тех дней, о которых невольно говоришь, что никогда не было ничего подобного, хотя совершенно такой же день был вчера и будет завтра. Жаль только, что их в году очень немного! Любопытно, но эти октябрьские дни кажутся необыкновенно длинными, хотя в это время года солнце встает довольно поздно и

уходит на покой, как подобает маленьким детям, часов в шесть и даже раньше. Да, длинными эти дни не назовешь. А краткость свою они восполняют, если можно так выразиться, шириной: когда наступает прохладная ночь, невольно начинаешь понимать, что с самого утра наслаждался всей полнотой жизни.

– Ну, дети, вперед! – воскликнул Юстес Брайт. – Побольше орехов, побольше! Наполните ими все ваши корзиночки! Я буду их щелкать вам на Рождество и рассказывать сказки!

Дети пребывали в самом веселом расположении духа, кроме, пожалуй, маленького Одуванчика. Он уселся на каштановую шелуху, которая исколола его, словно подушечку для булавок. Боже мой, как отвратительно он себя чувствовал!

Детский рай

Детская Тэнглвуда. Предисловие к «Детскому раю»

О как быстро пролетели золотые октябрьские дни! Кончился угрюмый ноябрь и большая часть морозного декабря.

Наконец настало веселое Рождество, а вместе с ним пожаловал и Юстес Брайт, который весьма оживил праздник своим присутствием. На другой день после его приезда из колледжа разразилась страшная метель. В этом году зима запоздала и одарила нас не одним теплым и ласковым днем, напоминавшим улыбку на старом морщинистом лице. Кое-где в защищенных от ветра местах на южных склонах холмов и вдоль каменных оград даже сохранилась травка, а пару недель назад, еще в начале месяца, дети нашли на берегу Тенистого ручья цветущий одуванчик.

Сейчас уже не встретишь ни зеленой травы, ни одуванчиков. Метель была просто ужасной!

Кружащиеся снежные хлопья заполонили собой все пространство между небом и землей, насколько хватал глаз, все двадцать миль между Тэнглвудом и Такоником.

Казалось, будто холмы, словно разыгравшиеся сказочные гиганты, бросали друг в друга целыми сугробами. Снег шел такой густой массой, что из-за него совершенно нельзя было рассмотреть даже ближайšie деревья в долине. Время от времени маленьким пленникам Тэнглвуда удавалось различить неясные контуры Моньюмент Маунтин и ослепительно белую поверхность застывшего озера у его подошвы, а также черные и серые пятна ближайших лесов. Только это и позволяла разглядеть метель.

Дети были очень рады метели, так как они могли вволю кувыркаться в сугробах и играть в снежки. Они только что вернулись с прогулки в просторную детскую, загроможденную всевозможными игрушками. Самой крупной из них была лошадь-качалка, которая

выглядела, как настоящий пони, кроме того, тут была целая семья деревянных, восковых, гипсовых, фарфоровых и просто тряпичных кукол и столько кубиков, что из них можно было сложить настоящую гору. Не было недостатка и в кеглях, мячах, волчках, воланах, палочках для игры в серсо^[3], скакалках и тому подобных вещах, одно перечисление которых заняло бы целую страницу. Но больше всего дети радовались метели, сулившей им столько веселья и удовольствий на завтра и всю оставшуюся зиму: езда на санях, катанье с горы, снежные бабы, постройка крепости и, наконец, снежки – вот что ждало их впереди!

Поэтому малыши от всего сердца благословляли метель и с восторгом следили за тем, как она набирала силу, по мере чего большой снежный сугроб, выросший вдоль аллеи, все увеличивался и уже почти достиг человеческого роста.

– Мы будем завалены снегом до весны! – радостно кричали они. – Как жаль, что наш дом слишком высок, чтобы его полностью занесло! А маленький красный домик внизу, наверное, завалит до самой крыши.

– Глупенькие, ну зачем вам столько снега? – спросил расхаживающий по комнате Юстес, которому уже надоело читать. – Он и так испортил единственный каток, на который я рассчитывал в эту зиму. Теперь мы не увидим озера до самого апреля, а я думал сегодня покататься в первый раз. Тебе не жаль меня, Мальва?

– О, конечно! – смеясь, отвечала Мальва. – Чтоб вас утешить, мы послушаем одну из ваших прежних сказок, которые вы нам, бывало, рассказывали на террасе или в долине Тенистого ручья. Может быть, теперь, когда нечего делать, они понравятся мне больше, чем раньше, когда мы собирали орехи и наслаждались прекрасной погодой.

Услышав это, Барвинок, Клевер, Папоротник и остальные малыши, гостившие в Тэнглвуде, немедленно окружили Юстеса и принялись настойчиво упрашивать его рассказать сказочку. Студент зевнул, потянулся и вдруг, к неопишуемому восторгу детей, три раза

перескочил через стул, чтобы, как он объяснил им потом, привести мысли в движение.

– Ну хорошо, дети, – произнес он наконец. – Раз уж вы все, и даже Мальва, так хотите услышать мои сказки, я подумаю, что можно для вас сделать. А чтобы вы знали, какие счастливые дни были раньше, когда и не слыхивали о метелях, я расскажу вам про древнейшее из древних времен, когда мир был такой же новенький, как волчок у Папоротника. Тогда было только одно время года – лето, и только один возраст – детство.

– Я никогда не слыхала об этом, – удивилась Мальва.

– Несомненно, – ответил Юстес, – потому что историю о «Детском рае» не знает никто, кроме меня.

Речь пойдет о том, как из-за шалости одной маленькой девочки, вроде Мальвы, все это благополучие прекратилось навсегда.

Юстес Брайт уселся на стул, через который он только что перескочил, посадил Маргаритку к себе на колени, подождал, пока все утихнет, и принялся рассказывать об одной проказливой девочке по имени Пандора и о товарище ее игр Эпиметее. Эту сказку вы сможете от слова до слова прочесть на следующих страницах.

Детский рай

Давным-давно, когда наш мир переживал еще годы своего детства, жил мальчик по имени Эпиметей, у которого не была ни отца, ни матери. Чтобы он не чувствовал себя совсем одиноким, ему была ниспослана в подруги девочка из далекой страны, у которой также не осталось никого из близких: звали ее Пандорой.

Первое, что увидела Пандора, войдя в скромное жилище Эпиметей, был большой сундук. Едва переступив порог, она поинтересовалась:

– Что у тебя в этом сундуке?

– Милая Пандора, пожалуйста, не спрашивай меня об этом, – отвечал Эпиметей. – Это тайна. Сундук оставлен мне на хранение, и я сам не знаю, что в нем находится.

– Но кто же оставил его у тебя? – спросила Пандора. – И откуда он взялся?

– Это тоже тайна, – отвечал Эпиметей.

– Как это скучно! – надув губки, воскликнула Пандора. – Надо спрятать этот гадкий сундук!

– Пожалуйста, не думай о нем больше! – попросил Эпиметей. – Лучше пойдем играть с другими детьми.

Тысячи лет отделяют нас от Эпиметей и Пандоры. Наш мир совершенно изменился с того счастливого времени, когда все были

детьми, о которых незачем было беспокоиться отцам и матерям, так как в ту пору никаких забот и опасностей не существовало. Незачем было чинить одежду или хлопотать о пище и питье. Если детям хотелось есть, они срывали еду прямо с деревьев, причем утром можно было видеть распускающиеся лепестки ужина, а вечером – набухающую почку завтрака. Да, славная жизнь была в то время. Не нужно было ни работать, ни учить уроков. В этом счастливом мире ничего не было, кроме игр, танцев и звонких голосов детей, которые целыми днями то щебетали, словно птицы, то заливались веселым смехом.

Но удивительнее всего было то, что дети никогда не ссорились и не плакали. А еще никто из них ни разу не дулся в углу. О, какое славное было время, пока эти гадкие крылатые создания, называемые заботами, которых теперь почти столько же, сколько комаров, не появились на земле! Вероятно, самым большим огорчением, которое в ту пору кто-либо испытывал, была досада Пандоры на то, что ей никак не удастся раскрыть тайну удивительного сундука.

Сначала это была только слабая тень неудовольствия, которое с каждым днем все усиливалось, пока наконец жилище Эпиметя и Пандоры совсем не утратило атмосферы веселья, что царила в домах остальных детей.

– Откуда появился сундук и что в нем хранится? – постоянно спрашивала себя и Эпиметя Пандора.

– Ты только и говоришь, что о сундуке, – заметил однажды Эпиметей, которому смертельно надоели ее расспросы. – Мне бы хотелось, милая Пандора, чтобы ты поговорила о чем-нибудь другом. Давай наберем спелых смокв и съедим их под деревьями за ужином. Я знаю, где найти виноград с такими крупными и сочными кистями, какими ты никогда не лакомилась.

– Ты только и говоришь, что о винограде и смоквах! – раздраженно проворчала Пандора.

– Ну хорошо, – согласился Эпиметей, который был очень ласковым ребенком, подобно большинству детей того времени. – Хочешь, пойдем веселиться и играть с другими детьми...

– Мне надоело веселиться, – сердито ответила Пандора. – К тому же мне совсем не до игр. Гадкий сундук! Я все время только о нем и думаю. Когда же ты скажешь мне, что в нем находится?

– Я уже пятьдесят раз говорил, что мне ничего неизвестно, – отвечал Эпиметей, потихоньку начиная сердиться. – Как же я могу сказать тебе, что в нем хранится?

– Ты мог бы открыть его, – предложила Пандора, искоса глядя на Эпиметея, – и тогда мы бы увидели все сами.

– Пандора, о чем ты думаешь! – воскликнул Эпиметей.

И при одной мысли заглянуть в сундук, оставленный в доме с одним условием – никогда его не открывать, на лице Эпиметея отразился такой ужас, что Пандора не стала больше настаивать. Однако девочка не могла побороть свое любопытство и постоянно думала и говорила о сундуке.

– Хотя бы скажи мне, как он здесь очутился? – спросила она.

– Незадолго до твоего появления его оставил у двери улыбчивый юноша, – отвечал Эпиметей. – Он едва удерживался от смеха, ставя сундук на землю. На нем был какой-то странный плащ и шапочка, как будто сделанная из перьев: по крайней мере, по бокам у нее я видел два крылышка.

– А был ли у него в руках жезл? – спросила Пандора.

– Самый странный из всех, что мне доводилось видеть! – воскликнул Эпиметей. – Вокруг него обвивались две змеи, сработанные столь искусно, что поначалу я подумал, будто они живые.

– Я знаю, кто это, – подумав, произнесла Пандора, – потому что больше ни у кого нет такого жезла. Это Ртуть, который и привел меня сюда. Сундук, без сомнения, предназначен мне! Вероятно, в нем находятся или хорошенькие платьица для меня, или игрушки для нас обоих, или какое-нибудь изысканное лакомство!

– Очень может быть, – уже в дверях произнес Эпиметей. – Но до возвращения Ртути и без его позволения нам нельзя открывать сундук.

– Глупый мальчишка, – пробормотала Пандора вслед Эпиметею. – Хотела бы я, чтобы он был более решительным!

В первый раз со дня появления Пандоры Эпиметей ушел из дома один, не предложив подруге сопровождать его. Он отправился собирать смоквы и виноград и, если придется, поиграть с другими детьми. Мальчику смертельно надоели вечные разговоры о сундуке, и он от всей души сожалел, что Ртуть (или как там звали незнакомца) не оставил его в чьей-нибудь другой хижине, где Пандора не могла бы его увидеть. Как упорно твердит она все об одном и том же! Сундук, сундук и только сундук! Даже его дом будто стал тесноват для этого проклятого сундука: и Пандора, и сам Эпиметей постоянно спотыкались об него и пребольно расшибали ноги.

Бедному Эпиметею действительно страшно надоело с утра до вечера слушать о сундуке. В то благословенное время дети не ведали особых трудностей и совершенно не знали, как с ними справляться, поэтому сравнительно небольшое огорчение действовало тогда сильнее, чем в наши дни.

После ухода Эпиметея Пандора принялась внимательно рассматривать сундук, который она сотни раз совершенно несправедливо называла гадким. Сундук был очень тонкой работы и мог бы служить украшением любой комнаты. Он был сделан из какого-то красивого дерева, а поверхность его, покрытая причудливой сетью темных жилок, была так хорошо отполирована, что Пандора могла видеть в ней отражение своего лица. Другого зеркала у детей не было, поэтому странно, что она не использовала сундук для этого.

Сундук был украшен чрезвычайно искусной резьбой: на крышке мастер разместил фигуры прекрасных юношей, девушек и детей, которые резвились и играли среди цветов и листьев. Все это было сделано так изящно, что цветы, листья и человеческие фигуры, казалось, сплотились в одну живую гирлянду поразительной красоты. Раз или два Пандоре показалось, будто из-за листьев выглядывает чье-то неприятное лицо. Однако, внимательно всмотревшись и дотронувшись до этого места пальцем, она увидела,

что ошиблась. Должно быть, при взгляде сбоку какое-то красивое лицо показалось ей безобразным.

Прекраснее всех была фигура с венком на голове, вырезанная в центре крышки и отчетливо выделявшаяся на темной блестящей поверхности сундука. Пандора часто смотрела на нее, и ей не раз казалось, что это лицо, словно живое, может улыбаться или быть серьезным, а губы будто бы собирались раскрыться и заговорить. Если бы это случилось, они, вероятно, сказали что-нибудь вроде:

– Не бойся, Пандора! Ну что тут дурного, если ты откроешь сундук? Не обращай внимания на этого глупенького Эпиметея, ведь ты в десять раз умнее его.

Открой сундук и увидишь: в нем спрятано что-то интересное!

Я забыл упомянуть, что вместо замка сундук был перевязан золотым шнуром и таким хитрым узлом, в котором нельзя было найти ни начала, ни конца. Узел был сделан так искусно, что самые ловкие пальцы напрасно бы старались распутать его. Однако это обстоятельство еще больше раззадорило Пандору, и она стала размышлять, каким образом завязан этот хитрый узел. Два-три раза она наклонялась над сундуком и трогала шнур, хотя развязать его пока не пробовала.

«Мне кажется, – мысленно произнесла она, – что я начинаю понимать, как все это сделано. Даже больше, я, пожалуй, сумела бы развязать и снова завязать узел. Несомненно, в этом нет ничего дурного. Даже Эпиметей не стал бы упрекать меня за это. Конечно, мне не следует открывать сундук, и я не сделаю этого без согласия глупого мальчика, даже в том случае, если бы могла развязать узел».

Разумеется, было бы гораздо лучше, если бы Пандора нашла себе какое-нибудь занятие, чтобы отвлечься от этой навязчивой идеи. Но в счастливое время, когда на земле не существовало никаких забот, у детей было слишком много свободного времени. Не могли же они вечно играть среди цветов в прятки, жмурки и другие игры, существовавшие во времена младенчества Матери-Земли. Когда вся жизнь проходит в играх, и самый тяжелый труд становится

развлечением. Им было абсолютно нечего делать. Подмести и вытереть пыль в доме, нарвать свежих цветов (которых тогда было так много) и поставить их в вазы – вот и все обязанности Пандоры. Немудрено, что почти весь день ее мысли были заняты сундуком!

Я почти уверен, что при том праздном образе жизни, какой вела Пандора, сундук являлся для нее своеобразной отдушиной, дававшей обильную пищу для размышлений и разговоров, если у нее находился слушатель.

В хорошем настроении девочка любовалась его блестящей поверхностью и прелестной резьбой из фигур и листьев. Когда Пандора злилась и сердилась, она пинала или толкала его своей маленькой ножкой: сколько пинков выдержал этот сундук, и не сосчитать (впрочем, как вы скоро убедитесь, он вполне этого заслуживал). Во всяком случае, если бы этого сундука не было, наша маленькая проказница не знала бы, как убить время.

Пандора постоянно строила догадки о содержимом сундука. В самом деле, что могло в нем находиться? Представьте, мои маленькие слушатели, как бы вы сами были заинтригованы, если бы такой большой сундук с подарками на Рождество или Новый год очутился в вашей комнате! Неужели вы были бы менее любопытны, чем Пандора? Неужели, оставшись наедине с сундуком, вы не почувствовали бы искушения поднять крышку? Но, конечно, вы не сделали бы этого! Ну, разумеется!

А все-таки, если в сундуке действительно находились игрушки, было бы очень жаль упустить удобный случай взглянуть на них хотя бы украдкой! Я не знаю, желала ли Пандора игрушек, так как в те дни, когда весь мир был для детей одной большой игрушкой, их, кажется, не делали. Во всяком случае Пандора была убеждена, что в сундуке скрыто нечто любопытное и занимательное, а потому ей очень хотелось заглянуть в него, как и всякой другой девочке. Может быть, ей хотелось этого капельку сильнее, но в этом я не совсем уверен.

Однако в тот достопамятный день, о котором мы так долго рассказываем, любопытство Пандоры разыгралось до такой степени, что она приблизилась к сундуку с твердым намерением открыть его, если только у нее это получится.

Ах, проказница Пандора!

Сначала она попыталась поднять сундук, но он оказался слишком тяжелым для такого маленького ребенка, как Пандора. С трудом приподняв край сундука на несколько дюймов, она тут же выпустила его из рук, и он тяжело стукнулся об пол.

На мгновение Пандоре показалось, что она слышит какой-то шум внутри сундука. Приложив ухо к крышке, девочка внимательно прислушалась. Да, внутри сундука действительно раздавался странный сдержанный шепот! Или это был только звон в ушах да биение сердца Пандоры?.. Девочка сомневалась, слышит она что-нибудь на самом деле или это ей только кажется. Во всяком случае, любопытство ее было задето сильнее, чем когда бы то ни было.

Затем она перевела взгляд с крышки на замысловатый узел.

«Должно быть, этот узел завязал очень искусный человек, – подумала она – тем не менее, мне кажется, я могла бы развязать его. Где же он начинается?»

Внимательно рассматривая золотой шнур, Пандора силилась понять, как он завязан. Сначала она рассеянно вертела его в руках, но потом мало-помалу увлеклась. В эту минуту через открытое окно в комнату ворвался яркий солнечный луч и послышались веселые голоса резвившихся детей, среди которых Пандора, кажется, смогла различить голос Эпиметея. Замерев на минуту, она прислушалась. Что за чудный день был сегодня! Не лучше ли бросить этот проклятый узел и, забыв о сундуке, поиграть вместе с детьми?

Однако все это время пальцы Пандоры теребили неподатливый узел, а когда она случайно бросила взгляд на существо с венком на голове, изображенное на крышке таинственного сундука, ей показалось, что оно лукаво посмеивается над ее усилиями.

«Хотела бы я знать, не потому ли оно улыбается, что я дурно поступаю? – подумала Пандора. – Как мне хочется убежать отсюда!»

Но как раз в эту минуту она совершенно случайно как-то по-особому потянула узел и, о чудо, золотой шнур, словно по волшебству, сам собой распутался и сполз с сундука.

«Вот удивительно! – подумала Пандора. – Но что скажет Эпиметей? И сумею ли я завязать узел снова?»

Попытка Пандоры завязать узел заново ни к чему не привела: это было выше ее сил. Шнур распутался столь внезапно, что она совершенно ничего не запомнила. У девочки даже голова пошла кругом, когда она попыталась представить себе, как он выглядел. Поэтому ей пришлось оставить сундук в покое и дожидаться прихода Эпиметея.

«Но если он увидит, что узел развязан он наверняка подумает на меня, – решила Пандора. – Как бы заставить его поверить, что я не заглядывала в сундук?»

Внезапно шалунье пришло в голову, что ее в любом случае будут подозревать в том, что она открывала сундук. А потому не лучше ли ей и впрямь открыть его? Ах, глупая проказница Пандора, ты должна была думать только о том, чтобы поступать хорошо и не делать дурного, а не о том, что скажет или чему поверит Эпиметей. Может быть, она так и сделала бы, если бы существо на крышке сундука не смотрело на нее таким завораживающим взглядом. Кроме того, ей опять послышался тихий шепот внутри сундука, на этот раз гораздо явственнее, чем раньше. Она не могла сказать, была ли то игра воображения или она действительно что-то слышала, а может, ее собственное любопытство нашептывало ей:

– Выпусти нас скорее, милая Пандора, выпусти нас! Мы будем тебе славными товарищами в играх, только выпусти нас!

«Кто бы это мог быть? – подумала Пандора. – Значит, в сундуке сидит кто-то живой! Наверное, так!»

Я взгляну туда один раз, только один разочек, а потом снова захлопну крышку! Что тут дурного, если я взгляну один раз?»

Однако нам пора посмотреть, что делает Эпиметей.

В первый раз с тех пор, как Пандора поселилась в его доме, Эпиметей решил поискать развлечений один, без своей маленькой подруги. Но он не получил от этого ни малейшего удовольствия. Он не нашел ни сладкого винограда, ни спелых смокв (если у Эпиметея

и был недостаток, так это его страсть к смоквам): те, что попадались ему, перезрели и были страшно приторны. И в сердце у него не было той радости, которая так часто заставляла его раньше заливаться звонким смехом. Он казался таким встревоженным, что никто из товарищей не мог понять, что с ним происходит. Впрочем, он и сам не понимал это, как и остальные. Вы, конечно, помните, что в то время счастье было уделом всех живых: мир еще не познал другого состояния. Никто из детей, посланных на землю веселиться, никогда не знал ни болезней, ни горестей.

Сообразив, наконец, что он только мешает общему веселью, Эпиметей решил возвратиться к Пандоре, настроение которой как нельзя лучше соответствовало его собственному. Желая сделать подруге приятное, он нарвал цветов и сплел венок, который собирался надеть ей на голову. Розы, лилии, померанцы и другие цветы были очень красивы и еще долго сохраняли нежный аромат, а сам венок был сплетен так искусно, что большего нельзя было и ожидать от мальчика. Пальцы девочек всегда казались мне более проворными в этом деле, хотя в то время мальчики умели плести венки гораздо лучше, чем теперь.

Я забыл сказать, что по небу довольно давно ползла огромная черная туча. Как раз в ту минуту, когда Эпиметей достиг дверей своего жилища, она начала заслонять солнечный свет, окутывая землю густым мраком.

Эпиметей вошел очень тихо, так как ему хотелось подкрасться к Пандоре сзади и надеть ей венок на голову раньше, чем она заметит его. В осторожности, однако, не было никакой надобности. Эпиметей мог войти хоть походкой взрослого человека, хоть тяжелой поступью слона – Пандора все равно ничего не услышала бы, так как была слишком занята своим делом. В эту минуту девочка как раз положила руку на крышку сундука, собираясь открыть его. Если бы Эпиметей закричал, Пандора, вероятно, отдернула бы руку, и роковая тайна сундука так и осталась бы тайной. Но Эпиметею, хоть

он и не показывал этого, самому хотелось узнать, что скрывается в сундуке.

Увидев, что Пандора собирается поднять крышку, он решил, что не допустит, чтобы его подруга завладела тайной в одиночку. Если в сундуке находится что-нибудь ценное, он тоже получит свою долю! Как видите, после всех своих благоразумных речей о необходимости сдерживать любопытство, Эпиметей поступил так же дурно и легкомысленно, как Пандора. Поэтому всякий раз, когда мы будем упрекать девочку за случившееся, мы не должны забывать и об Эпиметее.

Когда Пандора подняла крышку, в доме было уже совсем темно, так как тучи заслонили солнце и, казалось, похоронили его навеки. Некоторое время в облаках слышалось глухое ворчание и рокотание, которое завершилось страшным раскатом грома.

Не замечая вошедшего Эпиметей, Пандора подняла крышку сундука и заглянула внутрь. Ей показалось, что оттуда, задевая ее, вырвался целый рой крылатых существ. В ту же минуту она услышала жалобный голос Эпиметей, которому, по-видимому, было очень больно.

– Я ужален, я ужален! – кричал он. – Гадкая Пандора, зачем ты открыла этот противный сундук?!

Пандора бросила крышку и огляделась, желая узнать, что случилось с Эпиметеем. Однако в доме было так темно, что она ничего не могла разобрать. Она слышала только отвратительное жужжание, словно вокруг носились огромные мухи, жуки и комары. Когда же ее глаза несколько привыкли к темноте, она увидела множество безобразных существ, страшно злых на вид. У них были крылья летучей мыши и длинные жала на кончике хвоста. Одно из этих существ и ужалило Эпиметей. Вскоре и сама Пандора начала кричать не хуже своего товарища: маленькое отвратительное существо уселось ей на лоб и больно ужалило бы ее, если бы Эпиметей не согнал его.

Если хотите, теперь я скажу вам, кто были эти противные твари, вылетевшие из сундука. То были все земные горести. Тут были все пороки и заботы, более ста пятидесяти печалей, бесчисленное множество самых мучительных болезней и столько видов злости, что трудно было бы их все пересчитать. Одним словом, все, что так или иначе мучило тела и души людей, было заключено в таинственный

сундук, отданный на хранение Эпиметею и Пандоре, чтобы навсегда обеспечить счастье детей. Если бы они добросовестно исполняли свою обязанность, все шло бы хорошо и доныне. Никто никогда не грустил бы и не имел повода плакать.

Как видите, дурной поступок одного из смертных может стать причиной несчастья целого мира: из-за Пандоры, открывшей злосчастный сундук, и Эпиметея, не помешавшего ей сделать это, горести свили себе прочное гнездо среди нас и, кажется, теперь не скоро исчезнут.

Ни Эпиметей, ни Пандора и не подумали удерживать отвратительных крылатых тварей в доме. Напротив, они первым делом бросились открывать двери и окна, чтобы от них избавиться. Вскоре все печали и горести улетели, чтобы всюду преследовать и жалить детей. Удивительнее всего, что цветы и травы, никогда раньше не увядавшие, пару дней спустя начали ронять лепестки и блекнуть. Мальчики и девочки, которые прежде никогда не выходили из детского возраста, теперь с каждым днем делались старше и понемногу превращались в юношей и девушек, потом во взрослых мужчин и женщин и, наконец, – в дряхлых стариков.

И все эти перемены совершались раньше, чем о них успевали подумать.

Тем временем виновница случившегося Пандора и не менее виновный Эпиметей оставались в своем доме. Оба они были жестоко ужалены и терпели страшную боль, казавшуюся еще сильнее вследствие того, что это была первая боль, которую они когда-либо чувствовали. Дети не могли ни свыкнуться с ней, ни понять, что это значит, и страшно сердились на себя и друг на друга. Чтобы излить свою злость, Эпиметей забился в угол, спиной к Пандоре, которая сидела на полу и горько плакала, припав головой к роковому сундуку.

Внезапно внутри сундука раздался легкий стук.

– Что это? – воскликнула Пандора, подняв голову.

Но Эпиметей или не слышал стука, или был слишком зол, чтобы обратить на него внимание. Он ничего не ответил.

– Какой ты сердитый, – сквозь слезы произнесла Пандора, – не хочешь даже поговорить со мной!

Стук повторился: казалось, его производили крошечные пальчики какой-нибудь феи.

– Кто там? – спросила Пандора, к которой вернулось ее прежнее любопытство. – Кто стучит в этом гадком сундуке?

– Открой крышку и увидишь, – отвечал нежный, мелодичный голос.

– Нет, нет! – зарыдала Пандора. – Хватит с меня и одного раза! Ты так и останешься в сундуке, злое создание! Как жаль, что оттуда вылетело столько твоих сестер и братьев! И не надейся, пожалуйста, что я буду так глупа и выпущу тебя!

С этими словами она посмотрела на Эпиметея, ожидая, что он одобрит ее благоразумие. Но мальчик все еще был сердит и только пробормотал, что она слишком поздно сделалась рассудительной.

– Ах, вам лучше выпустить меня, – снова проговорил нежный голосок. – Я совершенно не похожа на эти безобразные создания с жалами на хвостах. Никакие они мне не братья и не сестры! Да вы и сами убедитесь в этом с первого взгляда. Ну же, моя славная Пандора, я уверена, что ты меняпустишь!

И действительно, незнакомый голос звучал так чарующе-ласково, что было почти невозможно устоять против его обаяния и ответить отказом. Сердце Пандоры смягчалось с каждым словом, раздававшимся внутри сундука. Эпиметей, который все еще оставался в углу, тоже повернул голову и, казалось, пришел в лучшее расположение духа, нежели раньше.

– Милый Эпиметей, – воскликнула Пандора, – ты слышишь этот нежный голос?

– Конечно, слышу, – буркнул он, – ну и что из этого?

– Я собираюсь поднять крышку, – сказала Пандора.

– Как хочешь, – произнес Эпиметей. – Ты уже причинила столько зла, что смело можешь продолжать: благодаря тебе на землю был выпущен целый рой разных бед, и одна лишняя мало что изменит.

– Ты мог бы быть поласковее со мной, – вытирая заплаканные глаза, проговорила Пандора.

– Ах, злой мальчик! – кокетливо воскликнул мелодичный голос внутри сундука. – Он ведь и сам очень хочет видеть меня! Ну, моя милая Пандора, открой скорее крышку! Я хочу помочь вам. Выпусти меня на свежий воздух, и ты увидишь, что ваши дела не так уж плохи, как вы думаете!

– Эпиметей, – сказала Пандора, – будь что будет, я решила открыть сундук.

– Кажется, крышка очень тяжелая, – воскликнул Эпиметей, подбегая к ней, – позволь, я помогу тебе!

И вот дети открыли сундук, откуда тотчас вылетело веселое, улыбающееся существо и принялось порхать по комнате, всюду оставляя за собой лучи света. Вам никогда не приходилось, поймав зеркалом солнечный луч, заставить его прыгать по стенам и углам? Так вот, таким же лучом в этом мрачном доме казалась крылатая незнакомка. Подлетев к Эпиметею, она едва дотронулась до распухшего ужаленного места на его лбу, и боль немедленно прекратилась. Затем она поцеловала Пандору, принеся ей такое же облегчение.

Совершив эти добрые дела, озорная незнакомка стала порхать над головами детей, необычайно ласково поглядывая на них. Вскоре и Эпиметей, и Пандора были уже почти рады, что открыли сундук, так как в противном случае их милой гостье пришлось бы томиться внутри, среди этих злостных созданий с жалом на хвостах.

– Скажи, кто ты, красавица? – спросила Пандора.

– Я Надежда! – ответила лучезарная незнакомка. – Веселая и резвая, я была заключена в сундук, чтобы смягчить зло, которое причинят эти отвратительные горести, очутившись на свободе. Не бойтесь, нам будет хорошо назло им всем!

– Твои крылья переливаются всеми цветами радуги! – воскликнула Пандора. – Как это красиво!

– Да, они напоминают радугу, – согласилась Надежда. – Ведь несмотря на мой веселый характер, я соткана не только из улыбок, но и из слез.

– И ты навсегда останешься с нами? – спросил Эпиметей.

– До тех пор, пока вы будете нуждаться во мне, – отвечала Надежда с улыбкой. – А так как это будет продолжаться всю вашу жизнь, я обещаю никогда не покидать вас. Может быть, со временем наступят минуты, когда вы будете думать, что я исчезла. Но в тот миг, когда вы меньше всего будете меня ожидать, мои крылья блеснут в вашем доме. Да, мои дорогие, я знаю, что в будущем вас ждет много счастливого и радостного!

– Скажи же, что именно! – воскликнули дети.

– Не спрашивайте меня, – отвечала Надежда, приложив палец к розовым губкам, – и не отчаивайтесь, если даже это не наступит за всю вашу жизнь. Всегда верьте моему обещанию, так как оно искренне.

– Мы верим тебе! – в один голос воскликнули Эпиметей и Пандора.

Это была правда, и мало того, с тех пор все жившие и живущие на земле слепо верили и верят Надежде. Откровенно говоря, я почти доволен, что Пандора заглянула в сундук, хотя, конечно, с ее стороны было очень дурно любопытствовать. Правда, что горести все еще летают по свету и, скорее, их число увеличилось, нежели уменьшилось. Правда, что они самые отвратительные создания с ядовитыми жалами на хвостах. Правда, что я сам испытал немало их укулов, и, вероятно, еще больше испытаю в будущем, по мере приближения старости. Все это правда, но все-таки благодаря Пандоре мы узнали милый и светлый образ Надежды. Что бы люди стали делать без нее! Ведь Надежда одухотворяет и непрестанно обновляет мир. С ней земное счастье кажется лишь тенью вечного

блаженства в будущем.

Детская Тэнглвуда. Послесловие

Ну как, Мальва, понравилась тебе моя история о Пандоре? – спросил Юстес, ущипнув девочку за ухо. – Не находишь ли, что ты ее точная копия? Только ты, наверное, вдвое меньше колебалась бы, прежде чем открыть сундук.

– Не сомневаюсь, что я немедленно была бы наказана за свое любопытство, так как первым из сундука появился бы Юстес Брайт в образе одной из горестей, – язвительно заметила Мальва.

– Кузен Юстес, а в сундуке хранились все земные печали и горести? – спросил Папоротник.

– Все без исключения, – отвечал Юстес. – Даже противная метель, испортившая мой каток, была там.

– А насколько большим был сундук? – продолжал свои расспросы Папоротник.

– Кажется, три фута в длину, фута два в ширину и два с половиной фута в высоту, – ответил Юстес.

– Да ну! – удивился Папоротник. – Вы, верно, шутите, кузен Юстес! Ведь я знаю, что во всем мире не наберется столько зла, чтобы наполнить такой большой сундук! Что же касается метели, то она вовсе не горесть, а удовольствие, поэтому ее не могло там быть.

– Глупыш, – снисходительно проговорила Мальва, – как мало ты знаком с горестями этого мира! Бедный, ты поумнеешь, когда

проживешь столько, сколько я!

Сказав это, Мальва принялась прыгать через веревочку.

По мере того как день мало-помалу клонился к вечеру, вокруг становилось все угрюмее. Огромные сугробы казались седыми в сгущавшихся сумерках, все дорожки и тропинки исчезли, и земля словно слилась с воздухом. Густой снег завалил ступеньки террасы, через которую никто не входил и не уходил. Если бы у окна Тэнглвуда стоял одинокий ребенок, вид унылой снежной равнины, несомненно, навеял бы на него печальные мысли. Но детворе Тэнглвуда нечего было бояться зимы со всеми ее метелями, хотя они, конечно, не могли превратить Тэнглвуд в рай. К тому же, чтоб веселее проводить время, Юстес Брайт придумал несколько новых игр: дети, смеясь и крича от восторга, играли в них до ночи, а также весь следующий ненастный день.

Три золотых яблока

Камин Тэнглвуда. Предисловие к «Трем золотым яблокам»

Трудно себе представить, до какой степени метель, продолжавшаяся весь следующий день, изменила окружающий пейзаж. Она окончательно прекратилась только ночью, так что утром солнце взошло уже на безоблачном небе. Мороз так заволок оконные стекла, что сквозь них почти ничего не было видно. В ожидании завтрака маленькие обитатели Тэнглвуда процарапали ногтями в замерзшем стекле несколько крошечных глазков, через которые, к своему нескрываемому удовольствию, смогли разглядеть, что все вокруг было белым-бело, как чистый лист бумаги, за исключением разве что одного-двух участков темной открытой земли на крутом склоне холма да серого снега, перемешанного с черными пятнами соснового леса.

Как это весело! А как холодно, недолго и нос отморозить! Ничто так не подбодряет человека и не заставляет кровь быстрее бежать по жилам, как трескучий мороз.

После завтрака дети потеплее оделись и побежали на улицу. Что за чудный день для игр! Не меньше сотни раз каждый из них скатился с холма, для пущего веселья опрокидывая санки и кувыряясь в снегу. Даже Юстес Брайт, посадив Барвинка, Папоротника и Резеду в свои сани, спустился вниз с головокружительной быстротой. Вдруг на пол пути санки так сильно ударились о занесенный снегом пень, что все четверо кубарем полетели в снег. Когда же они кое-как выкарабкались из снега, оказалось, что с ними нет Резеды! Где же она? Но пока все удивленно осматривались вокруг, раскрасневшаяся девочка вылезла из сугроба, напоминая большой алый цветок, внезапно распустившийся среди зимы. Все долго смеялись над этим приключением.

Когда всем уже порядком надоело кататься с холма, Юстес предложил выкопать пещеру в самом большом сугробе. Однако как только все было готово и дети забрались внутрь, своды пещеры обрушились и малышом завалило снегом.

В следующую минуту из-под развалин выглянула дюжина маленьких детских головок, а также голова студента, словно сединой, убитая снегом, присыпавшим его черные кудри. Чтоб наказать Юстеса за то, что он посоветовал рыть пещеру, дети напали на него и так забросали снежками, что он вынужден был спасаться бегством. Сначала Юстес скрылся в лесу, а потом переместился на берег Тенистого ручья, еле слышно журчавшего под толщей льда и снега, сквозь которую едва ли проникал солнечный свет.

По сторонам образованных ручьем ледяных порогов сверкали сосульки. Отсюда Юстес спустился к берегу озера, где перед ним открылась необозримая снежная равнина, тянувшаяся до самого подножия Моньюмент Маунтин. Разгорался закат, и Юстес невольно подумал, что он никогда не видел ничего прекраснее и величественнее. В глубине души студент был очень рад, что ему удалось ускользнуть от детей, которые нарушили бы своими шалостями его философское настроение и помешали насладиться поэзией зимнего заката. Хватит того, что он и так дурачился с ними целый день.

Когда солнце полностью ушло за горизонт, Брайт вернулся домой, поспев как раз к ужину, после которого он поднялся в свою комнату с намерением, как я полагаю, сочинить оду или сонет, или вообще какие-нибудь стихи в память о незабываемом зрелище – пурпурных и золотистых облаках вокруг заходящего солнца. Но не успел он взяться за перо, как дверь отворилась, и на пороге появились Барвинок и Мальва.

– Уходите, дети, вы мне мешаете! – воскликнул студент, оборачиваясь к ним через плечо и не выпуская из пальцев пера. – Что вам здесь нужно? Я думал, вы уже в постели!

– Видишь, Барвинок, как он любит разыгрывать из себя взрослого! – засмеялась Мальва. – Он, кажется, забыл, что мне уже тринадцать лет и я могу ложиться спать, когда захочу. Но, кузен Юстес, хватит важничать, пойдете с нами в гостиную. Дети столько наговорили о ваших чудесных историях, что папа хочет послушать одну из них, дабы убедиться, что в них нет ничего недозволенного.

– И не проси, Мальва! – с досадой воскликнул студент. – Я не люблю рассказывать свои сказки в присутствии взрослых. К тому же твой отец получил классическое образование. Конечно, это не значит, что я боюсь его учености (полагаю, она уже давно покрылась ржавчиной, как старый поварской нож), нет, но он, без сомнения, не одобрит той милой чепухи, которую я привношу в рассказ от себя. Хотя для детей вроде вас именно это и составляет их главную прелесть. Ни одному человеку пятидесяти лет, который знает классические мифы с юности, не могут понравиться мои фантазии.

– Может быть, все это и верно, – заметила Мальва, – но все-таки вы должны идти! Папа отказывается читать, а мама – играть на фортепиано, пока вы не расскажете нам одну из ваших «фантазий», как вы их совершенно правильно называете. Ну, будьте же паинькой, пойдете вниз!

Несмотря на все свои отговорки, студент, в сущности, был рад случаю доказать мистеру Принглу свою способность к переделыванию античных мифов. Конечно, как и всякий юноша, он немного стеснялся показывать свои стихи и рассказы, хотя и думал, что, будь они напечатаны, то привели бы его на самую вершину литературной славы. Поэтому Юстес без дальнейшего сопротивления позволил Мальве и Барвинку увести себя в гостиную.

Это была большая, богато убранная комната с полукруглым окном, в углублении которого стояла мраморная копия со статуи Грино «Ангел и ребенок»^[4]. По одну сторону камина тянулись полки с книгами в дорогих переплетах. Белый свет ярко горевшей лампы и красноватый отблеск огня в камине придавали гостиной чрезвычайно располагающий и уютный вид. Перед огнем в глубоком

кресле сидел мистер Прингл, казалось, нарочно созданный для того, чтобы сидеть как раз в таком кресле и такой комнате. Это был высокий элегантный мужчина, который всегда так изысканно одевался, что даже Юстес Брайт никогда не появлялся при нем, не поправив воротника рубашки. Лишь теперь, когда Мальва держала его за одну руку, а Барвинок за другую, Юстесу пришлось предстать перед ним в таком расхристанном виде, будто он целый день валялся в снегу, что, впрочем, так и было.

Мистер Прингл ласково обернулся к студенту, причем последний тотчас почувствовал, насколько он растрепан и в каком беспорядке пребывают его мысли.

– Юстес, – улыбаясь, произнес мистер Прингл, – оказывается, вы произвели большое впечатление на маленьких обитателей Тэнглвуда своим даром рассказчика. Мальва, как все ее здесь называют, и остальные дети в таком восторге от ваших сказок, что миссис Прингл и я хотели бы услышать одну из них. Для меня это тем более интересно, что вы пытаетесь переиначить мифы на современный лад, насколько я мог судить по нескольким эпизодам, пришедшим ко мне из вторых рук.

– Откровенно говоря, вы не совсем подходящий слушатель для фантазий такого рода, – заметил студент.

– Как бы то ни было, но я нахожу, что для молодого автора больше всего полезна именно та критика, которая кажется ему наименее желанной, – отвечал мистер Прингл. – Поэтому исполните, пожалуйста, мою просьбу.

– Мне кажется, что сочувствие к автору непременно должно быть при всякой критике, – пробормотал Юстес Брайт. – Что ж, я готов начать, если у вас хватит терпения. Только прошу вас, будьте добры, помните, что в своих сказках я учитываю вкусы и пристрастия детей, а не взрослых.

Сюжет для рассказа, за который студент немедленно ухватился, ему подсказала тарелка с яблоками, что стояла на каминной полке.

Три золотых яблока

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать о золотых яблоках в саду Гесперид? За бушель^[5] этих яблок дорого заплатили бы теперь, если бы только их можно было найти в наших садах! К сожалению, во всем мире не осталось ни кусочка, ни самого маленького зернышка от плодов этой удивительной яблони.

В древние-древние, теперь полузабытые времена, когда сад Гесперид еще не зарос сорными травами, многие сомневались в существовании яблони, приносящей золотые плоды. Все слышали о них, но никто никогда не видел.

Дети, разинув рот, слушали рассказы о чудесной яблоне и собирались взглянуть на нее, когда вырастут. Храбрые юноши, жаждавшие подвигов, не раз отправлялись на поиски яблони. Многие из них не возвращались более, и никто не принес золотых яблок домой. Неудивительно, что мало-помалу стало казаться, будто найти их невозможно. Говорили, что дерево охраняется стоглавым драконом, половина голов которого караулит, в то время как другая половина – спит.

По-моему, не стоило подвергать себя опасности из-за каких-то золотых яблок. Будь они сладкими, сочными и спелыми, тогда, пожалуй, был бы еще некоторый смысл в попытках овладеть ими, несмотря на стоголового дракона.

Но, как я уже, кажется, упоминал, у молодых людей, которым надоедала спокойная и мирная жизнь, вошло в обыкновение отправляться на поиски сада Гесперид. Наконец, за это отважное дело взялся известный герой, который не знал, что такое спокойная жизнь с самого своего появления на свет. В то время, о котором я собираюсь рассказывать, он странствовал по благословенной Италии с огромной палицей в руках и луком за плечами. На нем была шкура убитого им льва, самого большого и свирепого из всех когда-либо существовавших на земле. И в сердце героя таилась настоящая львиная храбрость, хотя сам он отличался кротостью, великодушием и благородством. На протяжении всего путешествия он спрашивал всех подряд, как пройти к саду Гесперид, но никто не мог ответить ему. Многие охотно посмеялись бы над странным вопросом, если бы у незнакомца не было такой огромной палицы.

Так он шел и шел вперед, не переставая расспрашивать, пока не достиг берега реки, на котором несколько прекрасных молодых девушек плели венки.

– Красавицы, не можете ли вы указать мне прямую дорогу в сад Гесперид? – спросил он.

Девушки весело проводили время, сплетая венки и примеряя их друг дружке. Казалось, было что-то волшебное в их прикосновениях, так как цветы становились свежее, аромат их – нежнее, и краски ярче, чем прежде, когда они еще не были сорваны. Услышав вопрос, девушки побросали цветы на траву и с удивлением посмотрели на незнакомца.

– Сад Гесперид! – воскликнула одна из них. – Мы думали, что смертным уже надоело искать его после стольких неудач. Скажи нам, отважный путник, зачем ты идешь туда?

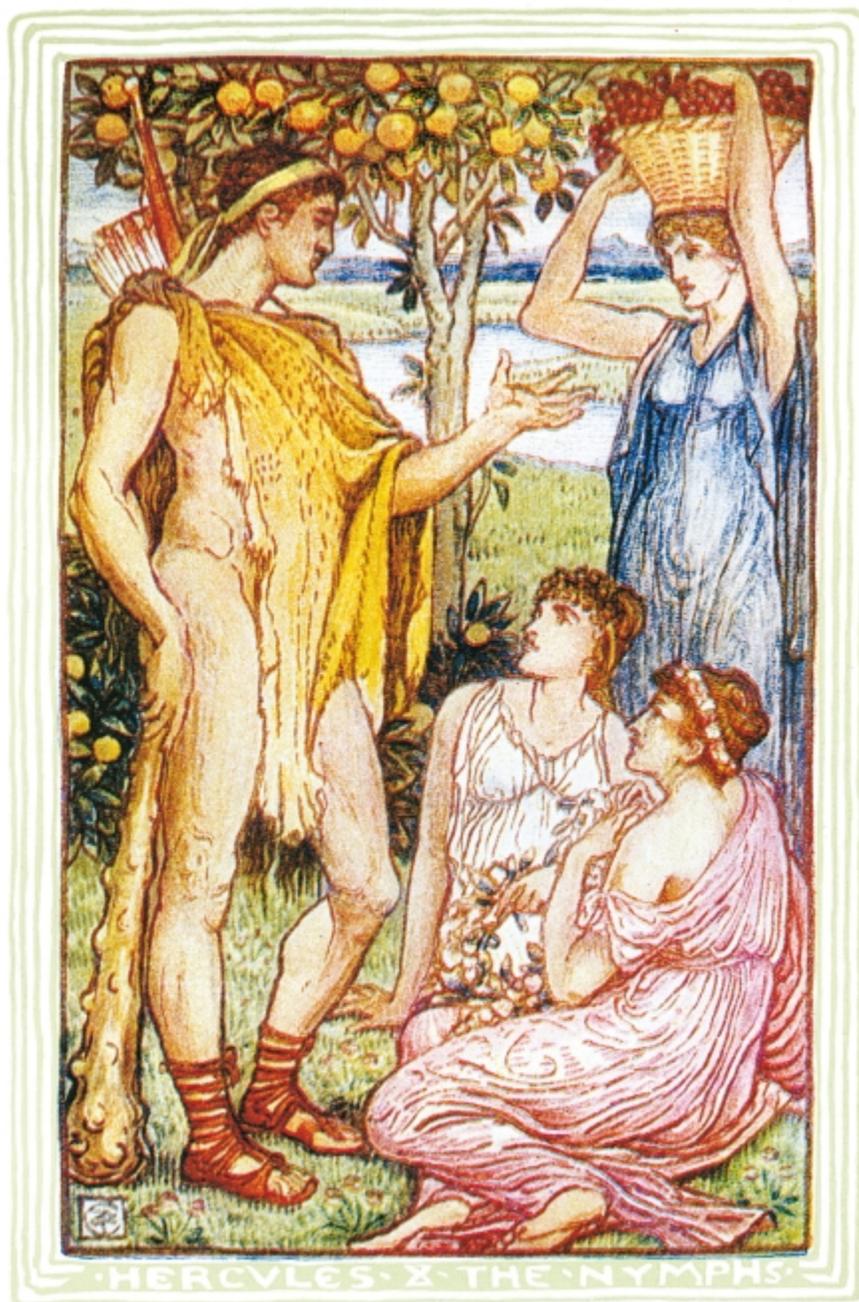
– Мой брат, царь, велел мне добыть три золотых яблока, – отвечал он.

– Большинство из тех, кто отправлялся за этими яблоками, желали оставить их себе или подарить любимой женщине, – заметила другая девушка. – Ты, верно, очень любишь своего брата?

– О, нет! – вздохнул незнакомец. – Он часто бывал суров и бессердечен ко мне, но все же я вынужден ему повиноваться.

– А знаешь ли ты, что яблоню стережет страшный стоглавый дракон? – спросила первая девушка.

– Знаю, – спокойно отвечал незнакомец, – но я с младенчества привык иметь дело с драконами и змеями.

Девушки бросили взгляд на увесистую палицу незнакомца, на косматую львиную шкуру на его плечах, на его высокую, мощную фигуру и невольно подумали, что если кто и мог надеяться на благоприятный исход предприятия, так только он. Но стоглавый дракон! Какой смертный, обладай он хоть целой сотней жизней, мог избежать когтей ужасного чудовища? Хорошие девушки и слышать не

хотели об опасной затее, которая почти наверняка обрекала юношу на гибель от лап прожорливого дракона.

– Вернись назад! – кричали они. – Вернись назад, домой! Твоя мать, увидев тебя целым и невредимым, заплачет от радости. Вряд ли тебя ожидает большая награда, даже если тебе удастся одержать победу. Забудь о золотых яблоках и приказании твоего жестокого брата! Неужели ты хочешь, чтобы тебя съел стоголовый дракон?

Эти уговоры стали надоедать незнакомцу. Небрежно подняв палицу, он опустил ее на ближайший валун. Удар был так силен, что огромный камень разлетелся вдребезги. Надо сказать, что это не стоило незнакомцу никаких усилий – во всяком случае, не более, чем одной из девушек прикоснуться цветком к розовой щеке своей подруги.

– Неужели вы не видите, – произнес незнакомец, с улыбкой глядя на девушек, – что такой удар разmozжит по меньшей мере одну из ста голов дракона?

Усевшись на траву, он рассказал им всю свою жизнь, начиная с того дня, когда его положили на медный щит вместо колыбели. Пока он лежал там, в комнату вползли две огромных змеи. Раскрыв свои страшные пасти, злобные твари уже собрались проглотить ребенка, но он, хотя ему было всего несколько месяцев от роду, задушил обеих. В юности ему удалось убить огромного льва, почти такой же величины, как и тот, чью шкуру он теперь носил на плечах. Следующим подвигом, который он совершил, был бой с гидрой, ужасным девятиглавым чудовищем с чрезвычайно острыми зубами.

– Но ведь у дракона Гесперид, как тебе известно, сто голов, – заметила одна из девушек.

– Я предпочел бы сразиться с двумя такими драконами, чем с одной гидрой, – отвечал герой. – Подумайте только, стоило мне отрубить одну голову гидры, как на ее месте тотчас вырастали две другие! Вдобавок к этому одну из голов невозможно было умертвить и она продолжала яростно кусаться еще долгое время после того, как была отрублена. Поэтому я завалил ее огромным камнем, под

которым она, должно быть, лежит и до сих пор. А тело гидры и остальные восемь голов навсегда лишены возможности вредить людям.

Думая, что рассказ будет довольно продолжительным, девушки приготовили хлеб и виноград, чтобы незнакомец мог подкрепиться. Они с удовольствием прислуживали ему за скромной трапезой, и время от времени то одна, то другая отщипывала виноград, чтобы он не стеснялся есть один.

Незнакомец стал рассказывать, как он целый год гонялся за быстроногим оленем, ни разу не останавливаясь, чтобы перевести дух. Наконец, юноша поймал животное за рога и живым привел домой. Затем он рассказал о битве с удивительным племенем полулюдей-полулошадей, которых он умертвил, чтобы их безобразные фигуры более никому не попадались на глаза. А напоследок упомянул о том, что ему удалось очистить огромную конюшню.

– Похоже, ты считаешь это удивительным подвигом? – с улыбкой спросила одна из девушек. – Но ведь это делает всякий крестьянин!

– Я не говорил бы о ней, если бы это была обыкновенная конюшня, – отвечал незнакомец, – но она была так велика, что на ее очистку ушла бы вся моя жизнь. Хорошо, что я догадался провести реку через ворота конюшни, после этого работа была быстро закончена.

Заметив, что девушки слушают его с чрезвычайным интересом, он рассказал, как ему удалось убить несколько чудовищных птиц и поймать живым дикого быка, которого он впоследствии выпустил. Поведал юноша и о том, как он укротил диких лошадей и победил воинственную царицу Амазонок Ипполиту, а ее волшебный пояс подарил дочери своего брата.

– Это, верно, был пояс Венеры, дарующий женщинам красоту? – спросила самая хорошенькая из девушек.

– Нет, – отвечал герой, – прежде он служил перевязью для меча Марсу и делал своего обладателя храбрым и смелым.

– Старая перевязь! – воскликнула девушка. – Ну, я бы не стала стараться ее заполучить.

– Это верно, – произнес незнакомец.

Продолжая свой рассказ, он сообщил девушкам, что наиболее удивительным из выпавших на его долю приключений была битва с шестиногим человеком – Герионом. Эта была самая странная и страшная фигура, какую только можно себе представить. Всякий, увидав его следы на песке или на снегу, предположил бы, что здесь прошло три человека. Услыхав его шаги на близком расстоянии, можно было подумать, что идет целая толпа. А между тем весь этот шум производил один только шестиногий Герион!

Шесть ног, поддерживающих гигантское тело! Без сомнения, это было самое удивительное чудовище из всех, которые когда-либо существовали! А сколько пар обуви оно износило, страшно подумать!

Кончив рассказ о своих приключениях, незнакомец внимательно посмотрел на девушек.

– Может быть, вы уже слыхали обо мне раньше? – скромно спросил он. – Меня зовут Геркулес.

– Мы давно догадались об этом, – ответили девушки, – так как твои подвиги известны всему свету. И мы уже не удивляемся более, что ты хочешь отправиться за золотыми яблоками Гесперид. Давайте, сестры, увенчаем героя цветами!

С этими словами они возложили венки на прекрасную голову и могучие плечи Геркулеса, так что львиная шкура почти скрылась под розами. Тяжелую палицу девушки увидели яркими, нежными и душистыми цветами, и она стала похожа на огромный букет. После они взялись за руки и начали водить хороводы вокруг Геркулеса. Геркулес, как и всякий герой, был польщен, узнав, что прелестные девушки уже слышали о доблестных подвигах, стоивших ему немалых усилий. Но он отнюдь не был доволен собой, так как считал, что все, сделанное им доселе, не заслуживает таких похвал,

если столько смелых и трудных предприятий остались невыполненными.

– Милые девушки, – произнес он, когда они остановились, чтобы перевести дух, – теперь, когда вам известно мое имя, быть может, вы скажете, как пройти к саду Гесперид?

– Ты собираешься уходить? – воскликнули девушки. – Ты и так уже совершил много удивительных подвигов и довольно потрудился на своем веку, а потому можешь минутку отдохнуть на этом мирном берегу.

Геркулес покачал головой.

– Нет, я должен отправиться сейчас, – тоном не терпящим возражений проговорил он.

– Тогда иди на берег моря, найди Старца и заставь его объяснить, где растут золотые яблоки.

– Старца? – переспросил Геркулес. – Но кто он такой?

– Это Морской Старец, – отвечала одна из девушек. – У него пятьдесят дочерей, которых многие находят красивыми. Однако мы так не думаем: у них зеленоватые волосы, а вместо ног – хвост, словно у рыб. Тебе непременно нужно поговорить с Морским Старцем: он очень опытный мореход и знает все, что касается сада Гесперид, так как часто посещает остров, на котором он находится.

Геркулес стал расспрашивать, где можно встретить Старца. Узнав все, что ему было нужно, он поблагодарил девушек за доброту и гостеприимство, за хлеб, виноград, цветы, пенье, танцы, а более всего за ценные указания, и тронулся в путь.

Но не успел он отойти на несколько шагов, как одна из девушек, смеясь, закричала ему вслед:

– Смотри, крепко держи Старца, когда схватишь его! Что бы ни случилось, ничему не удивляйся, держи его крепче, и он скажет тебе все, что ты хочешь знать!

Геркулес еще раз поблагодарил ее и поспешил вперед, а девушки вновь занялись венками. Они еще долго говорили о герое, после того как он скрылся из виду.

– Давайте наденем на него самый красивый венок, когда он убьет стоглавого дракона и вернется сюда с тремя золотыми яблоками, – предложила одна из девушек.

Между тем Геркулес всё шел и шел вперед через холмы, леса и долины. Время от времени он принимался размахивать палицей, одним ударом выворачивая огромнейшие дубы. Мысли его были заняты разными чудовищами и гигантами, с которыми ему столько раз приходилось сражаться, а потому и теперь очень большие деревья он принимал за гигантов. Геркулесу страшно хотелось поскорее справиться со своим заданием, и он даже жалел, что столько времени потерял впустую, рассказывая о своих приключениях. Впрочем, так всегда бывает с людьми, которые совершают великие дела. По их мнению, то, что они уже сделали, кажется им ничтожным, и только то, что предстоит сделать, достойно труда, опасностей и самой жизни.

Те, кому пришлось в это время идти по лесу, были страшно напуганы при виде Геркулеса, сокрушающего палицей деревья. Огромные стволы раскалывались с одного раза, словно от удара молнии, толстые сучья с треском ломались и падали вниз. Но Геркулес не обращал на это внимания и быстро шел вперед, не останавливаясь и не оглядываясь. Услыхав вдали шум моря, он ускорил шаг, пока не достиг песчаного берега, о который длинной полосой белоснежной пены разбивались волны. Там, где несколько зеленых кустиков вскарабкались на скалу, смягчив суровое выражение ее каменного лица, образовалась прехорошенькая площадка. Ковер зеленой травы, густо пересыпанный сладко пахнущим клевером, покрывал узкое пространство между морем и подошвой скалы. И первое, что там увидел Геркулес, был крепко спящий старик!

Но действительно ли это был старик? Да, на первый взгляд так и казалось, но если приглядеться внимательней, он походил на кого-нибудь из обитателей морских глубин. Его перепончатые, словно у утки, руки и ноги были покрыты рыбьей чешуей, длинная

зеленоватая борода больше напоминала пучок морских водорослей, нежели обыкновенную бороду.

Вам когда-нибудь приходилось видеть облепленный раковинами кусок дерева, который долгое время служил игрушкой волнам и, наконец, чуть не с самого дна был выброшен на берег? Так вот, старик как раз походил на него. Лишь только взгляд Геркулеса остановился на этой странной фигуре, он не сомневался, что перед ним не кто иной, как сам Старец, который может указать дорогу.

Действительно, это был тот самый Морской Старец, о котором гостеприимные девушки поведали Геркулесу. Благословляя судьбу за счастливую случайность, благодаря которой ему удалось застать старика спящим, Геркулес на цыпочках подкрался к нему и крепко схватил за руку и ногу.

– Скажи мне, – потребовал юноша, прежде чем Старец успел окончательно проснуться, – как пройти в сад Гесперид?

Морской Старец был страшно удивлен и испуган. Впрочем, едва ли он удивился сильнее, чем Геркулес, когда в следующую минуту Старец внезапно исчез, а на его месте возник олень! Однако герой не выпустил своей добычи. Вслед затем олень превратился в морскую птицу, пронзительно кричавшую, пока Геркулес держал ее за крыло, чтобы она не улетела. Место птицы заняла огромная трехголовая собака, которая даже укусила героя за руку, однако Геркулес не выпустил и ее. Собака превратилась в Гериона, шестиногого человека-чудовище, который яростно бил Геркулеса пятью ногами, чтоб высвободить шестую, – но Геркулес не выпускал ее. Вскоре вместо Гериона появилась огромная змея, похожая на тех, что Геркулес задушил когда-то в колыбели, только в сто раз больше. Изгибая хвост, она обвилась вокруг героя и, раскрыв свою смертоносную пасть, собиралась немедленно проглотить его: это было действительно страшное зрелище! Но Геркулес несколько не испугался и так сильно сдавил гигантскую змею, что она зашипела от боли.

Вы, конечно, догадались, что Морской Старец, обычно несколько напоминавший побитую волнами фигуру на носу корабля, обладал способностью превращаться во что угодно. Своими превращениями он надеялся так удивить и испугать Геркулеса, чтобы тот сразу захотел избавиться от своей добычи. Если бы герой разжал руки, Старец, конечно, нырнул бы на самое дно, откуда, вероятно, не скоро поднялся бы наверх, чтобы отвечать на всякие дерзкие вопросы. Несомненно, девяносто девять человек из ста были бы смертельно напуганы еще первым превращением и бросились бы бежать, поскольку отличать настоящую опасность от мнимой, пожалуй, труднее всего на свете.

Но так как Геркулес по-прежнему не выказывал ни малейшего страха и при каждом превращении только сильнее сжимал Старца, причиняя ему невыносимую боль, последний решил, наконец, принять свой обычный вид рыбообразного, чешуйчатого, лапчатого существа с пучком водорослей на подбородке.

– Чего ты хочешь от меня? – буркнул Старец, едва ему удалось перевести дух после целого ряда превращений. – Зачем ты

сжимаешь меня так сильно? Выпусти меня сию минуту, или я буду считать тебя крайне неучтивым человеком!

– Меня зовут Геркулес, – отвечал могучий герой, – и я не выпущу тебя до тех пор, пока ты не скажешь мне кратчайший путь в сад Гесперид.

Услышав, к кому он попал в плен, старик понял, что ему придется рассказать Геркулесу все, что тот хочет узнать. Старец был морским жителем и, как и другие мореходы, много странствовал повсюду. Он часто слышал о Геркулесе и об удивительных подвигах, совершенных им в разных краях, знал он также о его непреклонности в исполнении задуманного. Поэтому Старец больше не пытался вырваться и стал рассказывать Геркулесу, как попасть в сад Гесперид, не забывая упомянуть о многочисленных препятствиях, которые ему придется преодолеть на своем пути.

– Ты должен идти все вперед, вот так, – сказал Морской Старец, показывая направление, – пока не встретишь необыкновенно высокого гиганта, головой поддерживающего небо. Если этот гигант будет в хорошем расположении духа, он скажет тебе, где находится сад Гесперид.

– А если нет, – заметил Геркулес, стараясь удержать в равновесии на кончике пальца свою тяжелую палицу, – у меня найдется средство заставить его говорить!

Поблагодарив Морского Старца и извинившись за причиненную ему боль, Геркулес продолжил путь, во время которого пережил немало удивительных приключений, вполне достойных вашего внимания, если бы только у меня было время, чтобы рассказать о них так подробно, как они того заслуживают.

В тот же день он встретил исполина Антея, обладавшего удивительным свойством становиться в десять раз сильнее от прикосновения к земле.

С гигантом было очень трудно сражаться, так как после каждого удара, который бросал его наземь, он поднимался еще более сильным и свирепым, чем до начала боя. Геркулес вскоре понял: чем

сильнее он поражает Антея своей палицей, тем дальше оказывается от победы. Что касается меня, то я никогда не сражался с такими людьми, но спорить с ними мне приходилось довольно часто. Геркулес нашел единственный способ, благодаря которому ему удалось закончить битву: он поднял Антея в воздух и сжимал, сжимал и сжимал его до тех пор, пока силы не покинули мощное тело.

Покончив с этим, Геркулес продолжал свой путь. Когда он проходил через Египет, его взяли в плен и едва не предали смерти, но он убил египетского царя и бежал. Герой быстро продвигался вперед и вскоре, оставив за собой африканские пустыни, достиг берегов Великого океана. Казалось, вот и пришел конец его путешествию – не мог же он идти по гребням волн! Необозримый, пенящийся и волнующийся океан расстилался перед ним. Внезапно, когда взор его бесцельно блуждал по неизмеримому пространству вод, он заметил вдали какой-то предмет, ярко светившийся подобно золотому солнечному диску на восходе или закате. Предмет этот приближался, с каждым мгновением становясь все более и более блестящим.

Наконец он очутился совсем близко, и Геркулес увидел, что это была огромная чаша, сделанная из золота или из тщательно отполированной меди. Как могла она плыть по морю, я не знаю, во всяком случае, она качалась да качалась себе на бурных волнах, которые бросали ее вверх и вниз, обдавая мшистой пеной, брызги которой никогда не попадали внутрь.

«Много видал я гигантов на своем веку, – подумал Геркулес, – но не встречал ни одного, кто мог бы пить вино из такой чаши!»

И в самом деле, что это была за чаша! Она была так велика, что я не берусь точно указать ее размер. Можно сказать без преувеличения, что она в десять раз превосходила любое мельничное колесо. Она неслась по пенящимся волнам легче чашечки желудя, уносимой течением ручья, хоть и была отлита из

металла. Волны потихоньку гнали ее вперед, пока она не остановилась у берега близ того места, где стоял Геркулес.

Лишь только это произошло, Геркулес сразу понял, что ему нужно делать: на его долю выпало столько удивительных приключений, что он просто не мог не знать, как следует поступать в подобных случаях. Было ясно, как божий день, что какая-то невидимая сила остановила эту огромную чашу здесь, чтобы перевести Геркулеса по морю в сад Гесперид. Поэтому он не медля ни минуты взобрался на край чаши и, спустившись вниз, разостлал на дне львиную шкуру, чтобы немного отдохнуть, так как ему не приходилось отдыхать с тех пор, как он простился с девушками на берегу реки. Волны с немолчным ласкающим шумом мягко ударялись в стенки чаши, которая плавно покачивалась и медленно продвигалась вперед, навевая на Геркулеса приятную дремоту.

Эта дремота продолжалась бы, вероятно, довольно долго, если бы чаша не задела скалу и не зазвенела в сотни раз громче церковного колокола. Шум и звон разбудили Геркулеса: он быстро вскочил и с удивлением принялся осматриваться вокруг. Он обнаружил, что чаша переплыла море и приблизилась к берегу какого-то острова. И что бы вы думали, было на том острове?

Нет, вам ни за что не угадать это, сколько бы вы не пытались! Это зрелище было самым удивительным из всех, которые Геркулесу когда-либо доводилось видеть.

Оно было удивительнее гидры с девятью головами, число которых удваивалось после того, как их отрубали, удивительнее шестиногого Гериона, удивительнее Антея и всего, что существовало на земле со времен Геркулеса и до наших дней. Это был гигант!

Но какой гигант! Он был высотой с гору, а облака, подобно седой бороде, висели на его подбородке и проносились перед его глазами, заслоняя и Геркулеса, и золотую чашу, в которой он приплыл. Но удивительнее всего было то, что гигант своими огромными руками, казалось, поддерживал небо, которое, насколько Геркулес мог

рассмотреть сквозь облака, покоилось на его голове. Да, поистине невероятное зрелище!

Между тем золотая чаша продолжала плыть вперед, пока не коснулась берега. Как раз в это время порыв ветра разогнал облака, и Геркулес увидел чудовищно огромное лицо гиганта: глаза величиной с доброе озеро, нос длиной в милю и рот таких же размеров. Это лицо было ужасно велико, но казалось печальным и усталым, как у людей, вынужденных нести непосильную тяжесть. Небо для гиганта было тем же, чем земные горести и заботы для людей. Всякий раз, как люди берутся за какое-либо дело, превышающее их способности, их неизменно постигает участь, которая выпала на долю несчастного гиганта.

Бедный великан, очевидно, стоял здесь уже долгое время, так как на земле вокруг него успел вырасти густой лес: тысячелетние дубы высились между пальцами его ног.

Взглянув вниз и заметив Геркулеса, гигант закричал громовым голосом:

– Кто ты, копошащийся там внизу у моих ног, и откуда ты приплыл в этой крохотной чашечке?

– Я Геркулес, – прогремел в ответ голос нашего героя, ничем не уступавший по силе голосу великана, – и ищу дорогу в сад Гесперид!

– Хо-хо-хо! – рассмеялся гигант. – Это довольно трудное дело!

– И что с того? – воскликнул Геркулес, немного раздосадованный веселостью великана. – Не думаешь ли ты, что я боюсь стоголового дракона?

Пока они разговаривали, вокруг гиганта мало-помалу скопились черные тучи, разразившиеся такой сильной грозой с громом и молнией, что вскоре Геркулес не мог разобрать ни слова.

В непроглядном мраке, окутавшем землю, виднелись только огромные ноги гиганта, и лишь иногда во вспышке молнии вырисовывалась на мгновение вся его чудовищная фигура. По-видимому, он что-то говорил, но его грубый голос нельзя было отличить от раскатов грома. Глупый гигант только понапрасну терял слова – они были понятны не больше, чем рев бури.

Гроза прекратилась так же внезапно, как началась. Снова показалось ясное небо и усталый гигант, что поддерживал его. Солнце ласково освещало его на фоне угрюмых грозовых туч. Голова великана возвышалась над полосой дождя, поэтому его волосы даже ничуть не намокли.

Увидев, что Геркулес все еще стоит на морском берегу, гигант крикнул:

– Я – Атлас, самый могучий исполин во всем мире! Я держу небо на голове!

– Вижу, – отвечал Геркулес. – Не сможешь ли ты показать мне дорогу в сад Гесперид?

– Зачем тебе это? – спросил гигант.

– Я ищу яблони, приносящие золотые плоды, – закричал Геркулес. – Я обещал достать их своему брату, царю.

– Никто, кроме меня, не сможет завладеть золотыми яблоками из сада Гесперид, – сказал гигант. – Если бы не небо, мне бы хватило

нескольких шагов, чтобы принести их тебе.

– Ты очень добр, – отвечал Геркулес, – но разве нельзя возложить небо на гору?

– Ни одна из них не обладает достаточной высотой, – покачивая головой, сказал Атлас. – Впрочем, если ты встанешь на вершине ближайшей к тебе горы, твоя голова придется как раз вровень с моей. Кажется, ты человек довольно сильный: что если ты возьмешь небо на плечи, пока я исполню твое поручение?

Как вы помните, Геркулес был необыкновенно силен. А для того чтобы удержать небо на плечах, требовалась изрядная физическая сила. Если кто-то из смертных и был способен на такой подвиг, то только он. Однако эта задача казалась Геркулесу настолько трудной, что герой первый раз в своей жизни заколебался.

– Небо очень тяжелое? – поинтересовался он после некоторого раздумья.

– Нет, не очень, особенно вначале, – отвечал гигант, пожав плечами. – Но становится несколько обременительным, когда продержишь его тысячу лет!

– А сколько времени понадобится тебе, чтобы достать золотые яблоки? – спросил Геркулес.

– О, всего несколько минут! – воскликнул Атлас. – Я стану делать шаги по десять-пятнадцать миль и вернусь прежде, чем заболят твои плечи.

– Ну, хорошо, – отвечал Геркулес, – я поднимусь на гору и освобожу тебя от бремени.

У героя было доброе сердце и он решился-таки оказать гиганту услугу и отпустить его прогуляться. К тому же ему пришло в голову, что поддержание небесного свода прославит его намного больше, нежели такой заурядный подвиг, как победа над стоглавым драконом. Поэтому он без дальнейших рассуждений позволил Атласу переложить небосвод с его плеч на свои собственные.

Благополучно сдав небо Геркулесу, гигант первым делом потянулся. Можете себе представить, что это было за зрелище!

Потом он осторожно высвободил ноги из разросшегося вокруг них леса, а после внезапно принялся прыгать, скакать и плясать, радуясь своему освобождению. Он подпрыгивал на такую высоту, о какой никто и подумать не мог, и приземлялся так тяжело, что земля гудела и дрожала. Гигант громко ревел и смеялся, и хохот его гулким эхом отдавался в горах, словно они и гигант были расшалившимися братьями. Наконец, когда радость гиганта чуть поутихла, он вошел в море. После первого десятимильного шага вода доходила ему до колен, после второго была несколько выше колен и только после третьего поднялась почти до пояса: а ведь это была наибольшая глубина моря!

Геркулес смотрел вслед гиганту до тех пор, пока можно было различить его массивную фигуру. На расстоянии тридцати с лишним миль полупогруженный в океан Атлас все еще казался таким огромным, что его легко было принять за далекую гору. Наконец, исполин скрылся из виду.

Геркулес невольно задумался над тем, что ему делать, если Атлас утонет или будет растерзан стоглавым драконом, стерегущим золотые яблоки Гесперид. Как он освободится от неба, если с Атласом случится какое-нибудь несчастье? К тому же тяжесть, лежавшая на его голове и плечах, стала довольно ощутимой.

«Мне от души жаль бедного великана, – подумал Геркулес. – Если я устал после десяти минут, воображаю, как он утомился за целую тысячу лет!»

О, мои дорогие маленькие слушатели, вы не имеете никакого понятия о том, как тяжело голубое небо, которое кажется нам таким воздушным и легким! А еще резкий, холодный ветер, влажные, сырые облака, палящее солнце – все это делало положение Геркулеса крайне незавидным. Он уже начал бояться, что гигант вовсе не вернется, и, глядя вниз на землю, думал, что гораздо лучше быть пастухом у подножия горы, чем поддерживать небесный свод, стоя на ее вершине.

В самом деле, нетрудно понять, что ответственность, взятая на себя Геркулесом, была так же велика, как и тяжесть, лежавшая на его голове и плечах. Ведь если бы он не стоял совершенно неподвижно, стараясь удержать небо в равновесии, солнце легко могло расколоться пополам, а звезды сорваться со своих мест и огненным дождем хлынуть на головы людей. Как стыдно было бы ему, если бы из-за его небрежности небо вдруг дало трещину!

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем Геркулес, к своей неопишуемой радости, увидел вдали, на краю горизонта, похожую на огромную тучу фигуру гиганта. Приблизившись, Атлас поднял вверх правую руку, в которой держал ветвь с тремя великолепными золотыми яблоками величиной с тыкву.

– Я очень рад, что ты вернулся! – закричал Геркулес, когда гигант подошел настолько близко, что мог слышать его. – Так ты достал золотые яблоки?

– Разумеется, достал, – отвечал Атлас, – и очень красивые. Будь спокоен, я взял лучшие яблоки из тех, что росли в саду. Право, прекрасное место этот сад Гесперид! И на стоголавого дракона тоже стоило посмотреть. Лучше бы тебе самому отправиться за яблоками.

– Ничего, – произнес Геркулес, – ты приятно провел время и выполнил поручение не хуже меня. Однако мне предстоит долгий путь, и я очень тороплюсь, так как царь, мой брат, с нетерпением ждет золотых яблок. Будь добр, сними с меня небо!

– Ну, что касается этого, – заметил гигант, подбрасывая золотые яблоки вверх миль на двадцать и ловя их, когда они падали вниз, – что касается этого, моя милый, я считаю тебя немного нерасчетливым. Разве не могу я отнести золотые яблоки твоему брату гораздо быстрее тебя? Если он действительно ждет их с таким нетерпением, я обещаю делать самые большие шаги. Дело в том, что у меня нет ни малейшего желания вновь обременять себя небосводом.

Смеркалось. Геркулес нетерпеливо пожал плечами, и от его резкого движения две-три звезды скатились вниз. Люди на земле

испуганно смотрели на небо, думая, что оно сейчас обрушится на их головы.

– О, у меня такого никогда не случилось! – захохотал Атлас. – За последние пять столетий столько звезд не падало. Впрочем, когда ты простоишь столько, сколько я, ты научишься терпению.

– Что?! – взревел Геркулес. – Ты собираешься заставить меня нести это бремя вечно?

– На днях будет видно, – отвечал гигант. – Во всяком случае, ты не должен жалеть, что тебе придется подержать небо какую-нибудь сотню, а может быть и тысячу лет. Я делал это гораздо дольше, несмотря на боль в спине. Кроме того, через тысячу лет я возьму его у тебя обратно. Бесспорно, ты очень сильный человек, и тебе никогда не представится более удобного случая доказать это. Ручаюсь, потомки будут говорить о тебе!

– А вот это меня совсем не заботит! – воскликнул Геркулес и вновь пожал плечами. – А не мог ты всего на одну минуту взять эту тяжесть на свои плечи? Я хочу подложить под небо львиную шкуру, чтобы оно не слишком беспокоило меня в течение тех столетий, которые мне придется здесь простоять.

– Хорошо, я сделаю это, – отвечал гигант. В сущности он не имел ничего против Геркулеса и поступал с ним так вероломно лишь потому, что страстно хотел освободиться. – Я возьму у тебя небо, но не больше, чем на пять минут. Помни: не больше, чем на пять минут! Я вовсе не хочу провести второе тысячелетие так же, как первое. Вся прелесть жизни в разнообразии, теперь я в этом ничуть не сомневаюсь!

О, глупый старый гигант! Он бросил золотые яблоки на землю, принял небо у Геркулеса и переложил на свои плечи, где ему и следовало быть. А Геркулес поднял яблоки и пустился в обратный путь, не обращая внимания на громовой голос гиганта, кричавшего ему вслед, чтобы он вернулся.

Новый лес появился и разросся вокруг Атласа, и могучие тысячелетние дубы снова пробились между пальцами его ног. Гигант

так и стоит там до сих пор, или, вернее, стоит чрезвычайно высокая гора, носящая его имя. И когда над вершиной горы гремит гром, нам несложно представить себе, что это исполин Атлас зовет Геркулеса!

Камин Тэнглвуда. Послесловие

Скажите, кузен Юстес не можете ли вы точно определить, какова была высота гиганта? – спросил Папоротник, который с разинутым ртом сидел у ног рассказчика.

– О, Папоротник, Папоротник! – воскликнул студент. – Неужели ты думаешь, что я был там и измерял его линейкой? Впрочем, если ты хочешь знать доподлинно, он был от трех до пятнадцати миль в высоту, так что смело мог усесться на Таконик, подложив под ноги Моньюмент Маунтин.

– Неужели! – воскликнул Папоротник, вздохнув с видом полного удовлетворения. – Вот это настоящий гигант! А как велик был его мизинец?

– Длинной он был, пожалуй, всего лишь, как от Тэнглвуда до озера, – сказал Юстес.

– Да, настоящий гигант! – повторил Папоротник, в восторге от таких точных данных. – А хотел бы я знать, как широки были плечи Геркулеса?

– Ну, этого я, пожалуй, точно не скажу, – отвечал студент. – Однако полагаю, что они должны быть гораздо шире, нежели мои или твоего отца, или вообще чьи бы то ни было плечи в наше время.

– Скажите мне, пожалуйста, – прошептал Папоротник на ухо Юстесу, – какой толщины были дубы, что росли между пальцами ног

Атласа?

– Они были толще каштанового дерева, что стоит за домом капитана Смита, – сказал студент.

– Юстес, – произнес мистер Прингл после непродолжительного молчания, – боюсь, мое мнение о вашей сказке лишь в малой степени потешит ваше авторское самолюбие. Позвольте мне посоветовать вам никогда не браться за древние мифы, так как ваша фантазия придает готические черты всему, чего коснется. А ведь это равносильно тому, чтобы раскрашивать строгую греческую статую! Возьмем, например, вашего гиганта: как вы решились поместить эту громоздкую фигуру в изящную канву греческой басни? Ведь вследствие своего стремления к гармонии и красоте, греки даже чудовищное и необычное наделяли привлекательными формами.

– Я изобразил гиганта таким, каким он представлялся мне, – возразил студент, несколько задетый отзывом мистера Прингла. – Если вы внимательнее всмотритесь в эти мифы с намерением переделать их, вы увидите, что древние греки имеют на них не больше прав, чем современные янки. В сущности, эти мифы являются достоянием всего человечества. Древние поэты изменяли их по своему желанию, обращались с ними, как скульптор с глиной. Почему я не могу сделать это же?

Мистер Прингл невольно улыбнулся.

– К тому же, если вы вложили теплоту, чувство, страсть или какое-либо нравоучение в классическую форму, – продолжил Юстес, – вы получаете нечто совершенно иное по сравнению с тем, что было раньше. Владея легендами, которые с незапамятных времен принадлежат человечеству, греки и впрямь облекли их в образы дивной красоты, но, по-моему, холодные и бездушные образы... И тем самым они причинили неисчислимый вред всем последующим поколениям.

– И вы были рождены, чтобы исправить его? – расхохотался мистер Прингл. – Хорошо, продолжайте в том же духе, но не

забывайте моего совета и никогда не переносите ваших пародий на бумагу... А не обработать ли вам несколько легенд об Аполлоне?

– По-видимому, вы считаете, что это невозможно, – после минутного молчания проговорил студент. – На первый взгляд мысль об Аполлоне в готическом стиле действительно кажется почти смешной, однако я приму ваше предложение и не сомневаюсь в успехе.

Во время этого спора дети, которые ни словечка из него не поняли, очень захотели спать и стали расходиться по своим комнатам. Их сонный лепет был слышен, пока они поднимались по лестнице, меж тем как северо-западный ветер, носившийся вокруг Тэнглвуда, громко завывал в верхушках деревьев. Юстес Брайт вернулся в свою комнату и снова принялся за стихи, но заснул на первой же рифме.

Чудесный кувшин

Склон холма. Предисловие к «Чудесному кувшину»

А как вы думаете, где и когда мы вновь повстречались с детворой Тэнглвуда? Не зимой, а в веселый майский день, и не у камина или в детской, а на полпути к вершине холма – или горы, как, пожалуй, было бы правильнее его назвать. Они вышли из дома с твердым намерением взобраться на самую вершину холма. Этот холм, правда, был гораздо ниже Чимборазо, Монблана и даже Грэйлока, но, тем не менее, он был значительно выше любого муравейника и кротовины, а когда его измеряли мелкими детскими шажками, казался даже очень значительной горой.

Был ли с ними кузен Юстес? В этом можете не сомневаться, так как в противном случае закончилась бы наша книга. Весенние каникула Брайта сейчас были в самом разгаре, и выглядел он почти так же, как и четыре-пять месяцев назад, когда мы встречались последний раз. Однако, если присмотреться, над его верхней губой можно было заметить легкий намек на пробивающиеся усики. За исключением этого доказательства мужественности, Юстес остался все тем же мальчишкой.

Он по-прежнему отличался веселостью, шаловливостью и легкомыслием, благодаря которым заслужил любовь маленьких обитателей Тэнглвуда. Прогулка на вершину холма, разумеется, была его идеей. Подъем был довольно крутой, и юноша подбодрял детей веселыми криками, а когда Одуванчик, Маргаритка и Резеда уставали, попеременно нес их на спине. Пройдя через сады и пастбища в нижней части холма, они достигли леса, который тянулся до самой вершины.

В этом году май был теплее, чем обыкновенно, а день для прогулки выдался такой хороший, что лучшего нельзя было и желать. Во время восхождения на холм дети насобирали множество фиалок

– голубых, белых и даже золотых, словно их коснулась рука Мидаса. Маленькая хоустония – самый общительный из всех цветов – прямо-таки поражала своим изобилием. Этот цветок никогда не растет одиноко, он всегда окружен друзьями и родственниками. Иногда можно видеть целое семейство на пространстве, едва превышающем ладонь, а иногда они покрывают белыми лепестками целые пастбища, так как им весело жить вместе. Внутри леса попадались аквилегии – скорее, бледные, чем алые, так как из-за застенчивости они привыкли прятаться от солнца, – дикая герань и белая клубника. Толокнянка еще не отцвела, но с заботливостью наседки, прячущей цыплят, она скрывала свои лепестки под прошлогодней листвой, так как знала, что они красивы и сладко пахнут. Она делала это так искусно, что детям неоднократно случалось вдыхать ее нежный аромат прежде, чем они могли догадаться, откуда он исходит.

Среди этого буйства молодой просыпающейся жизни странно и как-то жалко выглядели кое-где на полях и лугах седые парики готовых рассыпать семена одуванчиков. Они простились с летом прежде, чем оно наступило. Для маленьких воздушных семян уже настала осень. Но довольно: хватит тратить время на описание весеннего наряда диких цветов, у нас есть более интересный предмет для разговора. Взгляните сюда, и вы увидите толпу детей, собравшихся вокруг Юстеса Брайта, который уже уселся на пень с намерением начать рассказ. Дело в том, что младшие дети, наконец, убедились, что измерить высоту холма мелкими шажками невозможно, поэтому кузен Юстес решил оставить Папоротник, Маргаритку, Резеду и Одуванчика на половине пути, пока остальные не вернутся с вершины. Дети стали плакать и заявили, что не хотят оставаться одни, тогда Юстес дал им

по несколько яблок и обещал рассказать занимательную историю. После этого лица у них прояснились, а на губах появились довольные улыбки.

Что касается рассказа, то я слушал его, спрятавшись в кусты, и от слова до слова передаю вам на следующих страницах.

Чудесный кувшин

Однажды много лет назад, в один прекрасный летний вечер старый Филемон и его жена Бавкида сидели у дверей своего дома, любуясь чудесным закатом. Они только что поужинали и теперь собирались посидеть часок-другой на свежем воздухе, прежде чем отправиться спать. Оба мирно беседовали о своем саде, о корове, о пчелах, о виноградной лозе, которая карабкалась по стене хижины и уже была усыпана сочными, пурпурными гроздьями. Вдруг где-то в деревне, постепенно приближаясь, раздались неистовые крики детей и свирепый лай собак, настолько громкий, что Филемон и Бавкида почти перестали слышать друг друга.

– Я боюсь, жена, – воскликнул Филемон, – что какой-нибудь бедняк ищет пристанища у наших соседей, а они, вместо того чтобы накормить и приютить путника, по своему обыкновению спустили на него собак.

– Увы, – отвечала Бавкида, – и я хотела бы, чтобы наши соседи с большей добротой относились к своим ближним. Они испортили

своих детей, глядя их по головке, когда те бросали камни в прохожих!

– Из этих детей никогда не выйдет ничего хорошего, – произнес Филемон, покачивая седой головой. – По правде говоря, не удивлюсь, если на деревню обрушится какое-нибудь ужасное бедствие за то, что никто из поселян не хочет изменять свои дурные привычки. Что же касается нас обоих, то пока Провидение посылает нам кусок хлеба, мы должны разделить его со всяким бедным и бездомным странником, если он в нем нуждается.

– Верно, верно! – подтвердила Бавкида. – Так и будем поступать!

Я забыл сказать, что два этих старика были очень бедны и должны были много работать, чтобы добыть себе скудное пропитание. Старый Филемон с утра до вечера копался в саду, а Бавкида почти все время или сидела за прялкой, или готовила масло и сыр, или прибирала в хижине. Пищу их составляли хлеб, молоко и овощи, изредка немного меда и винограда, однако эти добрые люди, скорее, вовсе отказались бы от своего скудного обеда, нежели прогнали усталого путника, остановившегося у их двери.

Убогое жилище Филемона и Бавкиды стояло на небольшом холме, неподалеку от деревни, что располагалась в долине, имевшей около полумили в ширину. В незапамятные времена эта долина являлась дном озера. Когда-то в его неизмеримых глубинах весело играли и резвились рыбы, вдоль берега росли камыши, а холмы и деревья любовались своим отражением в прозрачном зеркале воды.

Когда озеро высохло, люди построили на этом месте дома и стали возделывать землю, так что вскоре от озера не осталось никаких следов, кроме крошечного ручейка, который протекал посреди деревни и снабжал ее водой. Озеро высохло так давно, что могучие дубы успели вырасти, состариться и засохнуть, уступив место другим, столь же высоким и величественным. Не было долины красивее и плодороднее этой. Один вид такого изобилия, казалось, должен был сделать ее жителей добрыми и ласковыми, готовыми на всякое благодеяние для своих ближних.

Однако обитатели долины были недостойны жить в этом милом месте, над которым так ласково улыбалось небо. Это были очень эгоистичные и черствые люди, у которых не было ни капли жалости к бедным и сочувствия к бездомным. Они только смеялись, когда кто-нибудь говорил, что люди должны любить друг друга, так как у них нет другого способа отдать долг Провидению за его непрестанную заботу о нас. Вы, пожалуй, не поверите тому, что я сейчас буду рассказывать. Эти дурные люди учили своих детей подражать им и одобрительно хлопали в ладоши, наблюдая, как толпа малышей с криком бежит за каким-нибудь прохожим, забрасывая его камнями. Кроме того, они держали огромных злых собак, и всякий раз, когда путник показывался на улице, целая свора свирепых псов, оскалив зубы, бросалась ему навстречу с громким лаем, так и норовя схватить за ногу или за платье. Даже если прохожему и удавалось избежать участи быть разорванным в клочья, после встречи с собачьей сворой он являл собой довольно жалкое зрелище. Все это, разумеется, очень пугало путников, особенно если они были больными, старыми или увечными. Всякий, кто хоть однажды испытал на собственном опыте, как злы эти дурные люди, их дети и собаки, предпочитал сделать большой крюк, нежели еще раз пройти через деревню.

Но когда через эти места доводилось проезжать богачам в колесницах или верхом на красивых лошадях в сопровождении слуг в роскошных ливреях, жители деревни резко преображались, становясь исключительно вежливыми и покорными. Они почтительно снимали шапки и отвешивали низжайшие поклоны. Если дети бывали грубы с заезжими гостями, их сейчас же драли за уши, а если какая-нибудь собака осмеливалась залаять или только тявкнуть, хозяин немедленно наказывал ее палкой и сажал на цепь без ужина. Все это было бы хорошо, если бы не доказывало, что поселяне заботились только о деньгах, а не о человеческой душе, равно присущей и царю, и нищему.

Поэтому вполне понятно, что старый Филемон опечалился, услышав на другом конце деревни крики детей и лай собак. Скоро вся долина наполнилась шумом, гулом и воплями.

– Я никогда не слышал, чтобы собаки так громко лаяли! – заметил добрый старик.

– Или чтобы дети так злобно кричали! – добавила его жена.

Пока они сидели и разговаривали, покачивая головами, шум значительно усилился, и вскоре они увидели двух путников, взбирающихся на холм, где стоял их дом. За ними гнались свирепые собаки, так и норовя укусить за ноги. Чуть дальше, пронзительно крича, бежала толпа детей, бросая камни в незнакомцев. Пару раз младший из путников (очень гибкий и подвижный на вид) останавливался и оборачивался, пытаясь отогнать собак палкой. Его товарищ, мужчина очень высокого роста, спокойно шел впереди, не обращая внимания ни на детей, ни на собак, старавшихся подражать детям.

Оба путника были очень бедно одеты, должно быть, у них не было денег, чтобы заплатить за ночлег. Боюсь, что именно это было причиной, по которой поселяне позволили своим детям и собакам так грубо обращаться с ними.

– Знаешь что, жена, – произнес Филемон, обращаясь к Бавкиде, – я пойду и встречу этих бедняков. По-видимому, они не решаются взобраться на холм.

– Хорошо, – отвечала Бавкида, – а я пока пойду посмотрю, не найдется ли у нас чего-нибудь к ужину. Кусок хлеба с молоком, несомненно, подкрепил бы их силы.

С этими словами она поспешила в хижину, между тем как Филемон пошел навстречу прохожим и так гостеприимно протянул к ним руки, что в словах уже не было нужды. Однако он все же проговорил от всего сердца:

– Добро пожаловать, дорогие гости, добро пожаловать!

– Спасибо! – с улыбкой ответил младший путник. – Это совсем не тот прием, что нам оказали в деревне. Скажи, пожалуйста, зачем ты

живешь в таком дурном обществе?

– Быть может, Провидение поселило меня здесь, для того чтобы я, насколько это возможно, заглаживал негостеприимство своих соседей, – заметил старый Филемон с ласковой и спокойной улыбкой.

– Хорошо сказано! – смеясь, воскликнул юноша. – Откровенно говоря, мы с товарищем совсем не против этого. Эти маленькие негодники забросали нас грязью, а одна из собак разорвала мой плащ, и без того уже порядком потрепанный. Но я ловко хватил ее палкой по морде: слышишь, она визжит до сих пор!

Филемон был рад видеть гостя в таком веселом расположении духа. В самом деле, глядя на незнакомца, никто бы не подумал, что он утомлен длинным переходом или обескуражен дурным приемом в деревне. На голове юноши была довольно странного вида шапочка, поля которой чем-то напоминали крылышки. Несмотря на теплый летний вечер, он был тщательно закутан в плащ, быть может для того, чтобы скрыть изношенное нижнее платье. Филемон

обратил внимание и на его не совсем обыкновенные башмаки (впрочем, он не мог точно определить, что в них особенного, так как начало смеркаться). Одно только было весьма удивительно – необычайная легкость и подвижность незнакомца. Порой казалось, будто его ноги сами собой отрываются от земли и ему стоит больших усилий не взмыть в воздух.

– В молодости я был очень легок на ногу, – сказал Филемон юноше, – но все же порядком уставал к вечеру.

– Ничто так не поможет в пути, как хороший посох, – заметил незнакомец, – а я, как видишь, обзавелся им.

Это был самый странный посох из тех, что когда-либо видел Филемон: он был сделан из оливкового дерева, а наверху его украшали крошечные крылышки. Вокруг посоха обвивались две вырезанные из дерева змеи, которые были сработаны так искусно, что старый Филемон (глаза которого, как вы знаете, видели довольно плохо) готов был принять их за живые, поскольку ему неоднократно казалось, что они шевелятся.

– Вот поистине чудесная работа! – произнес Филемон. – Посох с крылышками! Он мог бы послужить лошадкой какому-нибудь маленькому мальчику!

Тем временем Филемон и его гости подошли к дверям дома.

– Друзья, – радушно произнес старик, – присядьте на скамью и отдохните. Моя жена, Бавкида, пошла собрать что-нибудь к ужину. Правда, мы бедные люди, но охотно поделимся с вами всем, что у нас есть.

Младший из путников небрежно опустил на скамью и, словно нечаянно, выронил посох. И тут произошло нечто необыкновенное и в то же время забавное. Посох сам собой поднялся с земли и, распустив крылышки, не то подпрыгнул, не то вспорхнул, после чего преспокойно прислонился к стене хижины и замер, хотя змеи все еще продолжали шевелиться. Должно быть, зрение старого Филемона и на этот раз сыграло с ним злую шутку.

Но прежде чем он открыл рот, чтобы задать вопрос, другой незнакомец отвлек его внимание от удивительного посоха.

– Не было ли в прежние времена озера на том месте, где теперь стоит деревня? – спросил он на удивление сильным голосом.

– Насколько я помню, нет, – отвечал Филемон. – А я уже стар, как видишь. Эти поля и луга, высокие деревья, ручеек, протекающий через долину, существуют давно и, вероятно, будут существовать и когда старый Филемон умрет и память о нем изгладится.

– Ну, в этом нельзя быть уверенным, – сурово проговорил незнакомец, покачав головой. – Жители деревни совершенно забыли о любви и доброжелательности к людям, а потому было бы лучше, если бы озеро снова залило их хижины!

При этом лицо гостя стало таким строгим, что Филемон немного испугался, а когда незнакомец нахмурился и покачал головой, в небе сгустились сумерки и раздался раскат грома. Впрочем, уже через минуту лицо его вновь стало кротким и ласковым, и старик совершенно забыл о страхе. Однако ему невольно пришла в голову мысль, что этот прохожий не совсем простой человек, хоть и очень скромно одет и путешествует пешком. Конечно, Филемон не думал, что к нему заглянул царь, скорее, он мог предположить, что имеет дело с мудрецом, который странствует по белу свету в бедной одежде, презирает мирскую суету и богатство и ищет одной только мудрости. Во всяком случае, когда Филемон стал внимательнее всматриваться в лицо незнакомца, он разглядел в одном его взгляде гораздо больше мыслей, чем он передумал за всю свою жизнь.

Пока Бавкида готовила ужин, путники дружелюбно беседовали с Филемоном. Младший из них оказался чрезвычайно разговорчивым и то и дело вставлял такие меткие и остроумные замечания, что добрый старик не мог удержаться от смеха и наконец заявил, что считает его самым веселым человеком из тех, кого когда-либо видел.

– Кстати, мой молодой друг, – сказал он, – как твое имя?

– Я очень подвижный, как видишь, – отвечал юноша, – а потому мне подходит имя Ртуть.

– Ртуть? Ртуть? – повторил Филемон, стараясь увидеть лицо незнакомца, чтобы понять, не подшучивает ли он над ним. – Вот странное имя! А как зовут твоего товарища? Так же причудливо?

– Спроси об этом у грома! – таинственно ответил Ртуть. – Лишь его голос достаточно громкий, чтоб произнести это имя!

Это замечание, в шутку оно было сказано или всерьез, заставило бы Филемона проникнуться чрезвычайным почтением к старшему путнику, если бы, пристальнее взглядевшись, он не уловил в его лице необыкновенной приветливости и доброты. Это был самый замечательный человек из всех, кто когда-либо отдыхал у дверей его хижины. Когда незнакомец говорил, его слова звучали необыкновенно умно и веско, так что Филемон испытывал почти непреодолимое желание рассказать ему все, что накопилось на сердце. Это чувство люди постоянно испытывают при встрече с мудрецами, способными понять все доброе и злое в человеке и внимательно отнестись к этому.

У простого и незлобивого старика Филемона не было почти никаких тайн. Он очень подробно рассказал гостям всю свою жизнь, в течение которой ему никогда не приходилось удаляться от родной деревни дальше, чем на двадцать миль. Они с Бавкидой с самой юности жили в этом доме, честным трудом добывая себе пропитание, иногда терпя нужду и лишения, но не жалуясь на судьбу. Филемон рассказал, какое превосходное масло готовит Бавкида и какие чудные овощи растут в их саду. А под конец он признался, что они очень любят друг друга и желают только одного – чтобы смерть не могла разлучить их и чтобы они умерли, как и жили, вместе.

При этих словах на лице незнакомца появилась улыбка, и оно стало настолько ласковым, насколько величественным было прежде.

– Ты и твоя жена, – заметил он, обращаясь к Филемону, – добрые люди, а потому твое желание будет исполнено.

И Филемону на мгновение показалось, будто в небесах засиял яркий свет, от которого вспыхнули облака, теснившиеся около

заходящего солнца.

Накрыв на стол, Бавкида вышла к гостям и стала извиняться за скудный ужин.

– Если бы мы знали, что вы придете, – сказала она, – мы с мужем предпочли бы поголодать немного, лишь бы угостить вас лучшим ужином. А то большую часть молока, что сегодня надоила, я истратила на приготовление сыра, а наш последний каравай хлеба наполовину съеден. Вот горе-то! Я никогда не жалею на свою бедность, за исключением тех случаев, когда голодный и усталый путник стучится к нам в дверь.

– Ничего, не печалься понапрасну, добрая женщина, – ласково отвечал старший странник. – Искренний радушный прием делает чудеса и превращает самую невкусную еду в нектар и амброзию.

– Радушие-то вы получите, – воскликнула Бавкида, – а еще кисть винограда и немного меду, который у нас случайно остался.

– Добрая Бавкида, да ведь это просто праздник! – засмеялся Ртуть. – Настоящий праздник! Вот увидишь, как живо мы все это уничтожим! Мне кажется, я никогда еще не был так голоден.

– Горе нам! – прошептала Бавкида на ухо Филемону. – Если у этого юноши действительно такой аппетит, как он рассказывает, боюсь, нашего скромного ужина и на двоих не хватит!

Все четверо вошли в хижину.

А теперь, мои маленькие слушатели, я должен рассказать вам нечто такое, отчего вы откроете рты от удивления. Вы, конечно, помните, что посох Ртути стоял у стены дома. Когда его хозяин вошел внутрь, посох тотчас распустил крылышки и, подпрыгивая и порхая, стал подниматься по ступенькам в хижину.

– Топ, топ, – стучал он по полу кухни, но не остановился там, а важно и степенно прошел дальше и встал рядом со стулом Ртути. Однако и Филемон, и Бавкида были так заняты своими гостями, что не заметили его перемещений.

Как и предупредила Бавкида, ужин для двух голодных путников оказался довольно скудным. Посреди стола лежал начатый каравай

черного хлеба, кусок сыра и немного сотового меда, кроме этого был виноград и небольшой глиняный кувшин с молоком. Молока было очень немного, и когда Бавкида налила две чашки гостям, на дне кувшина осталась самая малость. Нет ничего печальнее, когда радушный и щедрый человек находится в стесненных обстоятельствах! Бедная Бавкида с удовольствием согласилась бы голодать всю неделю, лишь бы только накормить своих гостей более сытным ужином.

И так как кушаний было слишком мало, она невольно подумала, что лучше бы гости оказались не слишком голодны. Однако ее желанию не суждено было сбыться: едва усевшись за стол, оба гостя залпом осушили свои чашки.

– Нельзя ли еще немного молока, добрая женщина? – сказал Ртуть. – День был жаркий, и мне страшно хочется пить.

– Дорогие мои! – сильно смутившись, воскликнула Бавкида. – Мне так стыдно, но в кувшине осталась разве только капля молока. О, Филемон, Филемон, зачем мы сегодня поужинали!

– Это мы сейчас увидим! – воскликнул Ртуть, вскакивая и хватаясь за кувшин. – Я уверен, что дела вовсе не так уж плохи, как кажется. В кувшине еще есть молоко.

С этими словами, к великому изумлению Бавкиды, которая считала кувшин пустым, юноша наполнил не только свою чашку, но и чашку своего товарища. Добрая женщина отказывалась верить своим глазам: она ясно помнила, что вылила из кувшина почти всё, потому что, когда она ставила его на стол, молока оставалось на донышке.

«Хотя я ведь стара и забывчива, – подумала Бавкида, – и, верно, ошиблась. Теперь-то кувшин точно пуст – обе чашки налиты до краев».

– Что за чудное молоко! – заметил Ртуть, осушив вторую чашку. – Извини, добрая Бавкида, но я попрошу у тебя еще немного.

Бавкида совершенно ясно видела, что Ртуть, наливая себе вторую чашку, опрокинул кувшин вверх дном и, стало быть, вылил из него все молоко до последней капли. Там ничего не могло остаться.

Однако желая убедиться в этом, она взяла кувшин и наклонила его над чашкой Ртути, не предполагая, что оттуда что-то потечет. Каково же было ее изумление, когда из кувшина хлынул поток молока и залил весь стол! Змеи, обвивавшиеся вокруг посоха Ртути, вытянули головы и принялись слизывать пролитую жидкость (правда, Филемон и Бавкида этого не заметили).

А как чудесно пахло это молоко!!! Вероятно, в этот день единственная корова Филемона паслась на самой сочной траве, которую только можно было представить. Я уверен, что и каждый из вас, мои маленькие слушатели, ничего бы так не желал, как чашку этого превосходного молока на ужин!

– Ну а теперь, добрая Бавкида, примемся за ваш хлеб и мед, – произнес Ртуть.

Бавкида поспешила отрезать гостю ломоть хлеба. Женщина отлично помнила, что, когда они с мужем ужинали, хлеб был черствым, а теперь он был настолько мягким, словно его только что вынули из печи. Проглотив случайно упавший на стол кусочек, женщина нашла его несравненно вкуснее, чем раньше, и с трудом могла поверить, что этот хлеб испекла она. Но откуда же он здесь взялся?

А мед! Не буду долго описывать его, скажу только, что цвет его напоминал чистейшее золото, а запах – благоухание тысячи цветов, но не тех цветов, которые растут в наших садах, а других, за которыми пчелам пришлось подняться выше облаков. Странно, что, побывав в таком дивном цветнике, они вернулись в своей улей в саду Филемона. Такого чудного меда никто никогда не видел и не пробовал. Его восхитительный аромат наполнил всю хижину и, казалось, преобразил ее так, что, закрыв глаза, легко можно было забыть о низком потолке и закоптелых стенах и вообразить себя в увитой жимолостью беседке.

Хотя Бавкида и была простой женщиной, она не могла не заметить, что вокруг нее творится что-то не совсем обыкновенное. Поэтому, предложив гостям хлеб, молоко и виноград, она подседа к Филемону и шепотом поделилась с ним своими предположениями.

– Слыхал ли ты о чем-либо подобном? – спросила она, закончив рассказывать.

– Нет, не слыхал, – с улыбкой отвечал Филемон, – но я думаю, жена, что ты немного вздремнула. Если бы молоко наливал я, я бы сразу сообразил что к чему. Просто в кувшине было больше молока, чем ты думала, вот и все.

– Ах, Филемон! – воскликнула Бавкида. – Думай, что хочешь, но это необыкновенные люди.

– Хорошо, хорошо, – согласился Филемон, продолжая улыбаться, – пусть так. Несомненно, наши гости помнят лучшие времена, и я очень рад, что они так весело ужинают.

Как раз в это время гости принялись за виноград. Бавкида протерла глаза, чтобы лучше видеть, и сразу заметила, что гроздья сделались больше и каждая ягода стала настолько спелой и сочной, что готова была вот-вот лопнуть.

Однако женщина никак не могла понять, каким образом столь дивный виноград мог появиться на ее старой, захиревшей лозе, что карабкалась по стене хижины.

– Удивительно вкусный виноград! – заметил Ртуть, глотая одну ягоду за другой, причем число ягод на грозди не убывало. – Скажи-ка, пожалуйста, Филемон, где ты достал его?

– С виноградной лозы, что вьется за окном, – отвечал Филемон. – Впрочем, ни я, ни жена никогда не считали наш виноград особенно вкусным.

– Я никогда не ел лучшего, – сказал гость. – Еще чашку превосходного молока, если можно, и довольно: я сегодня поужинал лучше любого царя.

Старый Филемон поспешно встал и взялся за кувшин: ему было чрезвычайно интересно узнать, правда ли все то, о чем рассказывала Бавкида. Он знал, что его добрая жена не умеет лгать и редко ошибается в том, что видит собственными глазами, но это был такой исключительный случай, что он решил убедиться во всем лично. Взяв кувшин, Филемон украдкой заглянул в него и увидел, что там почти ничего не осталось. Вдруг кувшин сам собой до краев

наполнился пенистым, ароматным молоком. Хорошо еще, что старик не выпустил его из рук от изумления.

– Кто вы, творящие чудеса незнакомцы? – воскликнул он, ошеломленный не менее Бавкиды.

– Твои друзья и гости, мой добрый Филемон, – отвечал старший странник голосом, одновременно внушавшим доверие и страх. – Налей и мне чашку, и пусть этот кувшин никогда не будет пустым ни для тебя и доброй Бавкиды, ни для усталого, голодного странника!

Пужинав, незнакомцы попросили указать им место для отдыха. Старики, обрадованные и удивленные превращением своего убогого скудного ужина в обильный и роскошный, охотно побеседовали бы с ними о чудесах, свидетелями которых стали, но старший странник внушал им такое почтение, что они не решились задать ему какие бы то ни было вопросы. Однако Филемон все-таки отвел Ртуть в сторону и попросил объяснить, каким образом в старом глиняном кувшине мог оказаться неиссякаемый источник молока. Вместо ответа Ртуть указал на свой посох.

– В нем вся тайна, – произнес он, смеясь, – и если бы ты мог разгадать ее, я был бы тебе очень благодарен. Я сам не знаю, что мне делать с моим посохом, он постоянно выкидывает удивительные штуки, вроде этой: то достанет мне ужин, то, наоборот, лишит меня его. Если бы я верил в такую ерунду, я бы сказал, что он заколдован!

Ртуть ничего более не прибавил, но так хитро посмотрел на Филемона, что тот невольно подумал, не смеются ли над ним. Волшебный посох, подпрыгивая, следовал по пятам за Ртутью, когда он покидал комнату.

Оставшись наедине, старики поговорили немного о случившемся и легли спать на полу, так как уступили свою спальню гостям. Ложем для них служили простые доски, и я хотел бы, чтобы они были такими же мягкими, как и их сердца.

На другой день старики встали рано утром, почти одновременно с незнакомцами, которые поднялись с восходом солнца и готовились вновь пуститься в путь. Филемон радушно упрашивал их подождать

еще немного, пока Бавкида подоит корову и приготовит завтрак. Но гости решили пройти большую часть пути еще до наступления дневной жары, а потому очень торопились. Впрочем, они просили Филемона и Бавкиду немного проводить их и показать дорогу.

Все четверо, весело беседуя, вышли из хижины. Между стариками и старшим странником установились такие дружеские отношения, что, казалось, будто их добрые простые сердца растворялись в его сердце, словно две капли воды в бескрайнем океане. А Ртуть с его острым, живым и насмешливым умом способен был подметить всякую мысль, какая появлялась в их головах, даже прежде, чем они успевали высказать ее вслух. Порой нашим старичкам искренно хотелось, чтоб юноша был менее пронизательным и чтоб он бросил свой чудесный посох с извивающимися змеями. А иногда Ртуть казался им таким милым и веселым, что они с радостью навсегда оставили бы его в своем доме вместе с посохом и змеями.

– Да! – воскликнул Филемон, когда они прошли уже порядочное расстояние. – Если бы наши соседи хоть раз испытали, как приятно оказать кому-нибудь гостеприимство, они, вероятно, посадили бы всех своих собак на цепь и запретили детям бросать камни в прохожих!

– Грешно и стыдно так поступать! – с жаром подтвердила Бавкида. – Я сегодня же скажу им, что они дурные люди!

– Боюсь, – хитро улыбаясь, заметил Ртуть, – что никого из них нельзя будет застать дома.

В эту минуту лицо его товарища стало таким суровым, холодным и в то же время величественным, что ни Филемон, ни Бавкида не смели произнести ни слова и только благоговейно смотрели на него, как если бы перед ними было разверстое небо.

– Если люди не чувствуют братской любви и сострадания к беднякам, – произнес незнакомец глубоким голосом, напоминающим звуки органа, – они недостойны жить на земле, которая создана для того, чтоб быть колыбелью всего человечества!

– Кстати, друзья мои, – воскликнул Ртуть с лукавым блеском в глазах, – где же деревня, о которой вы говорите? В какой стороне от нас она находится? Что-то я ее не вижу!

Филемон и Бавкида повернулись на запад, по направлению к долине, где они еще вчера видели луга, дома, сады, деревья и широкую, поросшую зеленой травой улицу, на которой играли дети. К долине, в которой все свидетельствовало о делах, удовольствиях и благосостоянии жителей. Но каково же было их изумление, когда там не оказалось и следа деревни! Даже долина, в ложбине которой лежала деревня, исчезла, а вместо нее появилось голубое озеро, отражавшее окрестные холмы в прозрачном зеркале своих вод, таких спокойных, что невольно казалось, будто озеро существует здесь со дня сотворения мира.

Впрочем, озеро недолго оставалось невозмутимым. Вскоре поднялся легкий ветерок, гладь покрылась рябью и вода заискрилась на солнце.

Озеро казалось до того странно знакомым, что старая чета пребывала в сильном недоумении. Они уже готовы были согласиться, что долина и деревня приснились им во сне, но через минуту они вспомнили дома, лица и характеры жителей слишком отчетливо, чтобы это было сном.

Разумеется, деревня была там вчера, а сегодня исчезла!

– Что же стало с нашими бедными соседями? – в один голос воскликнули Филемон и Бавкида.

– Как люди, они более не существуют, – произнес старший странник мощным голосом, которому, казалось, вторили вдали раскаты грома. – В их жизни не было ни пользы, ни красоты: они никогда не пытались смягчить тяготы смертных проявлением доброты и человечности. Они никогда не мечтали о лучшей жизни. А потому озеро, которое некогда было здесь, вернулось и теперь в его глади будет отражаться небо.

– Что касается этих глупых людей, – заметил Ртуть с насмешливой улыбкой, – то они все превращены в рыб. Это потребовало немного

труда и времени, так как они и без того уже были чешуйчатым сборищем негодяев и самыми жестокими и холодными существами в мире. Если тебе или твоему мужу, Бавкида, захочется когда-нибудь поесть жареной форели, достаточно будет закинуть удочку, чтобы вытащить с пол дюжины ваших соседей.

– О, нет! – содрогаясь, воскликнула Бавкида, – Я ни за что на свете не согласилась бы положить кого-либо из них на сковороду!

– Да, – морщась, подтвердил Филемон, – думаю, мы не смогли бы получить удовольствие от подобной трапезы.

– А вы, Филемон и Бавкида, – продолжал старший странник, – несмотря на свои крайне скудные средства, выказали столько радушия и гостеприимства к двум бесприютным странникам, что молоко превратилось в нектар, а хлеб и мед – в амброзию. За вашим столом богам были поданы те же кушанья, к которым они привыкли у себя на Олимпе. Вы хорошо поступили, друзья мои, а потому скажите, чего вы более всего хотите, и ваше желание будет исполнено.

– Позволь нам до самой смерти жить вместе и одновременно покинуть мир, так как мы горячо любили и любим друг друга!

– Да будет так! – великодушно произнес незнакомец. – А теперь взгляните на ваш дом!

Старики обернулись, и каково же было их изумление, когда на том месте, где еще недавно стояло их скромное жилище, они увидели высокое роскошное здание из белого мрамора!

– Вот ваш дом! – ласково улыбаясь, сказал странник. – Будьте в этом дворце столь же гостеприимны, как в бедной лачуге, где вы так радушно встретили нас вчера вечером.

Филемон и Бавкида упали на колени, чтобы поблагодарить путника, но когда они подняли головы, ни его, ни Ртути уже не было.

Итак, старики поселились в мраморном дворце, где очень весело и счастливо проводили время, стараясь делать добро всякому, кто проходил мимо. Глиняный кувшин сохранил свое чудесное свойство и был полон всякий раз, как это оказывалось нужным. Если из него

пил честный, добрый и великодушный человек, он неизменно находил молоко очень вкусным и сытным, если же кувшин попадал в руки злого и бессердечного скупца, последний с вытянутым лицом заявлял, что молоко скисло.

Филемон и Бавкида жили в своем дворце очень долго, пока совсем не состарились. Наконец, в одно летнее утро они не вышли, как обычно, с ласковой улыбкой к гостям, чтобы позвать их к завтраку. Гости тщетно искали их по закоулкам обширного дворца, пока не увидели у входа два больших дерева, которых никто не замечал раньше, хотя их корни глубоко ушли в землю, а пышная листва осеняла фасад здания. Одно из деревьев было дубом, второе – липой. Их ветви переплелись так, что казалось, будто деревья обнимают друг друга и одно покоится у другого на груди.

Пока гости недоумевали, каким образом эти деревья могли сделаться такими высокими и раскидистыми в одну ночь, поднялся легкий ветерок, привел ветви в движение, и все отчетливо услышали шепот листьев таинственных деревьев.

– Я старый Филемон! – шептал дуб.

– Я старая Бавкида! – вторила липа.

Ветерок усилился, и оба дерева зашептали одновременно: «Филемон! Бавкида! Бавкида! Филемон!», будто они составляли единое целое и будто сердце у них было одно на двоих. Старая чета возродилась к новой долгой и счастливой жизни. Филемон стал дубом, а Бавкида липой. И какой гостеприимной была их тень! Когда усталый путник приближался к деревьям, он слышал тихий шепот листьев, в котором с немалым удивлением различал ласковое приветствие:

– Добро пожаловать, дорогой странник, добро пожаловать!

Добрые люди, которые знали, чем можно угодить Филемону и Бавкиде, поставили в тени деревьев круглую скамейку. Голодные и усталые путники любили отдохнуть здесь, а заодно вволю напиться молока из чудесного кувшина.

Как бы хотел я, чтобы и у нас был такой кувшин!

Склон холма. Послесловие

Насколько велик был кувшин? – спросил Папоротник.

– Он вмещал в себя почти две бутылки, – отвечал студент, – но, при желании, молоком из него можно было наполнить целую бочку. Оно продолжало бы литься и литься и не высохло бы даже в середине лета, чего нельзя сказать о ручейке, который сбегает по склону холма.

– А что случилось с кувшином потом? – продолжал допытываться мальчик.

– К сожалению, он разбился около двадцати пяти тысяч лет назад, – ответил Юстес. – Правда, его собрали, как умели, так что в нем можно держать молоко, но он утратил свое чудесное свойство и теперь ничем не лучше всякого другого кувшина.

– Какая жалость! – воскликнули дети хором.

На этот раз кроме старого Бена компанию сопровождал молодой щенок ньюфаундленда по кличке

Мишка, названный так за черный цвет шерсти. Бен уже не раз доказывал, что на него можно полностью положиться, а потому Брайт велел ему остаться с четырьмя детьми и охранять их. Щенка Мишку студент решил взять с собой, так как боялся, что, играя с детьми, он может сбить их с ног, и, того гляди, они кубарем скатятся

с холма. Велев Маргаритке, Папоротнику, Одуванчику и Резеде смирно сидеть там, где их оставили, студент с Мальвой и старшими детьми стал подниматься по склону и вскоре скрылся за деревьями.

Химера

Обнаженная вершина. Предисловие к «Химере»

Итак Юстес Брайт и его спутники медленно взбирались по крутому склону холма. Еще далеко не все деревья были покрыты листвой, но почки под живительными лучами солнца уже достаточно распустились, чтобы создавать легкую тень.

На каждом шагу попадались то полускрытые под почерневшими прошлогодними листьями мшистые камни, то пни и гнилые стволы деревьев, то поломанные зимними бурями ветви и сучья. Но несмотря на это, весь лес был полон жизни: всюду, куда бы вы ни взглянули, пробивались свежие зеленые побеги, свидетельствующие о близости лета.

Наконец наша компания вышла из леса и очутилась почти на вершине холма, который заканчивался не пиком, не шарообразным возвышением, а довольно широким плато, посреди которого стоял дом, а в некотором отдалении – гумно. Дом принадлежал какому-то одинокому семейству, и зачастую снежные и дождевые облака опускались ниже этого угрюмого, уединенного жилища.

На самой вершине холма среди груды камней был установлен длинный шест, на котором развевался небольшой флаг. Юстес привел детей сюда, чтобы показать им, какое большое пространство можно охватить одним взглядом, и теперь малыши таращили глаза от удовольствия и удивления.

На юге виднелся Моньюмент Маунтен, он казался осевшим и уменьшившимся настолько, что почти ничем не отличался от остальных гор. Зато горная цепь Таконика казалась выше и больше. Маленькое озеро со всеми бухточками и извивами было видно, как на ладони. Кроме него на солнце сверкали голубые глаза еще двух-трех озер. В отдалении тянулись деревни с белыми колокольнями, виднелись фермы и леса, луга, пастбища и пашни. Дети с трудом могли запечатлеть в своем уме все подробности развертывающейся перед ними картины. Они отыскивали Тэнглвуд, который до сих пор

казался им необычайно значительным местом на земном шаре. Однако он занимал такое крошечное пространство, что, прежде чем найти его, они долго всматривались вдаль.

Белые перистые облака висели в воздухе и кое-где отбрасывали на пейзаж темные тени, которые время от времени шевелились.

Вдали на западе виднелась голубая цепь Катскильских гор. Между их туманными вершинами, по словам Юстеса, была площадка, на которой несколько старых голландцев вечно играли в кегли, а один старый лентяй по имени Рип ван Винкль проспал двадцать лет подряд. Дети с жаром просили Юстеса подробно рассказать им о таком удивительном происшествии, но студент отвечал, что вся эта история была уже им однажды рассказана и притом так хорошо, что вряд ли можно было сделать это лучше. К тому же, пока она не станет такой же старой, как «Голова Горгоны», «Три золотых яблока» и прочие сказки, в ней нельзя изменить ни одного слова.

– Но пока мы здесь сидим, вы могли бы рассказать нам одну из ваших собственных сказок, – предложил Барвинок.

– Да, кузен Юстес, – воскликнула Мальва, – расскажите нам какую-нибудь хорошенькую сказочку. Выберите сюжет повозвышеннее и посмотрите, сможет ли ваше воображение подняться до него. Быть может, горный воздух на сей раз сделает вас поэтом. Ничего, если сказка будет необычной и удивительной. Должно быть, здесь, среди облаков, мы поверим всему.

– Можете ли вы поверить, что некогда существовала крылатая лошадь? – спросил Юстес.

– Еще бы! Но я боюсь, вы никогда ее не поймаете, – заметила дерзкая Мальва.

– А я, Мальва, думаю, что смогу поймать и оседлать Пегаса, подобно дюжине поэтов, которых я знаю, – отвечал студент. – Во всяком случае, в моей сказке речь пойдет как раз о нем, так как вершина горы – самое подходящее место для таких рассказов.

Дети столпились возле Юстеса, а он уселся поудобнее на кучу камней и, устремив взгляд на плывущее мимо облако, стал

рассказывать.

Химера

Однажды много лет назад (все, о чем я рассказываю, случилось в такие древние времена, что о них никто ничего не помнит), на склоне одного из холмов Греции забил источник. Насколько мне известно, он существует и сейчас, спустя много тысяч лет. Как бы то ни было, однажды к прохладному источнику, струившемуся по склону холма в золотом зареве заката, приблизился красивый юноша по имени Беллерофонт. В руках у него была узда с золотыми удилами, украшенная драгоценными камнями. Увидев у источника старика, мальчика, мужчину средних лет и девушку, которая черпала кувшином воду, Беллерофонт остановился и попросил у девушки напиться.

– Эта вода восхитительна, – сказал он, осушив кувшин и наполняя его снова. – Не знаешь ли ты, как называется этот источник?

– Его зовут источником Пирены, – отвечала девушка и, помолчав, прибавила: – Моя бабушка рассказывала, что этот прозрачный источник был некогда прелестной женщиной, которая истаяла в слезах, после того как ее сын был пронзен стрелой Дианы. Вода, которую ты находишь такой восхитительной, – это горькие слезы бедной матери.

– Я бы никогда не подумал, что такой прозрачный и быстрый родник, пробившийся из мрака на солнечный свет, мог заключать в себе хотя бы одну слезинку, – проговорил юноша. – Так это и есть Пирена? Спасибо, что ты назвала это имя, я ведь пришел сюда издалека нарочно для этого.

Поселянин, который привел на водопой корову, внимательно посмотрел на Беллерофонта и на великолепную узду в его в руках.

– В твоей стране, верно, высохли все ручьи, если ты пришел издалека к источнику Пирены, – заметил он. – Уж не потерял ли ты лошадь? Я вижу у тебя в руках дорогую узду, украшенную двойным рядом сверкающих камней. Если лошадь была так же красива, как и ее узда, ты должен очень жалеть о такой потере.

– Я ничего не потерял, – с улыбкой произнес Беллерофонт, – я только ищу одну чудесную лошадь, которая, как сообщили знающие люди, может быть где-то здесь. Не знаешь, навещает ли крылатый конь Пегас источник Пирены, как бывало раньше?

Поселянин громко расхохотался.

Некоторые из вас, мои маленькие друзья, вероятно, слышали, что Пегас был конем снежно-белой масти с красивыми серебристыми крыльями. Большую часть времени он проводил на вершине горы Геликон или, подобно орлу, носился в облаках. Его воздушный полет отличался дикостью, быстротой и легкостью. У него не было товарищей, так как в мире не было никого, подобного ему, никто никогда не садился на него, и в течение долгих лет Пегас был одинок и счастлив.

О, как хорошо быть крылатой лошадью! Пегас, который обыкновенно проводил ночи на горной вершине, а дни – в воздухе, с трудом мог называться земным созданием. Когда он летел в лазурной вышине, а его серебристых крыльев касались солнечные лучи, казалось, он принадлежит небу, а когда он спускался к земле, казалось, будто он заблудился и ищет дорогу в тумане. Порой он нырял в пушистое облако, на пару мгновений теряясь в нем, а после снова появлялся с другой стороны. А если шел дождь и серая завеса

туч заволакивала небо, крылатый конь, спускавшийся сквозь нее, приносил с собой лучи света из заоблачной выси. Правда, в следующее мгновение и свет, и Пегас уже исчезали, но всякий, кому удавалось наблюдать это удивительное зрелище, становился веселым на целый день, как бы долго не шел дождь.

Летом, в хорошую погоду, Пегас частенько спускался на землю, складывал свои серебряные крылья и носился по холмам и долинам, подобно ветру. Пегаса нередко видели у источника Пирены, где он пил воду или валялся на мягкой траве, или лакомился сочным клевером.

Прадеды местных жителей (пока они были молоды и верили в существование крылатой лошади) любили наведываться к источнику Пирены в надежде хоть мельком увидеть прекрасного Пегаса. Но потом он стал появляться здесь крайне редко. Те, кто жили в полчасе ходьбы от источника, никогда не видели Пегаса, а потому не верили в его существование. Селянин, с которым беседовал Беллерофонт, был как раз из тех, кто не верил в Пегаса, а потому рассмеялся, услышав о крылатом коне.

– Пегас?! – воскликнул он, как можно выше задрав курносый нос. – Крылатый конь? В самом деле? В своем ли ты, друг, уме? И зачем лошади крылья? Неужели ты думаешь, что они могут понадобиться ей, чтобы таскать за собой плуг? Конечно, у такой лошади меньше стираются подковы, но зато разве приятно было бы ее хозяину видеть, как она улетает в окно конюшни и мчит за облака, когда он собрался съездить на мельницу? Нет, нет, я не верю в Пегаса! Такой странной птицы-лошади никогда не существовало!

– А я думаю иначе, – спокойно проговорил Беллерофонт и обернулся к старику, который внимательно прислушивался к их разговору, вытянув шею и приложив руку к уху, чтобы лучше слышать. – Ну, а ты что скажешь? – спросил молодой человек. – Вероятно, в молодости тебе часто приходилось видеть крылатого коня?

– Моя память очень слаба, юноша, – отвечал старик, – но, насколько я помню, в молодости я, как и все, верил в существование такой лошади. Теперь же, право, я не знаю, что думать о Пегасе, так как, говоря откровенно, он меня мало занимает. Если я и видел Пегаса когда-нибудь, то это было давным-давно, и, сказать по правде, я даже сомневаюсь, было это или нет. Однажды когда я был еще мальчиком, я заметил следы копыт у источника, но Пегас оставил эти следы или какая-нибудь другая лошадь – не знаю.

– А ты, красавица, никогда не видела его? – спросил Беллерофонт у девушки. Пока шел разговор, она стояла, держа кувшин на голове. – Думаю, если кто и видел Пегаса, так это ты: неспроста у тебя так блестят глаза.

– Кажется, я один раз его видела, – отвечала девушка, краснея и смущенно улыбаясь. – Не то Пегас, не то большая белая птица очень высоко летела в воздухе. А другой раз я пришла с кувшином к источнику и услышала конское ржание, но такое приятное и веселое, что мое сердце забилося от радости при этом звуке. Однако эти звуки так испугали меня, что я убежала, забыв наполнить кувшин.

– Жаль, что так случилось! – проговорил Беллерофонт.

Последним он обратился к ребенку, который, разинув рот, пристально смотрел на него.

– Ну а ты, малыш? Наверное, ты часто видел крылатую лошадь?

– Случалось! – охотно откликнулся мальчик. – Я видел его вчера и много раз прежде.

– Ты славный мальчуган, – заметил Беллерофонт, привлекая ребенка к себе. – Ну-ка, расскажи мне, как это было!

– Я часто хожу сюда пускать кораблики и собирать красивые камешки, – отвечал малыш. – Я глядел на воду и не раз видел в ней отражение летящего в небе крылатого коня. Мне очень хотелось, чтобы он спустился, позволил сесть себе на спину и унес меня на луну, но едва я успеваю его заметить, как он улетает прочь!

И Беллерофонт поверил ребенку, видевшему отражение Пегаса в воде, и девушке, слышавшей его мелодичное ржание, а не селянину,

который признавал только ломовых лошадей, и не старику, забывшему юношеские годы.

С тех пор Беллерофонт часто приходил к источнику Пирены и пристально смотрел то в небо, то на воду в надежде увидеть отражение крылатого коня или его самого. На всякий случай он всегда держал наготове украшенную драгоценными камнями узду с золотыми удилами.

Зачастую селяне, пригонявшие скот на водопой, смеялись над Беллерофонтом, а порой даже отчитывали его. Такой крепкий и славный юноша, по их мнению, не должен был терять время даром. Они предлагали купить у них лошадь, если она ему так нужна, а когда Беллерофонт отказывался, просили его продать великолепную узду.

Даже местные мальчишки считали Беллерофонта глупцом и насмехались над ним, не заботясь о том, что он все видит и слышит. Обычно один из них изображал Пегаса, выделявая невообразимо причудливые прыжки, что должно было обозначать воздушный полет, а его товарищ бежал следом за ним с пучком тростника, который заменял ему узду.

Только тот скромный и тихий мальчик, который видел отражение Пегаса в воде, утешал Беллерофонта настолько искренне и страстно, насколько все остальные досаждали ему. В часы отдыха он часто садился возле юноши и, не говоря ни слова, смотрел в воду или на небо с такой простодушной уверенностью, что Беллерофонт невольно тут же успокаивался.

Но, вероятно, вы уже давно хотите узнать, зачем понадобился Беллерофонту крылатый конь. Воспользуемся же паузой, пока он ожидает появления Пегаса у источника, и расскажем об этом.

Если бы я вздумал познакомить вас с предшествующими подвигами Беллерофонта, то легко мог бы составить целую книгу. Поэтому достаточно будет упомянуть, что в одной азиатской стране появилось ужасное чудовище по имени Химера, приносившее столько зла, что нельзя было бы пересказать за целый день с

восхода и до заката солнца. Насколько мне известно, Химера была самым безобразным, опасным и удивительным чудовищем, какое когда-либо появлялось из недр земли. Бежать от нее и сражаться с нею было одинаково трудно. У нее был хвост, как у удава, а тело такое странное, что я, право, не знаю, с чем его можно сравнить. У Химеры было три головы: одна – львиная, другая – козлиная и третья – змеиная, и все они извергали пламя из своих пастьей. Так как Химера постоянно жила на земле, у нее не было крыльев, хотя она и без них передвигалась так быстро, как лев, козел и змея вместе взятые.

Это ужасное чудовище причиняло одно только зло. Огненным дыханием оно сжигало леса, поля и деревни со всеми домами и жителями. Оно опустошило всю страну, так как привыкло пожирать живых людей и животных, переваривая их потом в раскаленных недрах своего желудка. Какое счастье, дети, что ни вам, ни мне ни разу не пришлось встретиться с Химерой!

Как раз в то время, когда это омерзительное животное (если только можно назвать так Химеру) появилось в Ликии, в эту страну прибыл и Беллерофонт, чтобы нанести визит царю Иобату.

Беллерофонт, как я уже упоминал, был одним из самых храбрых юношей в мире и ничего так не желал, как совершить доблестный подвиг, который заставил бы весь свет восхищаться им.

В те времена юноша мог отличиться лишь в битве с врагами родной страны или со злыми гигантами, в схватке со свирепыми драконами или дикими зверями, если, конечно, не подворачивалось чего-нибудь более опасного.

Заметив необычайную храбрость юноши, царь Иобат предложил ему сразиться с ужасной Химерой, которая грозила превратить всю Ликию в пустыню. Не колеблясь ни минуты, Беллерофонт сказал царю, что либо убьет смертоносное чудовище, либо погибнет в схватке с ним.

Однако с первого взгляда было ясно, что ему не одолеть Химеру в пешем бою, так как эта тварь была необычайно быстра и проворна.

Поэтому прежде всего юноше необходимо было приобрести самого быстрого скакуна из всех существующих на Земле. Но какая другая лошадь могла сравниться с дивным Пегасом, который имел не только ноги, но и крылья, и принадлежал, скорее, небу, чем земле! Многие люди не верили в существование крылатого коня, считая все рассказы о нем не более чем выдумкой, но Беллерофонт свято верил, что Пегас существует, и надеялся найти его. Если бы юноше удалось оседлать его, он бы тотчас получил большое преимущество перед Химерой.

Это-то и было причиной, по которой Беллерофонт пришел из Ликий в Грецию с волшебной уздой в руках. Если бы только ему удалось вложить золотые удила в рот Пегаса, крылатый конь сразу же сделался бы покорен и послушен Беллерофонту, как своему хозяину, и помчал бы его всюду, куда бы тот ни захотел.

Как же томительно долго тянулось время, пока Беллерофонт ждал, когда Пегас придет утолять жажду к источнику Пирены! Юноша очень боялся, как бы царь Иобат не подумал, что он нарочно сбежал, чтобы не сразиться с Химерой. А еще ему становилось страшно при мысли о том, сколько зла сотворило чудовище, пока он, вместо того чтобы сразиться с ним, праздно сидел у источника, любуясь сверкающими водами Пирены.

А так как последние годы Пегас приходил сюда чрезвычайно редко, не больше одного раза в течение целой человеческой жизни, Беллерофонт боялся, что он состарится и утратит силу в руках и мужество в сердце, прежде чем дождется появления крылатого коня. О, как медленно тянется время для отважного, жаждущего подвигов и славы юноши! Как тяжело ждать! Жизнь коротка, а сколько ее тратится на то, чтобы научиться терпению!

Хорошо еще, что ребенок очень привязался к Беллерофонту и почти никогда не покидал его, каждое утро вселяя в юношу новую надежду вместо увядшей вчера.

– Милый Беллерофонт, – восклицал он, весело поглядывая на героя, – сегодня мы наверняка увидим Пегаса!

Если бы у мальчика не было такой непоколебимой уверенности, Беллерофонт давно оставил бы всякую мысль о Пегасе и, вернувшись в Ликию, попытался сразиться с Химерой без помощи крылатого коня. В таком случае бедный юноша в несравненно большей степени рисковал быть растерзанным ужасным чудовищем, которое могло испепелить его своим смертоносным дыханием. Не оседлав Пегаса, вряд ли кто мог надеяться на счастливый исход в битве с Химерой.

Однажды утром мальчик сказал Беллерофонту с большей уверенностью, чем обычно:

– Милый Беллерофонт, не знаю почему, но я не сомневаюсь, что сегодня мы наконец увидим Пегаса!

Весь этот день он ни на шаг не отходил от Беллерофонта: они вместе съели немного хлеба и напились воды из источника. В полдень они рядышком, приобняв друг друга, уселись в тени. Рассеянно глядя на могучие деревья, окружавшие источник, и на виноградные лозы, карабкавшиеся между их ветвями, Беллерофонт погрузился в свои невеселые мысли, в то время как мальчик внимательно всматривался в воду источника. Ребенок был очень грустен, да и немудрено: надежда на сегодняшний день, по-видимому, оказывалась такой же обманчивой, как и раньше. Две-три крупных слезы медленно скатились по его щекам и смешались со слезами Пирены, которые та пролила, оплакивая убитого сына. Но вдруг, когда Беллерофонт менее всего ожидал этого, он ощутил легкое прикосновение детской руки и услышал тихий, едва слышный шепот:

– Смотри сюда, милый Беллерофонт! Видишь это отражение в воде?

Взглянув на покрытую рябью поверхность источника, юноша действительно увидел отражение летящей в поднебесье птицы, на белоснежных с серебристым отливом крыльях которой весело играли лучи солнца.

– Какая великолепная птица! – воскликнул он. – Странно, она кажется такой большой, хотя и летит над облаками!

– Я весь дрожу, – прошептал ребенок, – и, сам не знаю почему, боюсь взглянуть на небо. Правда, это необычайно красиво, но я могу любоваться только отражением в воде. Милый Беллерофонт, неужели ты не видишь, что это не птица, а конь Пегас?

Сердце Беллерофонта тревожно забилося. Он жадно всматривался в небо, но не видел крылатое создание, которое как раз в эту минуту погрузилось в туманную глубину облака. Однако через мгновение оно вновь появилось с другой стороны, ближе к земле, хотя все еще оставалось от нее на огромном расстоянии. Схватив мальчика на руки, Беллерофонт поспешно спрятался в кусты, которые росли вдоль источника. Юноша ужасно боялся, что Пегас (так как это был действительно он), заметив его, улетит прочь на какую-нибудь неприступную горную вершину. Наконец-то долгожданный крылатый конь явился утолить жажду к источнику Пирены!

Пегас стремительно приближался, описывая круги все меньше и меньше, подобно приземляющемуся голубю. Чем меньшее расстояние отделяло его от земли, тем величественнее казались взмахи его серебристых крыльев. Наконец он спустился – так легко, что трава у источника чуть колыхнулась, а следы копыт едва отпечатались на прибрежном песке, – склонил гордую шею и принялся пить. Он вбирал в себя воду с глубокими вздохами наслаждения и, чтоб продлить удовольствие, сделав глоток, не спешил с другим. Ни одна вода на земле и на небе не нравилась Пегасу так, как эта, из источника Пирены. Утолив жажду, он пощипал немного душистого клевера, но не слишком охотно, едва касаясь его губами, так как трава на подоблачной горе Геликон нравилась ему гораздо больше.

Покончив с трапезой, крылатый конь принялся скакать и прыгать, что было для него любимейшим развлечением и удовольствием. На свете не было существа игривее Пегаса. Он весело резвился, с легкостью коноплянки взмахивая большими серебристыми

крыльями и делая короткие скачки между небом и землей, которые можно было одновременно принять и за полет, и за галоп. Порой созданиям, которые умеют летать, хочется и побегать, просто так, разнообразия ради. Впрочем, Пегасу, по-видимому, стоило немалых усилий удержаться на земле.

Беллерофонт, державший ребенка за руку и осторожно выглядывавший из кустов, невольно подумал, что он никогда не был свидетелем такого чудного зрелища и ни у одной лошади не видел таких живых огненных глаз, как у Пегаса. Мысль о поимке крылатого скакуна и езде на нем показалась ему едва ли не греховной.

Раз или два Пегас, наострив уши, останавливался и, помахивая головой, осматривался вокруг, подозрительно обнюхивая воздух. Однако, ничего не обнаружив, он снова принимался за свои шалости.

Наконец Пегас сложил крылья и улегся на мягкой зеленой траве – не от усталости, а просто от лени и истомы. Однако он был чересчур непоседлив, чтобы оставаться спокойным хотя бы несколько минут, и вскоре повернулся на спину, задрал стройные тонкие ноги. Как красив был этот резвый сын воздуха! Это одинокое создание, у которого никогда не было друзей. Впрочем, он в них и не нуждался и в течение долгих столетий был абсолютно счастлив. Чем больше он делал движений, свойственных обыкновенным лошадям, тем чудеснее и загадочнее казался. Беллерофонт и мальчик затаили дыхание, отчасти от восхищения, отчасти из страха, что малейший шум или шорох заставят Пегаса с быстротой стрелы подняться вверх и исчезнуть в небесной лазури.

Наконец, когда Пегасу надоело валяться, он перевернулся и лениво, как всякая другая лошадь, вытянул передние ноги, чтобы подняться с земли. Предвидя это, Беллерофонт улучил минуту, выскочил из-за кустов и запрыгнул коню на спину.

Мальчик не мог поверить своим глазам: Беллерофонт сидел на крылатом коне!

Но какой прыжок сделал Пегас, впервые почувствовав тяжесть на своей спине! Вот так прыжок! Не успел Беллерофонт перевести дыхание, как очутился на высоте пятисот футов. Он стремительно поднимался вверх на храпевшем и дрожавшем от бешенства и страха коне, пока не погрузился в холодное мглистое облако, которым он всего несколько минут назад любовался, представляя себе очень приятным местом. Достигнув середины облака, Пегас, подобно молнии, бросился вниз, словно желая разбиться вместе с седоком о скалы. Затем он принялся выделывать тысячи самых диких скачков, каких только можно ожидать от птицы или лошади.

Я не сумею рассказать вам и половины того, что он вытворял. Он кидался из стороны в сторону, брыкался, стоя передними ногами на мглистом облаке, а задние вскидывая вверх, лягался, прятал голову между ногами, распускал крылья. Наконец, поднявшись на высоту около двух миль над землей, он неожиданно перевернулся так, что Беллерофонту, который очутился вверх ногами, пришлось смотреть на небо из-под него. Пегас повернул голову и попробовал укусить Беллерофонта, глядя на него пылающими глазами. Он так яростно махал крыльями, что одно из серебряных перьев упало на землю и было поднято ребенком, который всю жизнь хранил его в память о Пегасе и Беллерофонте.

Но Беллерофонт (как видите, он был великолепным наездником) ждал благоприятного момента, чтобы надеть на Пегаса волшебную узду. Не успел он сделать это, как Пегас стал таким послушным, как будто всю жизнь кормился из рук Беллерофонта. Было больно видеть, что такое вольное создание вмиг сделалось совершенно ручным. Казалось, Пегас тоже почувствовал это... Когда он посмотрел на Беллерофонта, в его недавно пылающих глазах стояли слезы.

Но когда Беллерофонт потрепал коня по голове и сказал несколько повелительных, но добрых и успокаивающих слов, взгляд Пегаса стал совсем другим: он был рад найти друга и хозяина после столь долгого одиночества.

Так всегда бывает с крылатыми конями и прочими одинокими созданиями. Если вам удастся поймать их и подчинить себе, они наверняка будут любить вас.

Пегас пролетел весьма значительное расстояние, прежде чем Беллерофонту удалось надеть на него узду: вдали уже показалась высокая гора Геликон. Беллерофонт несколько раз видел эту гору раньше и знал, что крылатый конь живет на ее вершине. Туда-то (после вопросительного взгляда на своего седока) и летел теперь Пегас. Спустившись на землю, он терпеливо ждал, пока Беллерофонт спешится. Спрыгнув с Пегаса, юноша крепко взял его за узду, но, встретившись с кротким взглядом коня и вспомнив о вольной жизни, которую Пегас вел прежде, ему не захотелось держать лошадь в плену насильно.

Следуя великодушному побуждению, он снял с Пегаса волшебную узду и вынул изо рта удила.

– Оставь меня, Пегас! – произнес он. – Или оставь, или полюби меня!

В мгновение ока крылатый конь скрылся из виду, умчавшись на вершину горы Геликон. Солнце давно уже закатилось, и вечерние сумерки окутывали и гору, и окрестности, но Пегас летел так быстро, что нагнал дневной свет. Поднимаясь все выше и выше, он, наконец, исчез в лазурной пустыне неба. Беллерофонт уже начал опасаться, что никогда не увидит его более, но, пока он сожалел о своем безрассудном решении, сверкающая точка появилась вновь и стала стремительно приближаться. Пегас вернулся! После этого испытания нечего было бояться, что крылатый конь убежит. Пегас и Беллерофонт стали друзьями и преисполнились доверием друг к другу.

Эту ночь они спали рядом, и Беллерофонт обнял Пегаса за шею не из опасения, что тот улетит, а просто в знак расположения.

С рассветом оба проснулись, и каждый по-своему пожелал другому доброго утра.

Беллерофонт и чудный конь провели вместе много дней, и с каждым днем все сильнее привязывались друг к другу. Они неоднократно совершали далекие воздушные путешествия и иногда поднимались так высоко, что земля казалась немногим больше луны. Они посетили множество дальних стран, и всякий раз их жители удивлялись тому, что прекрасный юноша спускался на крылатом коне с неба. Проворному Пегасу ничего не стоило пробежать несколько тысяч миль в день. А это так нравилось Беллерофонту! Он не желал ничего другого, как вечно носиться по необозримому небесному океану, дыша чистым и свежим воздухом. В то время как на земле порой бывало мрачно и холодно, там, наверху, всегда стояла ясная, солнечная погода.

Однако юноша не мог забыть, что обещал царю Иобату убить ужасную Химеру, а потому, освоившись как следует с трудностями воздушной верховой езды и приучив Пегаса слушаться не только малейшего движения руки, но и голоса, он решил исполнить свое обещание.

Однажды, проснувшись на рассвете, Беллерофонт разбудил крылатого коня, потрепав его за ухо. Пегас сейчас же вскочил на ноги и, поднявшись на четверть мили вверх, описал большой круг около горы Геликон в знак того, что он проснулся и готов пуститься в дорогу. А затем, издав громкое, веселое и мелодичное ржание, он с легкостью прыгающего на ветке воробышка спустился на землю около Беллерофонта.

– Хорошо, милый Пегас, хорошо, мой небесный скакун! – воскликнул Беллерофонт, нежно поглаживая шею лошади. – А теперь, мой проворный дружище, пора приняться за дело. Сегодня нам предстоит сразиться с ужасной Химерой!

Покончив с едой и напившись воды из родника Гиппокрены^[6], Пегас сам потянулся к Беллерофонту, чтобы тот надел на него узду.

Пока Беллерофонт готовился к битве, конь игриво подпрыгивал в воздухе, всем своим видом показывая, что ему не терпится отправиться в путь.

Когда все было готово, Беллерофонт сел на Пегаса и поднялся миль на пять вверх, чтоб лучше видеть путь, который предстояло преодолеть: он всегда делал так, отправляясь в далекое путешествие. Затем он повернул Пегаса на восток и пустился в Ликию. По дороге они нагнали орла и, прежде чем тот успел посторониться, так близко пронесли мимо него, что Беллерофонт мог легко поймать птицу за лапу. Они мчались вперед с такой быстротой, что еще на восходе увидели высокие горы Ликии, изрезанные глубокими мрачными ущельями, в одном из которых, как полагал Беллерофонт, жила отвратительная Химера.

Близок был конец их путешествия: крылатый конь со своим седоком начал медленно спускаться под прикрытием облаков, окутывавших горные вершины. Спрятавшись за облако и осторожно выглядывая из-за него, Беллерофонт как на ладони видел всю Ликию. Сначала он не заметил ничего особенного в расстилавшейся перед ним стране, покрытой холмами и скалами, и, только приглядевшись, увидел ряды сожженных хижин и трупы коров и лошадей, которые усеивали бывшие пастбища.

«Наверное, все это наделала Химера, – подумал Беллерофонт. – Но где же это чудовище?»

Как я уже упоминал, с первого взгляда нельзя было заметить ничего особенного, кроме трех струек черного дыма, зловеще поднимавшихся откуда-то из пещеры. Сама пещера располагалась как раз под крылатым конем, находившимся на высоте около тысячи футов над землей. Медленно поднимавшийся кверху дым обладал необычайно удушливым запахом, заставившим Беллерофонта чихать, а Пегаса – фыркать. Серный смрад был так неприятен чудесному коню, который привык дышать самым чистым воздухом, что он взмахнул крыльями и чуть не на полмили отлетел в сторону.

Однако, оглянувшись назад, Беллерофонт увидал нечто такое, что заставило его дернуть за узду и повернуть Пегаса обратно. Он сделал знак крылатому коню, после чего тот стал медленно опускаться, пока не спустился до высоты человеческого роста. Прямо

перед ними, на расстоянии брошенного камня, был вход в пещеру, откуда тянулись струйки дыма. И знаете, что увидел там Беллерофонт?

Странные ужасные существа копошились внутри пещеры. Их тела так близко соприкасались друг с другом, что Беллерофонт не мог понять, где начинается одно и заканчивается другое: судя по головам, одно из этих чудовищ было огромной змеей, другое – свирепым львом, а третье – безобразным козлом. Лев и козел спали, а змея бодрствовала, широко раскрыв огненные глаза. Но что всего удивительней – три ленты дыма, по-видимому, исходили от этих трех голов! Зрелище было таким странным, что Беллерофонт не сразу догадался, что попал в пещеру ужасного трехглавого чудовища, Химеры, хотя он и готовился к встрече с ней. Змея, лев и козел не были, как он предполагал ранее, тремя отдельными существами, они составляли одно целое!

Злая, омерзительная тварь! Прежде чем две головы ее погрузились в сон, она сожрала бедного ягненка или, может быть, – о чем страшно подумать! – какого-нибудь маленького мальчика, так как в ужасных когтях чудовище держало чьи-то окровавленные останки!

Вдруг Беллерофонт вздрогнул, словно пробудившись ото сна, и понял, что имеет дело с Химерой. Пегас, казалось, тоже понял это, потому что издал короткое ржание, напоминавшее призывный звук трубы. Заслышав его, все три головы Химеры разом поднялись, извергая снопы пламени, и прежде чем Беллерофонт успел сообразить, в чем дело, чудовище выскочило из пещеры и бросилось на него, выпустив свои страшные когти и зловеще крутя змеиным хвостом. Если бы Пегас не отличался быстротой птицы, оба – и конь, и всадник – неминуемо погибли бы от когтей Химеры, и битва кончилась бы раньше, чем началась. Но крылатого скакуна не так-то легко было застать врасплох. В мгновение ока он взмыл в воздух, чуть не под самые облака, фыркая от злости и дрожа не от страха, а от отвращения к омерзительному трехглавому чудовищу.

Химера тоже поднялась на кончике хвоста и, яростно суча лапами, извергла снопы пламени из всех трех пастей. Боже, как страшно она ревела, шипела и блеяла! Беллерофонт выставил щит и обнажил меч.

– Теперь, дорогой мой Пегас, – прошептал он на ухо крылатому коню, – ты должен помочь мне убить эту отвратительную гадину или тебе придется вернуться на вершину горы Геликон одному. Либо

Химера погибнет, либо отхватит мне голову, которая столько раз покоилась на твоей шее!

Пегас заржал и нежно потерся мордой о щеку Беллерофонта, словно желая сказать, что даже обладая даром бессмертия, он, скорее, предпочел бы погибнуть, чем лишиться друга.

– Спасибо тебе, Пегас – ответил Беллерофонт. – Итак, вперед! Нападем на чудовище!

С этими словами он дернул за узду, и Пегас стрелой бросился на Химеру, которая старалась как можно выше подняться в воздух. На расстоянии вытянутой руки Беллерофонт нанес чудовищу первый удар, но не успел заметить, удачен он был или нет, так как Пегас круто развернулся и несколько мгновений двигался в противоположную сторону. Однако вскоре крылатый скакун повернул и помчался назад, пока не очутился на прежнем расстоянии от Химеры. Беллерофонт увидел, что ему почти удалось отрубить козлиную голову чудовища, которая теперь едва болталась на обрывке кожи и казалась совершенно безжизненной.

Змеиная и львиная головы, которым словно передалась свирепость отрубленной головы, извергали огонь и ревели с еще большим остервенением, чем прежде.

– Ничего, мой храбрый Пегас, – воскликнул Беллерофонт, – если второй удар окажется не менее мощным, мы прекратим либо рев, либо шипение!

И он снова тронул узду. Крылатый конь столь же стремительно бросился на Химеру, и новый страшный удар обрушился на голову чудовища. Однако на этот раз ни Беллерофонту, ни Пегасу не удалось отделаться так счастливо, как раньше. Одной лапой Химера сильно оцарапала юноше плечо, а другой повредила левое крыло

лошади. Но Беллерофонт поразил львиную голову чудовища, и она бессильно повисла, испуская густые клубы черного дыма, вместо огня. Зато единственная оставшаяся теперь змеиная голова стала вдвое свирепее и ядовитее, чем раньше. Она извергала столбы пламени длиной в пятьсот ярдов и шипела так громко, яростно и пронзительно, что царь Иобат, находившийся за пятьдесят миль отсюда, дрожал и трясся на троне.

«Горе мне, – думал бедный Иобат, – это, верно, Химера идет пожирать меня!»

Между тем Пегас снова остановился и сердито заржал, смотря на врага пылающими глазами. Как не похож был этот огонь на пламя, вылетающее из пасти отвратительной Химеры!

– Ты окровавлен, мой бедный конь! – воскликнул юноша, забыв о собственной ране при виде страданий благородного животного, которому никогда ранее не приходилось испытывать боли. – Химера поплатится за это своей последней головой!

Дернув за узду, он с громким криком направил Пегаса прямо на дышащее злобой чудовище. Нападение было молниеносным, и только яркие вспышки пламени говорили о том, что Беллерофонт сцепился со своим врагом.

Потеряв вторую голову, Химера окончательно рассвирепела. Она так яростно металась по земле и по воздуху, что было трудно сказать, где она находится. При этом она необычайно широко раскрыла змеиные челюсти, так что Пегас даже с расправленными крыльями мог бы целиком уместиться там вместе со своим седоком. Завидев Беллерофонта, чудовище выдохнуло столб пламени, опалив крылья Пегаса и золотистые кудри юноши. Раскаленный воздух сделался совершенно невыносимым, но все это было ничто по сравнению с тем, что последовало далее.

Когда крылатый конь очутился на расстоянии сотни ярдов от Химеры, чудовище бросилось вперед и мертвой хваткой вцепилось в бедного Пегаса, обрушившись на него всей тяжестью огромного отвратительного тела и скрутив змеиный хвост узлом. Крылатый

скакун взмывал все выше и выше, выше горных вершин и облаков и почти скрылся из вида, но порожденный землей монстр не разжал лап и уносился вверх вместе с ним. В следующий миг Беллерофонт оказался лицом к лицу с уродливой мордой Химеры, и только вовремя поднятый щит спас его от сожжения или съедения. И теперь сквозь верхнюю кромку щита он смотрел в дикие глаза чудовища.

Но Химера настолько обезумела от дикой боли, что перестала соблюдать всякую осторожность. Что ж, быть может, лучший способ сражаться с Химерой – это подойти к ней как можно ближе? Стремясь растерзать Беллерофонта своими железными когтями, чудовище оставило открытой собственную грудь. Заметив это, Беллерофонт по самую рукоятку вонзил меч в ее жестокое сердце.

Узел змеиного хвоста медленно развязался. Чудовище отпустило Пегаса и со страшной высоты упало на землю, в то время как огонь в его груди, вместо того чтобы потухнуть, начал быстро пожирать мертвое тело.

Так как Химера упала с неба ночью, ее могли принять за падающую звезду или комету. На следующее утро отправлявшиеся на работу крестьяне были немало удивлены, увидев, что земля покрыта черным пеплом. Посередине поля белела груда костей, значительно превосходившая вышиной стог сена. От Химеры не осталось больше ничего!

Одержав победу, Беллерофонт нагнулся и со слезами на глазах поцеловал Пегаса.

– А теперь, мой славный конь, – произнес он, – возвращаемся к источнику Пирены!

Пегас помчался к цели со всей быстротой, на которую только был способен, и вскоре они очутились у источника. Как и в прошлый раз у источника стоял старик, селянин, пригнавший корову на водопой, и хорошенькая девушка с кувшином.

– Я припоминаю теперь, – произнес старик, – как-то раз, когда я был еще совсем мальчиком, мне посчастливилось видеть крылатую лошадь, но тогда она была в десять раз красивее.

– Моя ломовая лошадь стоит дороже трех таких скакунов, – произнес селянин. – Если бы этот пони был моим, я бы первым делом обрезал ему крылья!

Только девушка ничего не сказала, так как она очень часто пугалась без всякого повода. Вот и на этот раз она убежала, от страха уронив и разбив свой кувшин.

– А где же мой маленький друг? – спросил Беллерофонт. – Он никогда не сомневался в существовании Пегаса и любил смотреть в воду источника.

– Я здесь, милый Беллерофонт, – тихо произнес ребенок.

Мальчик целые дни проводил на берегу Пирены, ожидая возвращения Беллерофонта, но, увидев юношу спускающимся с облаков на крылатом коне, он в первую минуту страшно смутился и бросился в кусты. Робкий и застенчивый ребенок боялся, что старик и селянин заметят слезы на его глазах и примутся насмехаться над ним.

– Ты победил! – воскликнул он радостно, подбегая к Беллерофонту, который все еще сидел на Пегасе. – Я знал, что так и будет!

– Да, дорогое дитя, – отвечал Беллерофонт, слезая с крылатого коня. – Но если бы не твоя вера, я бы никогда не дождался Пегаса, не летал над облаками и ни за что не победил ужасную Химеру. Только

благодаря тебе, мой маленький друг, мне удалось сделать все это. Ну, а теперь пора дать Пегасу свободу.

С этими словами он снял с чудесного коня волшебную узду.

– Ты свободен, Пегас! – печально воскликнул юноша. – Будь же так свободен, как и быстр!

Но Пегас положил голову на плечо Беллерофонта и, по-видимому, вовсе не собирался улетать.

– Ну, хорошо, – произнес Беллерофонт, поглаживая воздушного скакуна, – оставайся со мной, если хочешь. А теперь полетим к царю Иобату, надо сообщить ему, что Химеры более не существует.

Обняв мальчика и обещав ему в скором времени вернуться, Беллерофонт вскочил на Пегаса и умчался.

Впоследствии этот мальчик поднимался на воздушном коне гораздо выше Беллерофонта и совершил много более славных подвигов, чем победа его друга над Химерой. Тихий, ласковый и задумчивый, он стал великим поэтом!

Обнаженная вершина. Послесловие

Эту легенду о Беллерофонте Юстес Брайт рассказал с таким жаром и воодушевлением, словно сам летал на крылатом коне. За это он был вознагражден в полной мере: по пылающим лицам его слушателей было видно, как сильно они заинтересованы. У всех, кроме Мальвы, разгорелись глаза, а в глазах девочки стояли слезы: она увидела в сказке то, чего не могли видеть младшие дети. Брайт сумел вдохнуть в эту легенду жар, благородную решимость и пылкую отвагу юноши.

– Я прощаю тебя, Мальва, – произнес он, – все твои насмешки надо мной и моими рассказами. Эти слезы с избытком вознаграждают меня за твои прежние колкости.

– Хорошо, мистер Брайт, – отвечала Мальва, вытирая глаза и одаривая студента озорной улыбкой. – Прогулка над облаками, несомненно, возбуждает ваши фантазии. Я бы посоветовала вам никогда не рассказывать сказок, если вы не находитесь на вершине горы.

– Или верхом на Пегасе, – заметил Юстес, смеясь. – Неужели ты не находишь, что я довольно удачно поймал эту удивительную лошадку?

– Это было так похоже на одну из ваших безумных проказ! – хлопая в ладоши, воскликнула Мальва. – Я как сейчас вижу, как вы

висите на нем вниз головой на высоте двух миль! Хорошо, что вам до сих пор не доводилось испытывать ваше искусство верховой езды на какой-нибудь дикой лошади, а лишь на таких спокойных, как наши Дэви и старый Хандред.

– Что касается меня, то я не прочь сейчас же сесть на Пегаса, – сказал Юстес. – Верхом на нем я бы быстро объехал окрестности и навестил своих собратьев-писателей. У подошвы Таконика я бы проведаль доктора Дьюи^[7], а в Стокбридже – мистера Джеймса^[8], известного всему свету по целой горе написанных им романов и исторических сочинений. Лонгфелло^[9], я думаю, нет здесь поблизости, иначе крылатый конь непременно заржал бы при виде его. Но зато в Леноксе я нашел бы одного из наших самых знаменитых романистов, Германа Мелвилла^[10], который создал «Белого Кита» в кабинете, из окон которого виднеется гигантская вершина Грэйлока. Еще несколько прыжков моего воздушного коня, и я очутился бы у дверей Холмса^[11], которого я упоминаю последним, так как в следующую минуту мне, конечно, пришлось бы слезть с Пегаса и уступить место более достойному седоку.

– А не писатель ли и наш ближайший сосед? – спросила Мальва. – Тот молчаливый человек, который живет в старом красном домике по дороге в Тэнглвуд? Помните, мы иногда встречали его с двумя детьми в лесу или около озера? Я от кого-то слышала, что он написал поэму или роман, или учебник арифметики и истории – одним словом, что-то в этом роде.

– Тише, Мальва, тише! – воскликнул Юстес испуганным шепотом, прикладывая палец к губам. – Ни слова об этом человеке, даже здесь, на вершине холма! Я уверен, если бы наша болтовня достигла его ушей и рассердила его, ему достаточно было бы бросить в нас кипу бумаги, чтобы и ты, Мальва, и я, и Барвинок, и Папоротник, и Резеда, и Василек, и Черника, и Клевер, и Подорожник, и Маргаритка, и Астра, и ученый мистер Прингл со своим нелестным отзывом о моих рассказах, и бедная мистрис Прингл – словом, все

превратились в дым и вылетели через трубу! Насколько мне известно, наш сосед из красного дома самый безвредный человек для всего остального мира, но я почему-то думаю, что он имеет ужасную власть над всеми нами.

– А не превратится ли вместе с нами в дым Тэнглвуд? – спросил Барвинок, порядком напуганный мыслью о предстоящей гибели. – И что будет с Беном и Мишкой?

– Тэнглвуд останется совершенно таким же, как теперь, – отвечал студент, – только в нем поселится другое семейство. Бен и Мишка тоже останутся и будут весело проводить время, получая кости с обеденного стола и никогда не вспоминая о прошедших днях, когда они жили вместе с нами.

– Что за нелепицу вы несете! – воскликнула Мальва.

Весело болтая, дети стали спускаться с холма и вскоре очутились под сенью леса. Мальва сорвала несколько веток горного лавра, прошлогодняя зелень которого была еще так ярка и свежа, будто ни мороз, ни оттепель не производили над ней своей разрушительной работы. Сплетя венок, девочка заменила им шляпу на голове Юстеса.

– Вероятно, никто не увенчает вас за ваши сказки, – язвительно заметила она, – а потому примите это от меня.

– Не понимаю, почему ты так уверена, что я не получу других венков за свои волшебные сказки, – недоумевал Юстес, который с лавровым венком на кудрявой голове действительно напоминал юного поэта. – Я как раз собирался готовить их к печати весь остаток каникул. Мистер Д. Т. Фильдс – поэт и издатель, с которым я познакомился прошлым летом в Беркшире, сразу же увидит их выдающиеся достоинства. Я надеюсь, что он издаст их на самых выгодных условиях с рисунками Биллинга. Я думаю, не пройдет и пяти месяцев, как меня будут считать одним из светил века!

– Бедный мальчик! – как бы про себя заметила Мальва. – Какое разочарование его ждет!

Когда они спустились ниже, Мишка принялся лаять. Старый Бен степенно и важно отозвался ему. Вскоре показалась и сама

почтенная собака, заботливо охранявшая Одуванчика, Папоротника, Маргаритку и Резеду. Малыши уже отдохнули и, набрав ягод, пошли навстречу своим товарищам, после чего вся компания вернулась в Тэнглвуд через фруктовый сад Люсьера Бетлера.

Натаниель ГОТОРН

КНИГА ЧУДЕС

Иллюстрации Уолтера Крейна

Примечания

1

Ярд – британская и американская единица измерения расстояния, равная 0,91 метра.

[Вернуться](#)

2

Моньюмент Маунтин и Таконик – горы на востоке штата Нью-Йорк.

[Вернуться](#)

3

Серсо (игра с кольцами) – популярная детская игра конца XIX века, в которой играющие перекачивали друг другу украшенные яркими ленточками обручи и ловили их тонкими палочками.

[Вернуться](#)

4

Горацио Грино (1805–1852) – известный американский скульптор и теоретик искусства XIX века.

[Вернуться](#)

5

Бушельмера объема, равная в США 35,24 л.

[Вернуться](#)

6

Гиппокрена – родник на вершине горного хребта Геликон. По преданию, он появился от удара копытом крылатого коня Пегаса.

[Вернуться](#)

7

Честер Дьюи (1784–1867) – американский ботаник, профессор естествознания.

[Вернуться](#)

8

Джордж Пейн Рейнсфорд Джеймс (1799–1860) – английский писатель, автор более 100 исторических романов.

[Вернуться](#)

9

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882) – американский поэт, автор «Песни о Гайавате».

[Вернуться](#)

10

Герман Мелвилл (1819–1891) – американский писатель и моряк, автор романа «Моби Дик».

[Вернуться](#)

11

Холмс Оливер Уэнделл (1809–1894) – американский писатель, врач.

[Вернуться](#)